

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ.
СЕРИЯ: ВОПРОСЫ ОБРАЗОВАНИЯ: ЯЗЫКИ И СПЕЦИАЛЬНОСТЬ**

Том 15 № 1 (2018)

DOI 10.22363/2312-8011-2018-15-1

<http://journals.rudn.ru/education-languages>

Научный журнал

Издается с 2004 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61172 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор

Синячкин В.П., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов
E-mail: sinyachkin_vp@rudn.university

Заместитель главного редактора

Бахтикирева У.М., доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации, Российский университет дружбы народов
E-mail: bakhtikireeva_um@pfur.ru

Ответственный секретарь

Валикова О.А., доктор философии (PhD), научный сотрудник УНИП, Российский университет дружбы народов
E-mail: valikova_o@pfur.ru

Члены редакционной коллегии

Джусупов Маханбет — доктор филологических наук, профессор, Ташкентский государственный университет мировых языков, Узбекистан

Дмитрюк Сергей Валерьевич — кандидат филологических наук, редактор издательского отдела МИЛ, Россия

Евдокимова Светлана — доктор филологических наук, профессор, профессор славистики и компаративной литературы, кафедра славянских языков, Университет Браун, США

Жаксылыков Аслан Жамильевич — доктор филологических наук, профессор, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, РК

Жаркынбекова Шолпан Кузаровна — доктор филологических наук, профессор, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва, Астана, РК

Канагараджа Суреш — почетный профессор, кафедра прикладной лингвистики и английского языка; директор Центра миграционных исследований Пенсильванского университета, США

Кибальник Сергей Акимович — доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ИРЛИ РАН, Санкт-Петербург, Россия

Кулибина Наталья Владимировна — доктор педагогических наук, профессор, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия

Курленко Виктория Борисовна — кандидат педагогических наук, доцент, Российский университет дружбы народов

Лебедько Мария Григорьевна — доктор филологических наук, профессор, Дальневосточный федеральный университет, Россия

Маслова Валентина Абрамовна — доктор филологических наук, профессор, Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, Витебск, Республика Беларусь

Муди Эндрю — PhD, доцент, кафедра английского языка; заместитель декана, факультет искусств и гуманитарных знаний; Университет Макао, КНР

Муранска Наталия — доктор филологических наук, профессор, профессор русистики и компаративной литературы, факультет философии, Университет Константина Философа, Словакия

Протасова Екатерина Юрьевна — доктор педагогических наук, доцент, лектор, Отделение современных языков Хельсинкского университета, Финляндия

Прошина Зоя Григорьевна — доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия

Руденко-Моргун Ольга Ивановна — доктор педагогических наук, профессор, Российский университет дружбы народов

Тарасов Евгений Федорович — заведующий отделом психолингвистики ИЯ РАН (ФАНО), глава московской психолингвистической школы (МПШ), доктор филологических наук, профессор, главный редактор журнала «Вопросы психолингвистики» (в составе базы Russian Science Citation Index на платформе Web of Science), Москва, Россия

Тюстанова Мадина Владимировна — доктор филологических наук, профессор, Линчепингский Университет, Линчепинг, Швеция

Шляхов Владимир Иванович — доктор педагогических наук, профессор, Российский университет дружбы народов

Фирман Уильям — доктор политических наук, профессор, специалист в области языковой политики, почетный профессор Университета Индианы, Центр евразийских исследований, Блумингтон, США

ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ. СЕРИЯ: ВОПРОСЫ ОБРАЗОВАНИЯ: ЯЗЫКИ И СПЕЦИАЛЬНОСТЬ

ISSN 2312-802X (online); ISSN 2312-8011 (print)

4 выпуска в год

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ

Языки: русский, английский, французский, немецкий, испанский

Опубликованные в журнале статьи индексируются в международных реферативных и полнотекстовых базах данных: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) на базе Научной электронной библиотеки eLibrary.ru (НЭБ), Академия Google (Google Scholar), Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, Cyberleninka

Цель и тематика

В тематическое поле журнала входят актуальные проблемы общего языкознания, лингводидактики, а также интегративные направления новейшей филологии: лингвокультурология, социолингвистика, политическая лингвистика, вопросы билингвизма, межкультурная коммуникация. На протяжении своей истории журнал презентовал стратегии эффективной лингводидактики, механизмы восприятия и усвоения иностранного языка в прагматическом аспекте, методики преподавания русского и иностранного языков и др.

Начиная с 2016 г. журнал расширяет исследовательский контекст публикаций и приглашает к сотрудничеству литературоведов, культурологов, историков, философов и других представителей гуманитарного знания. Вместе с тем особое внимание уделено краугольным вопросам современного языкознания: Языку в Человеке и Человеку в Языке; Языку в поликультурном обществе; особенностям языкового сознания билингвальной личности; механизмам восприятия и усвоения иностранного языка в когнитивном и прагматическом аспектах; лингводидактике и многим другим.

Миссия (сверхзадача) журнала — интегрировать лингвистический и экстралингвистический опыт специалистов разных стран и научных направлений с целью разработки универсальной стратегии толерантного взаимодействия между представителями различных языков и культур. Редколлегия журнала убеждена, что Язык (и свой, и чужой) может быть мостом к постижению другой культуры, ментальности, этнической сущности. Ослабление конфронтационного восприятия Другого и провозглашение самоценности каждого языка и каждого этноса в мультикультурном социуме — миссия «Вестника», решаемая на уровне конкретных исследовательских задач, среди которых:

- установление, описание, систематизация языковых фактов по заявленной проблематике;
- публикация результатов экспериментальных методик преподавания и изучения иностранных языков;
- исследование языковых процессов в поликультурном пространстве;
- изучение би- и транслингвальных практик в литературе и медиа и т.д.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/education-languages/about/submissions>

Электронный адрес: uldanai@mail.ru; vestnik_valikova@mail.ru

Редактор: *И.В. Успенская*
Компьютерная верстка: *О.Г. Горюнова*

Адрес редакции:
ул. Орджоникидзе, д. 3, Москва, Россия, 115419
Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: ipk@rudn.university

Адрес редакционной коллегии серии «Вопросы образования: языки и специальность»:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: (495) 434-20-12; E-mail: lingj@rudn.university

Подписано в печать 16.03.2018. Выход в свет 30.03.2018. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «NewtonС».

Усл. печ. л. 14,51. Тираж 500 экз. Заказ № 20. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел. (495) 952-04-41; ipk@rudn.university

**RUDN JOURNAL OF LANGUAGE EDUCATION AND TRANSLINGUAL
PRACTICES**

VOLUME 15 NUMBER 1 (2018)
DOI 10.22363/2312-8011-2018-15-1
<http://journals.rudn.ru/education-languages>
Founded in 2004

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

EDITOR-IN-CHIEF

Professor Dr. Vladimir Sinyachkin
Peoples' Friendship University of
Russia
E-mail: sinyachkin_vp@rudn.university

VICE-EDITOR

Professor Dr. Uldanai Bakhtikireeva
Peoples' Friendship University of
Russia
E-mail: bakhtikireeva_um@pfur.ru

EXECUTIVE SECRETARY

PhD Olga Valikova
Peoples' Friendship University
of Russia
E-mail: valikova_o@pfur.ru

EDITORIAL BOARD

Prof. Suresh Canagarajah — Pennsylvania State University, USA

Prof. Mahanbet Dzhusupov — Uzbekistan State University of World Languages, Tashkent, Uzbekistan

PhD Sergey Dmitryuk — The Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Prof. Svetlana Evdokimova — Brown University, USA

Prof. Aslan Zhaksylykov — Kazakh National University of Al-Farabi, Almaty, Kazakhstan

Prof. Sholpan Zharkynbekova — Eurasian National University named after L.N. Gumilyov, Astana, Kazakhstan

Prof. Sergey Kibalnik — the Institute of Russian Literature (the Pushkin House), Russian Academy of Sciences

Prof. Natalya Kulibina — The Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Dr. Viktoriya Kurilenko — Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

Prof. Lebedko Maria Grigorievna — Far Eastern Federal University, Russia

Prof. Valentina Maslova — Vitebsk State University named after P.M. Masherov, Vitebsk, Belarus

Prof. Andrew Moody — University of Macau, China

Prof. Natalia Muranska — Constantine the Philosopher University, Nitra, Slovak

Prof. Ekaterina Protassova — University of Helsinki, Helsinki, Finland

Prof. Zoya Proshina — Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Prof. Olga Rudenko-Morgun — Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

Prof. Eugeny Tarasov — Linguistics Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Prof. Madina Tlostanova — Linköping University, Linköping, Sweden

Prof. Vladimir Shlyahov — Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

Prof. Wiliam Firman — Indiana University, USA

**RUDN JOURNAL OF LANGUAGE EDUCATION
AND TRANSLINGUAL PRACTICES**
Published by the Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

ISSN 2312-802X (online); ISSN: 2312-8011 (print)

4 issues per year

Languages: Russian, English, French, German, Spanish

Articles have been published in this journal are indexed by several systems: Russian Science Citation Index, (RSCI) by "Electronic Scientific Library" foundation (eLibrary.ru), Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, Cyberleninka, State Commission for Academic Degrees and Titles of Russian Federation

Aim and Scope

The thematic field of the journal includes actual problems of general linguistics, didactics, as well as integrative areas of modern philology: cultural linguistics, sociolinguistics, political linguistics, bilingualism issues, cross-cultural communication.

During its ten-year history the Journal has been offering for discussion by the scientific community significant problems of modern linguistics: Language in Human and Human in Language; Language in a multicultural society; peculiarities of bilingual linguistic consciousness of the individual; mechanisms of perception and learning of foreign language in the cognitive and pragmatic aspects; effective strategy of linguistic didactics and many others.

From 2016, the Journal extends the research context of publications and invites for cooperation culture experts, historians, philosophers, and other representatives of the humanities.

Mission (the supertask) of the Bulletin is to integrate linguistic and extra-linguistic experience of experts from different countries and scientific disciplines. We try to develop universal strategy of tolerant interaction between people of various languages and cultures. The Editorial Board believes that the Language (Own, and Others') may not be only the barrier, but also a bridge between cultures, mentalities and ethnic identities. Our Mission may be implemented in the research tasks as:

- Identification, description, classification of linguistic facts of declared problematics;
- Publication of the results of experimental methods of teaching and learning of foreign languages;
- The study of language processes in multicultural environment;
- The study of bi- and translingual practices in literature, media; etc.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at: [//journals.rudn.ru/education-languages/about/submissions](http://journals.rudn.ru/education-languages/about/submissions)

E-mail: uldanai@mail.ru; vestnik_valikova@mail.ru.

Editor *I.V. Uspenskaya*
Computer design: *O.G. Gorunova*

Address of the editorial board:
Ordzhonikidze str., 3, Moscow, Russian Federation, 115419
Ph. +7 (495) 955-07-16; e-mail: ipk@rudn.university

Address of the editorial board Series «Problems of education: languages and speciality»:
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russian Federation, 117198
Ph. +7 (495) 434-20-12; E-mail: lingj@rudn.university

Printing run 500 copies. Open price.

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Peoples' Friendship University of Russia"
6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russian Federation,
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: ipk@rudn.university

СОДЕРЖАНИЕ

К ЧИТАТЕЛЯМ	7
АРСЕНАЛ	
Аникина М.Н. Целеполагание при обучении русскому языку как иностранному и средства достижения цели	9
Османзаде А.О. Лингводидактические возможности использования ассоциативных рядов в практике преподавания РКИ	18
Кряхтунова О.В. Педагогический статус детей-мигрантов в русскоязычной образовательной среде	27
Дорохова М.В., Свердлова Н.А. Изучение русского языка в условиях полилингвизма (на примере работы с учащимися-мигрантами в МОУ СОШ Иркутска).....	38
Сафарова С.А., Сидорова И.Н. Тема русского патриотизма на занятиях по литературе в иностранной аудитории	45
ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ	
Мамонтов А.С., Столярова А.Г. Специфика формирования вторичной языковой личности при субординативном билингвизме (на примере русско-корейских сопоставлений)	52
Чжан Ж. Устойчивость и вариативность содержания этнокультурных стереотипов (на материале ассоциативного эксперимента «Китайцы глазами русских»).....	59
Семенова А.В. Интерлингвокультурологический подход с позиции контактной вариантологии	67
Щенникова Н.В., Анипкина Л.Н., Полякова Е.В. Речевое воздействие и речевая манипуляция (по данным ассоциативного эксперимента).....	76
Берёзко Д.В. Особенности формирования имиджа современного белорусского политика (на примере выступлений кандидатов в депутаты)	83
Раклов Ф.В. Диахронический анализ общечеловеческой ценности «успех»	92
ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ	
Аmineва В.Р., Набиуллина А.Н. Номинация как способ идентификации персонажа в прозе И. Абузярова	98
Бартош Ю.В. Новая сетевая поэзия как пространство языковой игры	110
Тодорова И.Д. Витальность русского языка и русскоязычная литература	118
ПОЛИЛОГ	
Сулейменов О.О., Бахтикиреева У.М., Джусупов М.М., Валентинова О.И., Дихтяр С.В., Дубровина М.Э., Валикова О.А., Исмаилов Г.М. Код слова.....	128
ПРИЛОЖЕНИЕ	
Сулейменов О.О. Утро этимологии (novello).....	166

CONTENTS

EDITORIAL	7
ARSENAL	
Anikina M.N. Goal Setting in Russian Language Teaching-Learning and Motivational Textbook as a Way to Achieve the Goal.....	9
Osmanzade A.O. Linguo-Didactic Opportunities for Using Associative Rows in the Practice of Teaching Russian as a Foreign Language	18
Kryakhtunova O.V. Pedagogical Status of Migrant Children in the Russian-Speaking Educational Environment.....	27
Dorokhova M.V., Sverdlova N.A. Russian Language in Polylingual Educational Context (on the Example of Multinational Classes of Irkutsk Secondary Schools)	38
Safarova S.A., Sidorova I.N. The Theme of Russian Patriotism at the Lectures on Literature in a Foreign Audience.....	45
LANGUAGE CONSCIOUSNESS	
Mamontov A.S., Stolyarova A.G. Specifics of Formation of Secondary Language Personality in the Case of Subordinative Bilingualism (on the Example of the Russian-Korean Comparisons)	52
Zhang R. Stability and Variability of Ethno-Cultural Stereotypes Transformations (On the Material of Associative Experiment “The Chinese in Russian Imaginary”)	59
Semenova A.V. Interlinguocultural Approach from the Position of Contact Variantology..	67
Schennikova N.V., Anipkina L.N., Polyakova E.V. Verbal Influence and Verbal Manipulation (Based on the Data of the Associative Experiment).....	76
Biarozka D.V. Features of Creating the Verbal Image of Belarusian Politician (on the Example of Candidates’ to Parliament Speeches)	83
Raklov F.V. Diachronic Analysis of the Value Success	92
LITERARY DEMENSION	
Amineva V.R., Nabiullina A.N. Nomination as the Way of Identification of a Character in I. Abuzyarov’s Prose	98
Bartosh Ju.V. New Internet Poetry as a Space of Language Games	110
Todorova I.D. Vitality of the Russian Language and Russian-Language Literature.....	118
POLYLOGUE	
Suleimenov O.O., Bakhtikireeva U.M., Dzhusupov M.M., Valentinova O.I., Dikhtyar S.V., Dubrovina M.E., Valikova O.A., Ismailov G.M. Word code.....	128
SUPPORTMENTS	
Suleimenov O.O. Утро этимологии (novello)	166

РАЗДЕЛЯ ЛУЧШЕЕ

К ЧИТАТЕЛЯМ

В первом выпуске года мы начинаем обсуждение масштабной проблемы происхождения языка и первых языковых контактов в праистории человечества. 6—7 декабря 2017 года в городе Карловы Вары (Чехия) состоялась выездная сессия РУДН, посвященная вопросам глоттогенеза, глубинной этимологии, межязыковых и межкультурных взаимодействий этносов в диахроническом аспекте. Ее возглавил известный поэт, общественный деятель, посол Казахстана в ЮНЕСКО, почетный профессор РУДН Олжас Омарович Сулейменов, на протяжении пятидесяти лет занимающийся поставленными проблемами на высоком научном уровне. Его гипотеза о том, что промежуточной прародиной человечества стало древнее Средиземноморье, подкреплена многолетними исследованиями и достойна самого широкого освещения и осмысления. Присоединяйтесь к нашей дискуссии на сайте журнала.

В этом выпуске перечислены главные трудности, с которыми сталкиваются дети-инофоны в русскоязычной образовательной среде (Астраханский и Иркутский регионы), и предложены некоторые способы их преодоления. Наши авторы разрабатывают новые подходы в лингводидактике и межкультурной коммуникации. В рубрике «Языковое сознание» представлены экспериментальные данные, показывающие, какие изменения произошли в восприятии китайцев русскими за последние десять лет; как реагируют на ценностный концепт «успех» представители разных поколений; какова разница в понимании отрезков времени у русских и корейцев, вы можете прочитать в этом номере.

Наша постоянная рубрика «Художественное измерение» познакомит вас с творчеством известного писателя-билингва И. Абузярова, а статья о сетевой поэзии расскажет об атипичных нарушениях литературной нормы, создающих мощный экспрессивный эффект.

Мы рады новым авторам и интересным статьям. Ждем ваших материалов по адресу <http://journals.rudn.ru/education-languages>.

С уважением,
доктор филологических наук, профессор В.П. Синячкин,
доктор филологических наук, профессор У.М. Бахтикиреева

SHARING THE BEST

TO THE READERS

We begin the first issue of the year with the statement of a large-scale problem: the origin of Language and the first language contacts in the prehistory of mankind. On December 6—7, 2017 in the city of Karlovy Vary (Czech Republic), a visiting session of the Peoples' Friendship University of Russia was held. It was dedicated to the issues of glottogenesis, deep etymology, interlingual and intercultural interactions between ethnoes in the diachronic aspect. The meeting was headed by the famous poet, public figure, Kazakhstan ambassador to UNESCO, Honorary professor of the Peoples' Friendship University of Russia Olzhas Omarovich Suleimenov, who has been dealing with the problems at a high scientific level for fifty years. His hypothesis that the medieval Homeland of mankind was the ancient Mediterranean, backed by years of research and worthy of the widest coverage and reflection. Join our discussion on the journal's website.

This issue lists the main difficulties for foreign children in the Russian-speaking educational environment (Astrakhan and Irkutsk regions), and some ways of overcoming them are suggested. Our authors are developing new approaches in linguodidactics and intercultural communication. The rubric "Language Consciousness" presents experimental data. What changes have occurred in the perception of Chinese by Russians over the past ten years; how representatives of different generations react to the value concept "success"; what is the difference in understanding the time periods for Russians and Koreans — you can read about it in this issue.

Our permanent rubric "Literary Dimension" will acquaint you with the works of the famous bilingual writer I. Abuzyarov, and an article on net poetry will tell you about atypical violations of the literary norm that create a powerful expressive effect.

We are glad to new authors and interesting articles. We are waiting for your materials at <http://journals.rudn.ru/education-languages>.

Sincerely, Doctor of Philology, Professor V.P. Sinyachkin
and Doctor of Philology, Professor U.M. Bakhtikireeva

DOI 10.22363/2312-8011-2018-15-1-9-17

УДК 81

ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ И СРЕДСТВА ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛИ

М.Н. Аникина

Московский государственный институт международных отношений
Министерства иностранных дел Российской Федерации
Российская Федерация, 119454, Москва, пр-т Вернадского, 76

В статье проводится разграничение понятий «коммуникация» и «общение» как актуальное для определения сквозной цели обучения русскому языку как иностранному на всех этапах. Разграничение понятий и аргументированный выбор в пользу «общения» позволил сформулировать цель, отражающую мировоззрение автора на процесс обучения. Данное мировоззрение определяет выбор образовательной модели обучения, включающей методы, формы и средства, обеспечивающие достижение цели. Научение общению должно происходить при наличии сильной и устойчивой мотивации. Мотивация создается особой, стимулирующей общение организацией учебно-познавательного процесса. Центральным элементом здесь является мотивационное учебное средство. В статье излагаются особенности мотивационного учебника, формирующие мотивацию к изучению русского языка и направленные на непрерывное стимулирование общения.

Ключевые слова: коммуникация, общение, цель обучения, мировоззрение в обучении, мотивационная база, стимул, познавательная деятельность, мотивационный учебник

1. ВВЕДЕНИЕ

Цель обучения иностранным языкам была определена Советом Европы в основополагающем документе *Common European framework of reference for languages: learning, teaching, assessment*, вышедшем в свет в 1996 году. Согласно документу, цель заключается в достижении коммуникативной компетенции в совокупности трех ее составляющих: лингвистической, социолингвистической и прагматической [1. С. 13]. Тем самым в европейскую практику обучения иностранным языкам был повсеместно введен компетентностный подход, который впоследствии был перенесен в сферу преподавания русского языка как иностранного, где и стал общепризнанным.

Осознавая оправданность подобного целеполагания, мы, однако, считаем, что в применении к русскому языку достижение коммуникативной компетенции можно признать лишь одной из ступеней более сложной структуры взаимосвязанных составляющих. Речь идет об обучении полноценному общению на русском языке, результатом которого становится формирование вторичной языковой личности. Обучение общению должно происходить в определенной методической парадигме, которая обеспечивает достижение цели. Одной из составляющих этой

парадигмы является мотивационный учебник, который, с одной стороны, организует и связывает элементы методической парадигмы обучения, а с другой — отражает определенное мировоззрение на процесс обучения. Далее будут представлены рассуждения, которые определили сформулированную выше позицию, а также будут изложены принципы построения мотивационного учебника для начального этапа обучения как основного в едином комплексе мировоззренческих учебных средств.

2. ОБСУЖДЕНИЕ

При переводе документа Common European framework of reference for languages: learning, teaching, assessment и последующем переносе его содержания на почву русского языка слово «коммуникация» (communication) и словосочетание «коммуникативная компетенция» (communicative competence) были заимствованы в качестве англицизмов. Заимствование было признано наиболее оптимальным способом перевода в целях адекватной передачи содержания текста. В русских словарях зафиксированы два слова со сходными значениями: «коммуникация» и «общение». В русскоязычной методической литературе указанные слова зачастую находятся в сопряженном контексте, при этом очевидно, что объем понятий «коммуникация» и «общение» не совпадают. Нередко, однако, в психологических контекстах эти понятия воспринимаются как тождественные: «...остается открытым и вопрос о специфике потребности в общении — о ее качественном своеобразии и несводимости к любым другим потребностям. На практике коммуникативную потребность нередко сводят к другим потребностям» [2. С. 31]. Определение понятийной разницы двух слов является актуальным для целей данной работы, поэтому рассмотрим слова «коммуникация» и «общение» с точки зрения сходства и различия понятийного наполнения более пристально.

Начнем с общих черт. Как «коммуникация», так и «общение» — это процесс передачи информации другим участникам данного вида деятельности и обмена ею с использованием общего языка как средства передачи. Однако объем понятия «общение» шире, чем «коммуникация». Зачастую они рассматриваются как часть (коммуникация) и целое (общение). Так, известный психолог и социолог Г.М. Андреева говорит об общении как о единстве трех составляющих его сторон: коммуникативной, интерактивной и перцептивной. Если коммуникативная сторона общения совпадает по своему значению со словом «коммуникация», то «интерактивная сторона заключается в организации взаимодействия между общающимися индивидами»; перцепция же «означает процесс восприятия и познания друг друга партнерами по общению и установления на этой основе взаимопонимания» [3. С. 99]. Рассуждения исследователя представляются убедительными. Разница, однако, этим не исчерпывается. К различиям можно отнести и то, что при сравнении функционирования двух понятий очевидна неравновесность обмена информацией между участниками. В случае коммуникации передача информации осуществляется от более активного субъекта деятельности к более пассивному, что приближает коммуникацию к субъектно-объектной деятельности, тогда как в случае общения участники равнозначны в своей активности и ролевой

значимости, что предполагает осуществление данной деятельности в рамках субъект-субъектных отношений.

Кроме этого, различен и набор когнитивных ассоциативных связей обоих слов. В ассоциативное поле слова «коммуникация» входят такие понятия, как «массовый», «рациональный», «прагматичный», «управляемый», «технологичный», «направленный», в то время как понятие «общение» связано с такими словами, как «межличностный», «чувственный» («эмпатийный»), «индивидуальный», «субъективный», «спонтанный», «взаимодействующий». В первом случае на формирование подобного набора ассоциативных связей повлиял факт закрепления слова «коммуникация» в сфере технических средств передачи и обмена информацией посредством коммуникаторов или смартфонов, снабженных особыми коммуникационными приложениями и программами¹. Обмен информацией посредством коммуникаторов отличается краткостью формы, клишированностью языковых средств, заменой вербального выражения эмоций графическими символами (смайликами) и т.д. Он также включает в себя определенный (довольно ограниченный) набор повторяющихся коммуникативных задач. Все это не позволяет нам в полной мере отнести данный вид деятельности к общению в том понимании, которое мы в это вкладываем. Хотя, конечно, можно признать, что в представлении некоторых людей весь спектр общения вполне способен укладываться в рамки решения конкретных задач с помощью определенного набора повторяющихся речевых интенций.

Суммируя сказанное, можно сделать вывод о том, что в применении к обучению русскому языку коммуникация и общение соотносятся друг с другом иерархически. В этой иерархической структуре коммуникация является начальной ступенью, а общение — следующей и последней. На этапе коммуникации человек должен научиться решать оперативные задачи путем формулирования корректных запросов и правильной ориентации в полученных ответах на запросы. Запрос может быть оформлен как в вопросительной, так и в повествовательной или побудительной форме. Правильная ориентация предполагает, что человек либо получил исчерпывающий ответ на запрос и выполнил задачу, либо ответ неудовлетворителен и требует дальнейшей коммуникации. В качестве примера можно привести следующие запросы: договориться о встрече, узнать информацию (как личного характера, так и социально необходимую), установить контакт для решения бытовых проблем и т.д. На самом деле содержание запросов и ответов вполне укладывается в список тем, сопровождающих любую программу по обучению русскому языку как иностранному на начальных этапах обучения. Задача научить коммуникации такого рода решается технологично — путем отбора частотных слов и выражений, «обслуживающих» ту или иную тему, и обеспечения грамматической чистоты выражения. Результатом обучения коммуникации на этом этапе должно стать формирование вторичной коммуникативной личности. Общение же в нашем понимании не укладывается в эту прагматичную и легко

¹ Неоспоримо также влияние факта закрепления слова «коммуникация» в сфере массовой коммуникации.

систематизируемую парадигму. Общение формирует вторичную языковую личность во всей сложности и многообразии ее проявлений и реализаций в разных сферах. Научение общению, организация среды для его успешного развития, формирование особого вида мотивации является нашим приоритетом и смыслом обучения русскому языку.

Свою цель в обучении русскому языку на всем его протяжении мы сформулировали следующим образом: «обучение гармоничному общению на грамматически правильно оформленном русском языке с точным распознаванием и уместным применением социокультурных норм во всем их многообразии». Реализацию данной цели в рамках грамматико-переводного, аудиolingвального, программированного и т.п. методов обучения считаем невозможным, поскольку обучение на основе этих методов протекает в границах субъектно-объектных отношений «учитель — ученик», тогда как достижение успешной коммуникации в рамках этих методов возможно.

В процессе обучения преподаватель следует тому или иному подходу, который обязательно будет выражаться как в организации обучающего процесса, так и в способе позиционировать себя в аудитории. Этот подход мы для себя определили как мировоззрение. Мировоззрение частично определяется присущим преподавателю психотипом, а также складывается в процессе социальных и профессиональных влияний. Таким образом, мировоззрение и выбор определенной методической парадигмы обучения (сознательно или подсознательно) целиком и полностью зависит от личности преподавателя и обусловлено его психотипом. В процессе профессиональной деятельности может произойти смена мировоззрения. Это возможно в том случае, если с течением времени и приобретением большей профессиональной самостоятельности и независимости профессионального мышления влияние психотипа становится сильнее устанавливаемых (иногда навязываемых) социумом или профессиональной подготовкой (профессиональным окружением) требований.

Если преподаватель строит процесс обучения в рамках субъект-субъектных отношений, если он считает, что процесс обучения является площадкой для самоактуализации всех участников процесса, если он разделяет мысль о том, что универсальным способом самоактуализации является общение, то цель обучения для него — научить общению как средству выявления и выражения личности. Мировоззренческой основой обучения для такого преподавателя будет служить феноменологическая теория личности известного американского психолога Карла Роджерса, одна из основополагающих идей которого состоит в том, что научение человека не является просто прямой функцией того, чему научают [3]. Единственным мотивом жизни человека К. Роджерс считает актуализацию — сохранение и развитие себя, максимальное выявление и раскрытие качеств своей личности. Став основателем человекоцентрического подхода (*person-centered approach*) в психологии, Роджерс активно и целенаправленно внедрял свои идеи в практическую область обучения.

В применении к обучению иностранному языку самоактуализация — это стремление выразить свое уникальное восприятие мира, свой взгляд на окружающее и окружающих в процессе общения на новом языке. Самоактуализация достига-

ется не в процессе коммуникации, а именно в процессе общения. Обучение, сопровождаемое успешной самоактуализацией, создает позитивный эмоциональный фон и настрой на успех, рождает чувства радости, удовлетворения и сопричастности, мощно стимулирует к овладению языковыми навыками и приводит к достижению цели — полноценному гармоничному общению на новом языке.

Обусловленная мотивация и мотивационный учебник

Процесс самоактуализации невозможен без создания постоянной и устойчивой мотивации для его поступательного развития. Приступающий к изучению языка человек изначально обладает внутренней и внешней мотивацией, которые и привели его к осуществлению данного вида познавательной деятельности. Однако даже наличие изначально сильной двойной мотивационной базы не гарантирует достижения конечной цели. Очевидно, что на всем протяжении обучения сам процесс обучения должен создавать мотивацию, которую можно назвать обусловленной. Если учитель мотивирован не только профессиональным желанием передать знания, но и стремлением к обоюдной самоактуализации, он будет искать такие способы организации процесса обучения, которые могли бы служить мостом между двумя личностями и создавали дополнительную мотивационную базу для взаимопознания. Общение, в рамках которого будет происходить двуединый процесс познания, должно направляться и постоянно стимулироваться факторами, которые можно считать организаторами общения. По нашему мнению, главным таким организатором в процессе обучения является учебник, который не только предоставляет языковую информацию, но и играет стимулирующую роль для выведения полученных языковых навыков в живое заинтересованное общение, цель которого выразить себя и постараться понять другого. «Литературное» содержание такого учебника, организация работы по его пониманию и осознанию с последующим переносом во внеучебную сферу межличностного общения будет формировать, стимулировать и поддерживать обусловленную мотивацию. Попытка реализовать эту идею на практике была предпринята [5].

Термин «литературное содержание» применительно к учебнику уже говорит о том, что учебник содержит элементы художественного произведения, условную тему которого можно обозначить как «Жизнь человека в мире людей и обстоятельств». Таким образом, мотивационное учебное средство приобретает жанр «учебник-книга». Исходной предпосылкой для выбора названия послужило то, что книга является одним из основных источников удовлетворения познавательного интереса, присущего личности. Традиции в обучении русскому языку как иностранному предписывают изучение языка в рамках определенного перечня тем и ситуаций общения на разных уровнях обучения. В учебнике-книге невозможно представление текстового материала по выделенным темам, поскольку оно неестественно для живого непосредственного общения. Тематический принцип построения учебника уместен и оправдан при обучении коммуникации как отдельному виду деятельности, что не совмещается с мировоззрением автора.

Соответственно, универсальной становится и цель обучения — общение на русском языке для того, чтобы коммуникативно адекватно и грамматически пра-

вильно выразить собственное представление о действительности и понять других. Независимо от возраста, национальной принадлежности и связанных с этим объективных личностных характеристик, учитель и ученик выступают как равноправные партнеры, которые совместно «творят» процесс обучения. Вступая в активное, заинтересованное, эмоциональное общение друг с другом как прямо, так и через посредника (литературное наполнение учебника), ученик и учитель становятся мотиваторами познавательной деятельности друг для друга. В общении каждый является как воздействующим, так и подвергающимся воздействию.

Итак, часть учебника, которую мы определили как «книга», является посредником в организации процесса общения между участниками общения: учениками и учителем. Эта книга должна обладать следующими качествами.

1. Содержание должно затрагивать стороны жизни, актуальные для всех участников общения безотносительно к личностным и социальным характеристикам. Оно должно вызывать у них неподдельный интерес.

2. Содержание должно вызывать разнородную реакцию, быть неоднозначным с точки зрения личностного восприятия людьми с различным жизненным опытом и жизненными установками. Разница должна проявляться не в рассуждении на тему, а в разных способах восприятия, оценки содержания, а также в предлагаемых вариантах решения возникающих жизненных проблем.

3. Содержание должно быть неоднозначным, проблемным, зачастую конфликтным, поскольку и проблема, и конфликт требуют разрешения. Поиски разрешения проблемы множественны, что стимулирует обмен идеями по способам ее разрешения. Для выбора оптимального решения необходимо выявить, сформулировать весь спектр решений. Далее следует этап обсуждений, на котором происходит столкновение различных точек зрения на решение проблемы, обусловленных наличием среди участников коммуникации людей с разным личным опытом. Выражение себя, поиск единомышленников требует активного мыслительного поиска с целью формулирования высказывания с высокой степенью аргументированного воздействия.

4. Содержание книги должно создавать умственное и эмоциональное напряжение, которое стимулирует общение. В процессе знакомства с содержанием учебника возможно возникновение когнитивного диссонанса, который является стимулом для высказывания. Это прогнозируется и закладывается автором.

5. Ничто так не стимулирует процесс общения, как желание сначала сформулировать, а потом отстоять свое мнение. «Противные моим взглядам суждения не оскорбляют и не угнетают меня, а только возбуждают и дают толчок моим умственным силам» [6. С. 185]. Литературное содержание учебника-книги не должно (или если должно, то в минимальном объеме) быть аксиоматичным и не должно давать готовых решений.

6. Содержание должно носить интерактивный характер. Персонажи книги, переживающие различные жизненные перипетии, прямо привлекают читающих к решению своих проблем путем прямых вопросов. Таким образом, партнеры по образовательному общению получают возможность расширить круг общающихся. Персонаж выступает в роли зачинщика обсуждения, он нуждается в привлечении максимального количества мнений для решения своей проблемы или для поиска выхода из неоднозначной жизненной ситуации.

7. Содержание должно носить универсальный, общечеловеческий характер. Выявление и проявление специфического, национального происходит через заинтересованное обсуждение проблем и ситуаций, существующих (возможных) в максимальном количестве обществ и культур. Выход в общение базируется на принципе «общечеловеческое сквозь призму индивидуального и национально-культурного».

8. Учебный аспект содержания книги заключается в тщательном подборе лексико-грамматического наполнения в соответствии со степенью овладения языковым материалом. Преподаватель, осуществляя свою профессиональную функцию, постоянно следит за тем, чтобы в процессе общения на той или иной ступени лексико-грамматический материал был освоен в полной мере. Без этого переход к следующей ступени категорически невозможен.

9. Содержание должно сопровождаться большим количеством заданий, направленных на стимулирование общения с использованием всего спектра лексико-грамматического материала как данной, так и предыдущих ступеней. Задания направлены на расширение содержания и его перенос на сходные жизненные ситуации, в которых применение полученных навыков является уместным.

10. Содержание, определенное как «жизнь человека в мире людей и обстоятельств», естественным образом включает в себя ситуации повседневного общения, которые в Стандартах определены как «ситуации и темы общения». К ним относятся, например, вступление в общение, самопредставление, запрос личной информации, установление контактов; болезни, проблемы со здоровьем, забота о здоровье; поиск работы, поиск информации, устройство на работу; учеба, процесс учебы, проблемы в учебе; работа, выбор работы, проблемы, связанные с работой; город (города) и его особенности и проблемы и т.д. Все это обеспечивает выполнение требований Стандартов вне рамок тематической организации учебника, а именно, достижение коммуникативной компетенции.

3. ВЫВОДЫ

Живое, вовлеченное, гармоничное общение как главная цель обучения и как фокус содержания учебника требует живой естественной речи. Соответственно, лексико-грамматическое содержание учебника и последовательность его представления определяются потребностями человека в живом естественном общении. Лексико-грамматические построения, единственной целью которых служит демонстрация той или иной грамматической темы в отрыве от ее практической востребованности, либо исключены, либо смещены в конец учебника. Был разработан собственный подход к отбору, объему и последовательности введения лексико-грамматического материала.

В заключение хотелось бы процитировать ранее упомянутый документ *Common European framework of reference for languages: learning, teaching, assessment*: “The aim of the Framework is to assist you in your own decision-taking”. Именно это мы и стремились продемонстрировать в данной работе.

© Аникина М.Н., 2017

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Common European framework of reference for languages: learning, teaching, assessment. URL: http://www.coe.int/t/dg4/linguistic/Source/Framework_EN.pdf [Электронный ресурс]
2. Лисина М.И. Проблемы онтогенеза общения. М.: Педагогика, 1986.
3. Андреева Г.М. Социальная психология. М.: Наука, 1994. [Электронный ресурс]. URL: <http://psylib.ukrweb.net/books/andrg01/index.htm>
4. Роджерс К.Р., Фрейберг Дж. Свобода учиться. М.: Смысл, 2002.
5. Аникина М.Н. Лестница: учебник по русскому языку для начинающих (for English-speaking students). М.: Русский язык. Курсы, 2015.
6. Монтень М. Опыты. Кн. I, II. СПб.: Кристалл, 1998.

История статьи:

Поступила в редакцию: 10.11.2017

Принята к публикации: 24.12.2017

Модератор: У.М. Бахтикиреева

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Аникина М.Н. Целеполагание при обучении русскому языку как иностранному и средства достижения цели // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2018. Т. 15. № 1. С. 9–17. DOI 10.22363/2312-8011-2018-15-1-9-17

Сведения об авторе:

Аникина Марина Николаевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся МГИМО. E-mail: m.n.anikina@gmail.com

GOAL SETTING IN RUSSIAN LANGUAGE TEACHING-LEARNING AND MOTIVATIONAL TEXTBOOK AS A WAY TO ACHIEVE THE GOAL

M.N. Anikina

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University)
76, Vernadskiy Prospect, Moscow, 119454, Russian Federation

The article distinguishes the notions of “communication” and “obshchenije” as relevant for determining the aim of Russian language teaching and learning. Reasoned choice in favour of “obshchenije” allowed to formulate the aim of teaching that reflects author’s holistic outlook on teaching-learning process. This outlook is based on phenomenological theory of personality and determines the choice of educational learning models, including methods, forms and tools to achieve the goal. Strong and sustained motivation is what cements all the components. The article outlines the features of motivational textbook that forms intention to study language and aimed at a continuous stimulation of obshchenije.

Key words: Russian language teaching, communication, aim, holistic outlook in teaching, motivation, motivation inspiring text book, content

REFERENCES

1. Common European framework of reference for languages: learning, teaching, assessment. URL: http://www.coe.int/t/dg4/linguistic/Source/Framework_EN.pdf. Web.
2. Lisina, M.I. 1986. Problemy ontogeneza obshhenija [The Problem of Communication Ontogenesis]. Moscow: Pedagogika. Print. (in Russ.)
3. Andreeva, G.M. 1994. Social'naja psihologija [Social Psychology]. Moscow: Nauka. Web. URL: <http://psylib.ukrweb.net/books/andrg01/index.htm>
4. Rodzhers, K.R., and D. Frejberg. 2002. Svoboda uchit'sja [The Freedom to Learn]. Moscow: Smysl. Print. (in Russ.)
5. Anikina, M.N. 2015. Lestnica [The Ladder]. Uchebnik po russkomu jazyku dlja nachinajushhih (for English-speaking students) Moscow: Russkij jazyk. Kursy. Print. (in Russ.)
6. Monten', M. Opyty [Experiences]. Books I, II. St. Petersburg: Kristall. Print. (in Russ.)

Article history:

Received: 10.11.2017

Accepted: 24.12.2017

Moderator: U.M. Bakhtikireeva

Conflict of interests: none

For citation:

Anikina, M.N. 2017. "Goal Setting in Russian Language Teaching-Learning and Motivational Textbook as a Way to Achieve the Goal". *RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices*, 15 (1), 9–17. DOI 10.22363/2312-8011-2018-15-1-9-17

Bio Note:

Anikina Marina Nikolaevna is a Candidate in Philology, Associate Professor at the Department of Russian Language for Foreign Students. E-mail: m.n.anikina@gmail.com

DOI 10.22363/2312-8011-2018-15-1-18-26

УДК 81

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АССОЦИАТИВНЫХ РЯДОВ В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ

А.О. Османзаде

Азербайджанский университет архитектуры и строительства
Азербайджанская Республика, 370073, Баку, ул. Айна Султанова, 5

В настоящей статье представлены новейшие подходы к преподаванию русского языка как иностранного, в том числе лингвокультурологический и психолингвистический. На материале ассоциативного эксперимента, проведенного с 50 реципиентами разных возрастных групп, представлены результаты реакций на слово-стимул «война» в русском, азербайджанском и английском языках. Сопоставительный анализ содержания представленных понятий показал, что в разных языковых картинах мира они наполняются различными коннотациями. Эти выводы могут иметь ценность в процессе межкультурной кооперации.

Ключевые слова: иноязык, лексический ассоциативный ряд, вторичная языковая личность, лингвокультурология, межкультурная лингводидактика, когнитивный подход, концепт

1. ВВЕДЕНИЕ

В современном мире с его динамичным развитием и многочисленными международными и межкультурными контактами произошло изменение принципов, средств и условий общения как на межгосударственном, так и на индивидуальном уровне. Особую роль играет то, что общение поддерживается новыми техническими возможностями коммуникации.

Все это, в свою очередь, привело к осознанию необходимости появления новых методических подходов в обучении иностранному языку. Сегодня ведущие лингводидактические школы и специалисты перешли от процесса обучения иноязыку, направляемого педагогом, к методике, основанной на межкультурном обучении и воспитании, межкультурной коммуникации [1; 2].

В конце XX века в современной лингвистике сформировалось новое направление — лингвокультурология, которая опирается на теорию речевых моделей, а также на исследования роли языка в познавательных процессах и когнитивной организации человека. Если в XX веке основной в языкознании была структуралистическая парадигма, то в XXI веке ее сменила парадигма антропоцентрическая, она же прагматическая, коммуникативно-прагматическая, когнитивная. Разница в терминах фиксирует только исследовательские акценты, но не принципиальный подход. Между человеком как личностью и культурой существует самая тесная связь: личность живет культурой и в культуре, культура реализуется личностью и через личность. Таким образом, на сегодня объектом изучения

является не «язык в человеке, а человек в языке» [3], т.е. так называемая *языковая личность*.

Языковая личность проявляется в языке и через язык. Современная методика ставит основной целью обучения иноязыку выработку не просто навыков практического владения языком, т.е. умения общаться на чужом языке и по нормам чужого языка (лингвистическим и экстралингвистическим), но создание так называемой вторичной языковой личности, которая воспринимает чужой язык и чужую культуру как свои, или как минимум не отторгает их и относится к ним с пониманием и уважением.

Понятие «чужой» в данном случае, с нашей точки зрения, точнее определяет суть проблемы, нежели понятие «иностранный», так как огромное число людей, изучающих иностранный язык, говорят на нем по законам и нормам своего родного языка. Речь идет не столько об интерференции языковой, сколько об интерференции культурной, т.е. о незнании и/или непринятии национальной картины мира, отраженной в иноязыке и не совпадающей с языковой картиной мира, присущей родному языку. Речь идет о знании/незнании (понимании/непонимании, принятии/непринятии) тех языковых и экстралингвистических явлений, которые сегодня принято относить к области лингвокультурологии и которые можно описать с помощью когнитивной лингвистики. Обе эти дисциплины рассматривают слово как маркированное явление. Именно на этом уровне проявляется в языке проблема *свой-чужой* как групповая идентификация. В идеале обучение иноязыку может считаться успешным, если обучаемый станет своим в чужом для него мире иноязыка. Опытный педагог обучает не только иноязыку, но и межкультурной толерантности.

В современной лингводидактике также появилось новое научное направление — *межкультурная лингводидактика* (см. работы Т.М. Балыхиной, А.В. Роговой, О.В. Соболевой, С.А. Суворовой и др.). Сегодня признается, что обучение иноязыку должно подразумевать приобщение к языковому сознанию народа, язык которого изучается. Отсюда и в лингводидактике одной из составляющих процесса обучения иноязыку, особенно в профессиональных целях, является формирование *вторичной языковой личности*.

Однако здесь и перед лингводидактами, и перед преподавателями-практиками встает много вопросов.

Реально вторичная языковая личность формируется только тогда, когда обучаемый воспринимает и ощущает не только иноязык, но и инокультуру не как чужую, а как свою, родную, когда человек не просто говорит на иноязыке, но осуществляет акт коммуникации по нормам иноязыка и инокультуры с учетом ситуации общения и других экстралингвистических факторов; когда говорящий адекватно воспринимает не только смысл=текст, но и «затекст», смысловой фон сказанного, когнитивное и эмоциональное содержание информации, а также те ассоциации и аллюзии, которые она вызывает у основного носителя языка, и может адекватно на них отреагировать. При этом на бытовом уровне зачастую важным бывает не совершенное знание иноязыка, а хорошее знание инокультуры. Таким образом, реально вторичной языковой личностью являются подлинны билингвы, не просто владеющие двумя (или более) языками, но и выросшие в

двух (или более) национальных культурах (например, бакинцы прошлого века или американцы «китайского, японского и т.п. происхождения», или индийцы, получившие «британское» образование и т.д.).

В реальной жизни формирование подлинной вторичной языковой личности достаточно сложно даже в условиях специализированного учебного заведения при подготовке специалистов, для которых знание иноязыка является одной из составляющих их профессиональной компетенции. Тем более это труднодостижимо при обучении иноязыку в непрофильном вузе. Но это не означает, что к этому не надо стремиться, не надо работать над тем, чтобы хотя бы заложить основы формирования вторичной языковой личности в любом, кто действительно хочет овладеть «чужим» языком. Сегодня обучение иноязыку через инокультуру и инокультуре через иноязык стало еще одной основой оптимизации учебного процесса [4]. Поэтому так важно выработать принципы отбора лингвокультурного минимума и методов презентации и закрепления страноведчески значимых лексических единиц (ЛЕ) изучаемого языка.

2. ОБСУЖДЕНИЕ

Для осуществления нормального адекватного общения на иностранном языке в любом обществе и в любой ситуации человек должен не только знать, *как сформулировать мысль* на иноязыке, но и понимать, *что, когда, кому и как* можно или нужно сказать, и какую реакцию собеседника это может вызвать. Подобная экстралингвистическая информация является не менее коммуникативно значимой, чем собственно знание ЛЕ и грамматических норм иностранного языка.

Таким образом, современная коммуникативная компетенция включает в себя:

- собственно языковые знания;
- контекстные или экстралингвистические знания, полученные участниками коммуникативного акта в результате когнитивной обработки их социального и индивидуального опыта и являющиеся частью их общефоновых знаний, т.е. *языковой картиной мира*;
- интеракционные знания, отражающие предшествующий дискурсивный опыт участников общения и являющиеся результатом обобщения разнообразных прецедентных феноменов, которые связаны с актуализируемым дискурсивным событием, определяя, что и когда следует делать в рамках конкретного дискурсивного взаимодействия, обуславливая тем самым реализацию алгоритмов стандартного коммуникативного поведения в дискурсе [5].

Одним из основных понятий современной лингвокультурологии является понятие *концепта* как стереотипа языкового (и — в более широком смысле — культурного) сознания. Концепт — своеобразное отражение культуры и истории народа, которое реализуется в сознании человека через язык [6–8]. Но он гораздо шире простого лексического значения слова. Концепт разворачивается не во времени, т.е. в тексте/дискурсе, а по принципу аналогии, ссылки и отражает те *ассоциативные связи*, которые он вызывает у основных носителей языка. Лексические ассоциативные ряды сами по себе не входят в содержание конкретного концепта и достаточно индивидуальны. Но «нормативные» национальные

ассоциативные ряды в определенной степени выступают как своеобразные «маркеры» национальной языковой картины мира [9—11], т.е. сопоставимы с языковыми концептами.

«Как следствие антропоцентрической парадигмы в разных науках растет интерес не столько к анализу результатов познания, сколько к процессам когнитивной деятельности... процессуальный подход обладает особой ценностью при исследовании национально-культурной вариативности того живого знания, которое лежит за так называемыми “словами-эквивалентами” у носителей разных языков и культур... Именно поэтому материалом для реконструкции когнитивных операций послужили данные ассоциативных экспериментов», с помощью которых «...можно получить доступ не только к изучению содержательных и структурных параметров знания, но также и тем процессам и механизмам, которые лежат в основе формирования концептуального содержания» [1. С. 124].

Следовательно, чем ближе ассоциативный ряд, который вызывает конкретное инослово (ЛЕ или фразеологическую единицу (ФЕ)) у изучающего иноязык, к типичному (нормативному) ассоциативному ряду основных носителей этого языка, тем лучше он представляет себе иноязычную языковую картину мира и тем выше «качество» его вторичной языковой личности.

Первый Словарь ассоциативных норм русского языка под ред. А.А. Леонтьева появился в 1977 году. На сегодня существуют еще несколько ассоциативных словарей русского языка, интернет-сервис Русский ассоциативный тезаурус; особого внимания заслуживает Славянский ассоциативный словарь, вышедший в 2000 году как одна из немногих попыток компаративного анализа ассоциативных норм в русском, белорусском, болгарском и украинском языках. В английском языкознании в 1973 году вышел *Edinburg Associative Thesaurus*, в 1996 — *Birkbeck Word Association Norms*, при университете Южной Флориды создан веб-сайт *USF Word association, rhyme and fragment norms*. К сожалению, исследования по ассоциативным нормам азербайджанского языка не проводились, во всяком случае, мы не нашли соответствующих публикаций.

Традиционно в английской лингводидактике в преподавании английского языка как родного и как иностранного используется метод свободных ассоциаций. В практике преподавания РКИ этот метод почти не применяется.

Как нам кажется, использование ассоциативных норм в дидактических целях требует:

- проведения сопоставительного анализа типичных ассоциативных рядов в иноязыке и в родном языке учащихся;
- создания системной работы по презентации и закреплению в сознании учащихся ЛЕ (ФЕ) не просто как грамматической и смысловой единицы, но и как некой ментальной единицы (концепта), которая вызывает в сознании основных носителей языка определенные аллюзии и ассоциации;
- разработки основных принципов отбора дидактического материала (текстов-дискурсов, а также иллюстраций разного типа), на котором наиболее ярко может быть представлен как сам концепт, так и тот нормативный ассоциативный ряд, который присущ изучаемому языку.

В качестве примера мы выбрали опыт организации работы над универсальным концептом «война». И в русском, и в английском ассоциативном ряду первым откликом на данный стимул является ЛЕ «мир — peace». В русском ряду (первые 20 типичных откликов) также присутствуют единицы *мировая, смерть, ужас-ужасная, страшная, жестокая* и т.д., в английском — *death — смерть, battle — битва, fighting, fight — борьба, бой, bad — плохо, blood, bloody — кровь, кровавый, hate — ненависть*. Такой отклик, как *Отечественная*, в более ранних русских словарях стоит на 3-4 месте, в более современных — на 11, 19 месте. Кроме того, в более поздних словарях появляется ЛЕ *Афган* (33-е место) и *Чечня* (14-е место). В английском ряду на 17-м месте стоит ЛЕ *Вьетнам*. В обоих рядах из 20 первых откликов совпали 6-8 ЛЕ (*мир, смерть, плохо, кровь* и т.д.), но практически ни в одном случае, кроме первого отклика *мир*, они не совпадают по позициям.

Нами был проведен полевой эксперимент по выявлению ассоциативных рядов на ЛЕ *война — muharibə* среди коренных носителей азербайджанского языка (преподаватели и студенты нашего университета, возраст от 16 до 50 лет, 50 реципиентов). Мы понимаем, что результаты эксперимента имеют очень приблизительный характер, однако такие типичные для русского и английского ряда отклики, как *мир — sülh, Отечественная — Vətən* или *мировая — dünya* не встретились ни разу, зато в большинстве случаев присутствовала ЛЕ *Карабах*.

Таким образом, если считать ассоциативный ряд своеобразным отражением национальной языковой картины мира, то концепты *война — war* во многом совпадают в русском и англоязычном сознании если не по набору конкретных ЛЕ, то по ментальной и эмоциональной составляющей концепта. Ассоциативный ряд азербайджанцев сильно отличается и от русского, и от английского. Здесь встречается больше ЛЕ, называющих конкретные понятия, лица или предметы, связанные с «войной»: *əsgər — солдат, zabit-офицер, düşman — враг, tüfəng — ружье, tank — танк, vertolyot — вертолет, döyüş — борьба, atəş — огонь, ordu — армия, silah — оружие, səbhə — фронт*, т.е. азербайджанская картина мира, отраженная в концепте «война», носит более конкретный и менее эмоциональный характер, хотя и здесь встречаются такие единицы, как *qan — кровь, ölüm — смерть, həlak olma — гибель, göz yaşı — слезы*.

Следовательно, несмотря на то, что русская ЛЕ *война* может быть однозначно переведена на английский и на азербайджанский языки (*война=war=muharibə*), сам концепт «война» при всей его универсальности отражает достаточно разные языковые картины мира и с точки зрения лингвокультурологического подхода к процессу преподавания иностранного языка (с точки зрения межкультурной лингводидактики) работа с этой ЛЕ не может ограничиться только переводом, но должна иметь разное содержание, разные акценты и разный контекст, учитывающий национальные особенности учебной аудитории.

Не останавливаясь подробно на всех результатах компаративного анализа ассоциативных рядов на стимул *война — war — muharibə*, мы остановимся только на тех, которые могут иметь лингводидактическую значимость для преподавания РКИ в англоязычной и азербайджаноязычной аудитории.

В англоязычной аудитории следует обратить внимание на такую составляющую концепта, как оппозиция *война — мир* (первый ассоциативный отклик и у русских,

и у англичан) — то, что объединяет обе языковые картины мира. У русских понятие «война» напрямую связано с конкретным событием — Великой Отечественной или Второй мировой войной. Для английской аудитории эти понятия либо неизвестны, либо не совпадают с русскими. Тем более будут не совпадать знания об Афганской или Чеченской войне (если они есть вообще). В азербайджанской аудитории работа над данным концептом имеет свои особенности. С одной стороны, общее историческое прошлое делает такие понятия, как «Великая Отечественная война» или «Афган» более доступными как на информационном, так и на эмоциональном уровне — у многих старшие родственники были участниками или свидетелями этих событий, с другой — восприятие этих событий, их моральная и эмоциональная (а нередко и фактологическая оценка) отличаются от «среднестатистической» русской. Здесь есть своя специфика, связанная с событиями в Нагорном Карабахе и переосмыслением общего исторического прошлого. Поэтому здесь также важно показать не столько «фактологическое» содержание концепта, сколько его эмоциональную составляющую, тем более что именно на этом уровне (факт — эмоция) проявляется в наибольшей степени разница между русской и азербайджанской картиной мира — концептами «война — muharibə».

Преподаватель-русист должен быть достаточно тактичен при презентации материала, связанного с этими понятиями, но постараться донести до учащихся тот эмоциональный фон, «затекст», который связан с этими реалиями у русских. Основным учебным материалом в этом случае могут стать не столько тексты информационного характера, сколько художественные произведения — проза, стихи и песни военных лет и о войне как образец эмоционального переживания и восприятия этих реалий. Именно они позволяют донести до учащихся эмоциональную составляющую русского концепта «война», что особенно важно, если рассматривать концепт как типичное национальное переживание [6].

При работе с этим материалом его желательно давать в компаративной связке с национальными текстами, обращая внимание на их содержательное или эмоциональное общность и различие. Так, тексты о Хатыни, Бабьем Яре, фашистских зверствах могут коррелироваться с текстами о Ходжалы; стихи советских поэтов на эту тему — со стихами азербайджанских поэтов о Карабахе и Великой Отечественной войне.

Интересную работу можно организовать с ФЕ, пословицами, поговорками и даже загадками о войне, используя на занятиях как русский материал, так и сравнивая эти явления в двух языках. (Например, такие русские ФЕ, как *Мамаево побоище*, *Ледовое побоище* в сознании русских коннотировано не с концептом «война», а с концептом «победа»; выражения *Мертвые сраму не имут* и *Не попрамим земли Русской* живут в русском сознании более 1000 лет; в то же время в русской культуре существует поговорка *Кому война, а кому мать родна*.) И, конечно, необходимо, чтобы все это сопровождалось соответствующей наглядностью — видео- и аудиоматериалами.

Кроме того, русский ассоциативный ряд дает интересный пример наиболее употребительных словосочетаний по типу N+Ad: *какая война? страшная, ненужная, Отечественная, ужасная, жестокая, народная, захватническая, мировая, атом-*

ная, гражданская, разрушительная, справедливая, священная и т.д., которые также могут стать дидактическим материалом.

Достаточно продуктивным видом работы может быть написание эссе, в которых учащимся предлагается проанализировать типичный русский ассоциативный ряд к слову «война» и попытаться объяснить, почему в сознании у русских это слово ассоциируется именно с данными ЛЕ.

3. ВЫВОДЫ

Работа с соответствующим ассоциативным рядом может стать своеобразным тест-контролем на уровень сформированности вторичной языковой личности: из данного массива слов предлагается выбрать те ЛЕ, которые у русских наиболее часто связываются с понятием «война» (либо составить с этими словами наиболее типичные словосочетания со словом «война») и по количеству приведенных примеров и их порядку судить о степени восприятия/усвоения русской языковой картины мира в данном конкретном случае.

© Османзаде А.О., 2017

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Курганова Н.И.* Моделирование когнитивных операций на базе ассоциативных полей // Языковое бытие человека и этноса: когнитивный и психологический аспекты. М., 2011. С. 123–126.
2. *Леонтович О.А.* Введение в межкультурную коммуникацию: учеб. пособие. М., 2007.
3. *Трошина Н.Н.* Лингвокультурология и антропоцентрическая парадигма // Языковое бытие человека и этноса: когнитивный и психологический аспекты. М., 2011.
4. *Рогова А.В.* Стратегии и тактики межкультурной лингводидактики как инновационной основы обучения русскому языку: дисс. ... канд. филол. наук. М.: РУДН, 2012.
5. *Пилипчук С.В.* Языковая личность в межкультурном общении // Языковое бытие человека и этноса: когнитивный и психологический аспекты. М., 2011. С. 176–179.
6. *Лихачёв Д.С.* Об интеллигенции // Сб. статей. СПб., 1997.
7. *Малинович Ю.М., Малинович М.В.* Антропологическая лингвистика как интегральная наука // Антропологическая лингвистика: Концепты. Категории. М.; Иркутск, 2003. С. 7–28.
8. *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. М., 1997.
9. *Залевская А.А.* Национально-культурная специфика картины мира и различные подходы к ее исследованию // Языковое сознание и образ мира. М., 2000. С. 39–54.
10. *Морель Д.А.* Комплексное использование данных ассоциативного эксперимента в исследовании фрагментов языковой карты мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2012. № 7. Ч. 2. С. 134–144.
11. *Телия В.Н.* О методологических основах лингвокультурологии // Логика, методология, философия науки. Тезисы докладов. М.; Обнинск, 1995.

История статьи:

Поступила в редакцию: 13.10.2017

Принята к публикации: 24.12.2017

Модератор: О.А. Валикова

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Османзаде А.О. Лингводидактические возможности использования ассоциативных рядов в практике преподавания РКИ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2018. Т. 15. № 1. С. 18–26. DOI 10.22363/2312-8011-2018-15-1-18-26

Сведения об авторе:

Алимэ Османовна Османзаде — доктор педагогических наук, профессор кафедры иностранных языков Азербайджанского университета архитектуры и строительства. E-mail: a.osmanzade@gmail.com

LINGUO-DIDACTIC OPPORTUNITIES FOR USING ASSOCIATIVE ROWS IN THE PRACTICE OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

A.O. Osmanzade

Azerbaijan University of Construction and Architecture
5, Aina Sultanov str., Baku, 370073, Azerbaijan Republic

This article presents the latest approaches to the study of the Russian as a foreign language, including cultural studies in linguistics and methods of psycholinguistics. The material of the associative experiment, conducted with 50 recipients of different age groups, presents the results of reactions to the word-stimulus “war” in Russian, Azerbaijani and English. Our comparative analysis of the content of the presented concepts has shown that in different linguistic pictures of the world they are filled with various connotations. These conclusions can have value in the process of intercultural cooperation.

Key words: foreign language, lexical associative series, secondary linguistic personality, linguoculturology, intercultural linguodidactics, cognitive approach, concept

REFERENCES

1. Kurganova, N.I. 2011. Modelirovanie kognitivnyh operacij na baze asociativnyh polej [Modeling of Cognitive Operations on the Basis of Associative Fields] in «Jazykovoje bytie cheloveka i jetnosa: kognitivnyj i psihologicheskij aspekty». Moscow. S. 123—126. Print. (in Russ.)
2. Leontovich, O.A. 2007 Vvedenie v mezhkul'turnuju kommunikaciju [Introduction to Intercultural Communication]. Uch. posobie Moscow. Print. (in Russ.)
3. Troshina, N.N. 2011. Lingvokul'turologija i antropocentricheskaja paradigma [Cultural Studies in Linguistics and Anthropocentric Paradigm] in «Jazykovoje bytie cheloveka i jetnosa: kognitivnyj i psihologicheskij aspekty». Moscow. S. 226—229. Print. (in Russ.)
4. Rogova, A.V. 2012. Strategii i taktiki mezhkul'turnoj lingvodidaktiki kak innovacionnoj osnovy obuchenija russkomu jazyku [Strategies and Tactics of Intercultural Linguodidactics as an Innovative Basis for Teaching the Russian Language]. PhD Dis. Moscow: RUDN. Print. (in Russ.)
5. Pilipchuk, S.V. 2011. Jazykovaja lichnost' v mezhkul'turnom obshhenii [Language Personality in Intercultural Communication] in «Jazykovoje bytie cheloveka i jetnosa: kognitivnyj i psihologicheskij aspekty». Moscow. Print. (in Russ.)

6. Lihachjov, D.S. 1997. Ob intelligencii [About the Intelligentsia]. Sb. statej. St. Petersburg. Print. (in Russ.)
7. Malinovich, Ju.M., and M.V. Malinovich. 2003. Antropologicheskaja lingvistika kak integral'naja nauka [Anthropocentric Linguistics as an Integral Science] in Antropologicheskaja lingvistika: Koncepty. Kategorii. Moscow-Irkutsk. Print. (in Russ.)
8. Stepanov, Ju.S. 1997. Konstanty [Constants]. Slovar' russkoj kul'tury. Moscow. Print. (in Russ.)
9. Zalevskaia, A.A. 2000. Nacional'no-kul'turnaja specifika kartiny mira i razlichnye podhody k ejo issledovaniju [National and Cultural Specifics of the Picture of the World and Various Approaches to its Study] in Jazykovoe soznanie i obraz mira. Moscow. Print. (in Russ.)
10. Morel', D.A. 2012. Kompleksnoe ispol'zovanie dannyh associativnogo jeksperimenta v issledovanii fragmentov jazykovoj karty mira [Complex Use of Data from the Associative Experiment in the Study of Fragments of the Language Picture of the World]. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki 7: 134—144.
11. Telija, V.N. 1995. O metodologicheskikh osnovah lingvokul'turologii [On the Methodological Foundations of Cultural Studies in Language] in Logika, Metodologija, Filosofija nauki. Tezisy dokladov. Moscow-Obninsk. Print. (in Russ.)

Article history:

Received: 13.10.2017

Accepted: 24.12.2017

Moderator: O.A. Valikova

Conflict of interests: none

For citation:

Osmanzade, A.O. 2018. "Linguo-Didactic Opportunities for Using Associative Rows in the Practice of Teaching Russian as a Foreign Language". *RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices*, 15 (1), 18—26. DOI 10.22363/2312-8011-2018-15-1-18-26

Bio Note:

Alima Osmanovna Osmanzade is a Doctor of Pedagogical Sciences, Professor at the Department of Foreign Languages of the Azerbaijan University of Architecture and Construction. E-mail: a.osmanzade@gmail.com

DOI 10.22363/2312-8011-2018-15-1-27-37

УДК 81

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ СТАТУС ДЕТЕЙ-МИГРАНТОВ В РУССКОЯЗЫЧНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

О.В. Кряхтунова

Астраханский государственный технический университет
Российская Федерация, 414056, Астрахань, ул. Татищева, 16

Проблемы адаптации детей-мигрантов, приезжающих в Россию из ближнего и дальнего зарубежья, не теряют своей актуальности на фоне возросшего потока миграции в мире вообще. С целью исследования адаптации детей, приезжающих вместе с родителями, выделим один из немаловажных аспектов — включение таких детей в образовательный процесс. В ходе исследования были использованы данные Управления миграционного учета по Астраханской области, посещались занятия в общеобразовательных учебных заведениях, проанализированы пособия и образовательные программы школ, принимающих на обучение детей, не владеющих русским языком как родным. Анализ полученного материала свидетельствует о методическом дефиците в отношении таких детей, о необходимости учета полиэтничного состава обучающихся в образовательном стандарте, в соответствии с которым организован учебный процесс русскоязычных школ.

Ключевые слова: детская миграция, поликультурный, педагогические условия, инклюзивное образование, речевой статус, когнитивная поддержка

ВВЕДЕНИЕ

Миграционные процессы в современном мире влияют не только на увеличение населения принимающей страны, они способны также менять ее социальную структуру и, как следствие, общий культурный фон. Стало очевидным, что прием и адаптация иностранцев стихийным образом невозможны, поэтому в отношении мигрантов работоспособного возраста в Российской Федерации разработаны и применяются нормы регистрации, оформления на работу, ограничения срока пребывания. Миграция традиционно ассоциируется с приграничными регионами, однако в последние годы принимают на временное/постоянное проживание иностранных граждан как центральные, так и северо-восточные регионы России в силу стабильно высокого промышленного развития.

ОБСУЖДЕНИЕ

Астраханская область исторически является поликультурным регионом, поэтому уровень социального доверия здесь достаточно высок: и в государственных органах, и в образовательных, и в медицинских учреждениях работают высококвалифицированные специалисты многих национальностей. Однако сохраняет-

ся и миграционная составляющая, в том числе семейная, а значит, и детская миграция. Ежегодно в Астраханскую область прибывают вместе с родителями дети как дошкольного, так и школьного возраста. Так, в 2016 г. в Астраханской области первично было зарегистрировано 2694 ребенка в возрасте от 6 лет, на учете состояло 3812 детей этого возраста.

Сотрудники Управления миграционного учета отмечают, что не все дети находятся на территории РФ с официальной регистрацией, в то время как практически все дети школьного возраста посещают школу. Первичные знания поступающих зависят не столько от близости страны, из которой прибыла семья, сколько от условий, предшествующих включению в русскоязычную образовательную среду. Выделим типы исходного образовательного статуса ребенка:

1) в связи с недостаточным количеством мест в детских садах, а также в силу этнической традиции многие дети дошкольного возраста воспитываются в семье, владеют русским языком только на бытовом уровне со значительной долей интерференции родного языка;

2) не владеющий русским языком ребенок включен в образовательный процесс с первого класса начальной школы — в этом случае он имеет некоторое преимущество по сравнению с теми, кто попадает в школу среднего звена (пятый класс и выше) также без знания русского языка.

Прежде чем рассмотреть варианты методического сопровождения данного контингента обучающихся, необходимо отбросить иллюзию, что работа с такими детьми может строиться на основе переводных/сопоставительных методов обучения. Формирование классов по национальности, с одной стороны, снижает мотивацию детей к общению в учебной и внеурочной деятельности, с другой — фактор компактного проживания не играет большой роли даже для внутренней миграции. Так, не все дети из Республики Дагестан общаются друг с другом на одном языке в силу принадлежности к различным этносам (всего в Дагестане в активном употреблении более 15 национальных диалектов). Национальный состав детей младшего школьного возраста (2008 года рождения), первично зарегистрированных в Астраханской области в 2016 г., представлен ниже (человек): Азербайджан — 611, Аргентина — 1, Армения — 84, Беларусь — 4, Великобритания — 3, Венгрия — 1, Вьетнам — 5, Гвинея — 3, Германия — 23, Грузия — 16, Египет — 11, Израиль — 3, Индия — 1, Ирак — 3, Иран — 34, Италия — 4, Казахстан — 865, Китай — 3, Корея — 2, Кыргызстан — 97, Латвия — 4, Литва — 3, Марокко — 1, Молдова — 11, Норвегия — 3, Сирия — 2, Сербия — 6, США — 11, Таджикистан — 209, Украина — 158, Туркменистан — 24, Турция — 5, Узбекистан — 671.

Попадая в общеобразовательную школу, ребенок приобретает не только новый языковой статус, но и социально-групповые обязательства. Система обучения иностранных специалистов и студентов не может быть автоматически перенесена на детей-мигрантов как минимум в силу различия социально-педагогических условий. Так, специалисты и студенты осознанно выбирают страну обучения; имеют академические навыки, опыт учебной деятельности; выбирают уровень и объем подготовки в соответствии с потребностями; дети младшего школьного

возраста вынужденно меняют место жительства по выбору родителей; меняют вид деятельности с игровой на учебную; обучаются в условиях языкового стандарта носителя языка.

Представленные ограничения не всегда осознаются школьными педагогами, в классы к которым приходят дети-мигранты. Об этом свидетельствует значительное расхождение в определении социального статуса таких детей: в нормативно-организационных документах учебных заведений встречаются понятия «мигрант», «эмигрант», «переселенец», «нерусский» [1; 2]: «Особенностью контингента учащихся является значительная доля *детей из семей эмигрантов с Кавказа*, что создает целый ряд проблем при организации образовательного процесса. *Внешние факторы*: огромные проблемы возникают у *детей — переселенцев с Кавказа*, не владеющих русским языком даже на разговорном уровне. В таких семьях общаются на родном языке, тормозят усвоение общекультурных и социальных навыков поведения в новой для их проживания среде» [1] (здесь и далее выделено нами — *Авт.*).

Особо остановимся на педагогическом статусе таких детей. От его корректного определения зависит, с одной стороны, вхождение ребенка в учебную группу и отношения с преподавателем, с другой — обеспечение школы методической поддержкой с учетом вариативности индивидуальных достижений обучающегося (аналогично термину «индивидуальный образовательный маршрут» [3], принятому в рамках инклюзивного образования): «Мы, учителя русского языка и литературы, прекрасно знаем, что главная задача преподавания русского языка на современном этапе — целенаправленность обучения на достижение конкретного конечного результата. Все школьники Российской Федерации должны пройти через систему *государственной итоговой аттестации, не дифференцированной в зависимости от владения русским языком как родным или неродным*» [4].

Вслед за сложностью социального определения прибывающих детей возникает разнообразие трактовок их педагогического статуса, причем чаще всего в системе адаптации задействованы преподаватели русского языка и литературы, а также логопеды. Роль преподавателя русского языка в успешном освоении всех учебных предметов очевидна в системе РКИ, к примеру, на этапе довузовской подготовки. Преподаватель русского языка как иностранного формирует речевую компетенцию обучающегося не только в рамках своего предмета, от него же зависит готовность к учебной коммуникации во всех остальных дисциплинах (математика, физика, химия и т.д.). Школьные учителя не готовы к такой «миссии», поскольку каждый предметник планирует свою работу в узкоспецифичных рамках и имеет возможность потратить время на дополнительные занятия не более 1 часа в неделю (в рамках внеурочной работы).

В образовательных программах, размещенных на сайтах образовательных учреждений детей мигрантов чаще всего относят к билингвам [5; 6], но работа с детьми «с нуля», как правило, не предусмотрена: «Для подготовки программы была проведена большая работа по изучению правовых документов, регламентирующих вопрос обучения *детей мигрантов* и научно-теоретической базы проблем *билингвов и инофонов*, были исследованы материалы специалистов кафедры пси-

хологии СПБАППО... Данная программа *не предусматривает работу с детьми, не владеющими русским языком*. Является интегрированным курсом для социальной адаптации детей мигрантов через развитие культуры речи, творческих способностей средствами театрализации» [5].

Определение «билингв» по отношению к детям-мигрантам не всегда соответствует действительности и рождает неоправданные ожидания языковой компетенции ребенка по ряду причин:

— даже при вынужденном билингвизме мы предполагаем, что ребенок имеет как минимум опыт акустического восприятия русской речи;

— для Астраханской области естественный билингвизм — распространенное явление среди татар, казахов, калмыков, азербайджанцев и др., проживающих здесь на протяжении нескольких поколений — для них владение русским языком и родным языком — норма, и затруднений при обучении в школе это не вызывает.

Неопределенный речевой статус ребенка порождает методические лакуны в организации учебной деятельности в полилингвальных классах, к примеру, когда учащимся начального уровня даются упражнения на языковую догадку на фоне текста, осложненного метафорами:

Сегодня занятие — речевой практикум. Мы будем учиться общаться с помощью русского языка, а поможет нам в этом *одна часть речи, но какая, мы узнаем чуть позже — разгадаем ее, и это будет наша тема*.

— А сейчас мы запишем предложения под диктовку: ... Зато полыхают рябиновые кисти, освещая сумрачный лес, горят красные кусты бузины, разрядились, словно елочными игрушками, кусты шиповника. Это деревья и кустарники, прощаясь с летом, устраивают настоящий красочный бал.

— Какие *метафоры* вы нашли в этом тексте? Какое *сравнение*? [2].

В отсутствие лингвистических методов речевой диагностики поступающих в школу детей зачастую тестируют логопеды, делая заключения о наличии у ребенка таких «нарушений», как общее недоразвитие речи (ОНР), фонетико-фонематическое недоразвитие (ФФН), задержка психического развития (ЗПР). Не отрицая стремления специалистов помочь ребенку, нельзя не признать факт подспудного ограничения в правах ребенка с таким «диагнозом»: «Условия жизни общества сопряжены со значительной миграцией населения. В детские сады и школы все чаще приходят *дети с двуязычием*, которые плохо говорят по-русски. Желательно, чтобы логопед понимал, какого типа несовпадения с возрастной нормой владения русским языком встречаются у *билингвов* с разным языковым происхождением. Началом *работы логопеда с пациентом* является составление речевой карты... Речевая карта *обследования ребенка-логопата* — это не только метод диагностики речевых нарушений, но и вектор дальнейшей программы *корректирующих мероприятий*» [7].

Процедура логопедического обследования ребенка при поступлении в начальную школу опирается на представление о сформированности речевых навыков на уровне носителя языка, прошедшего дошкольную подготовку. Наполнение заданий логопед может варьировать, однако общая программа обследования, скорее всего, покажет недостаточный уровень владения русским языком. Про-

анализируем некоторые задания из применяемой практикующим логопедом диагностики [8]:

1. Обследование понимания грамматических категорий (числа, рода): Где мяч? — А где мячи?; Где гнездо? — Где гнезда?; Где бежит? — Где бегут?; На какой картинке деревянная? — На какой деревянные?; Где Женя собирал грибы? — Где Женя собирала грибы?; Где Женя читал книгу? — Где Женя читала книгу?

2. Обследование грамматического строя: образование множественного числа и указания на количество: *мост, дом, стул, пчела, ведро, ухо, воробей, утенок*.

В первом примере объект не обозначен, ребенок должен указать на него, восстановив отличительные признаки по грамматической форме глагола или прилагательного. Грамматическая форма выражена флексией, однако для инофона даже при хорошем владении лексикой флексия может не иметь эквивалентного значения, поскольку многие языки (казахский, татарский, лезгинский, даргинский и др.) являются агглютинативными, в отличие от русского — флективного. Кроме того, ряд вопросов содержит имя собственное, употребляемое в отношении лиц как мужского, так и женского пола — это однозначно провоцирует когнитивный барьер в распознавании запрашиваемой информации. Во втором примере (на образование формы множественного числа) предъявлены довольно сложные существительные с подвижным ударением, чередованием в корне и суффиксе.

Получая статус «логопата», ребенок поступает в коррекционные классы, или так называемые классы «выравнивания», однако результативность их работы приравнивается к тому уровню адаптации ребенка, который позволяет работать с ним как с носителем языка без изменения устоявшейся методики: «Актуальной для школы является проблема снижения показателей качества обученности в большей части классов выравнивания по предметам “русский язык” и “литература”. Анализ проблемы показал, что причинами снижения показателей стали:

1) неумение ряда учителей пользоваться данными комплексного медико-психолого-педагогического обследования учеников;

2) *резкое увеличение в составе классов выравнивания детей, владеющих русским языком только на уровне элементарного разговорного»* [1].

В документе особо оговаривается, что «основанием к зачислению детей в классы выравнивания является исключительно заключение *Городской медико-психологической комиссии»* [9].

Рассмотрев состав и нормативную базу нескольких медико-педагогических комиссий разного уровня, мы выяснили, что в составе таковых присутствуют квалифицированные педагоги, логопеды-дефектологи, психологи, физиологи, однако специалистов по РКИ к оценке речевых способностей ребенка не привлекают. Нормативная база территориальных медико-психологических комиссий опирается на внушительный список документов, среди которых также отсутствуют требования к владению русским языком, применяемые к иностранным гражданам (названия некоторых документов сокращены): Декларация о правах ребенка (1959 г.), Конвенция ООН о правах ребенка (1990 г.), Декларация ООН о правах инвалидов (1975 г.), Федеральный закон о социальной защите инвалидов

(1999 г.), Декларация ООН о правах умственно отсталых лиц (1981 г.), Семейный кодекс РФ, Международная статистическая классификация болезней, травм, Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», Закон РФ «О психиатрической помощи...», Закон РФ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (1999 г.), Перечень заболеваний, по поводу которых дети нуждаются в индивидуальных занятиях на дому и освобождаются от посещения массовых школ.

Однако даже при включении детей-мигрантов в группы детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), школа не всегда в состоянии обеспечить их квалифицированной помощью: «В школе на 1 сентября 2016 года педагогами работает 63 человека. Из них с разными категориями учащихся с ОВЗ работает 27 человек. Педагоги, работающие с детьми с ОВЗ, специального образования для работы с детьми с ОВЗ не имеют. Сегодня их уровень знаний в области психологических и физиологических особенностей данной категории детей повышается за счет самообразования...» [10].

Говоря о необходимости когнитивной поддержки детей-мигрантов, следует соотнести требования, которые предъявляются к ним с первых уроков, с реальным уровнем языковой компетенции. Проиллюстрируем результаты опроса детей-мигрантов с использованием типовых тестовых заданий [11] примерами описания некоторых предметов. Стимульным материалом для опроса были иллюстрации. Заранее оговоримся, что назначение многих «устаревших» бытовых инструментов дети-мигранты знают лучше, чем русские, объясняя жестами их применение (сито, серп, грабли): «гантели — это когда спорт делаешь», «жилет — рубашка первая, а это потом», «стеклянный стол — из окон сделан», «замок — это закрываешь дом», «ромашка — тюльпан», «скрипка — так делаешь, он поет».

Для разработки методических рекомендаций по адаптации детей к учебному процессу необходимо прежде всего оценить содержание учебника с точки зрения инофона. От ребенка требуется знание большого количества фольклорных и литературных текстов. Приведем список произведений, на основании которых ученику первого класса нужно строить высказывания. Отсылка к данным текстам приводится в Азбуке, ч. 1 [12] в форме иллюстраций, по которым необходимо назвать персонажей, дать им характеристики, вспомнить сюжет, ключевые диалоги или спрогнозировать дальнейшие события: «Гуси-лебеди», «По щучьему веленью», «Теремок», «Репка», «Колобок», «Сказка о спящей царевне и семи богатырях», «Семеро козлят», «Белоснежка и семь гномов», «Муха-цокотуха», «Айболит», «Сестрица Аленушка и братец Иванушка», «Волк и лиса», «Маша и медведь», «Лиса и журавль», «Курочка Ряба», «Гадкий утенок», «Заюшкина избушка», «Кот в сапогах», «Сказка о рыбаке и рыбке», «Красная шапочка», «Конек-горбунок», «Сказка о царе Салтане...».

Кроме того, следует определить тот массив лексики, которым должен владеть ученик для активной работы в классе на момент поступления в школу. В него, в частности, входят следующие лексические группы: «Игрушки» (18 слов), «Школьные принадлежности» (7 слов), «Животные» (45 слов), «Птицы» (22), «Хозяйственные инструменты» (17), «Музыкальные инструменты» (3), «Цветы» (10), «Профессии» (18), «Одежда» (3), «Глаголы» (74) и др.

Особого внимания требует также речевое поведение педагогов, причем контроль речевого поведения должен охватывать всех сотрудников школы/гимназии/лицея, т.е. необходимо соблюдение «языкового режима». Сравним варианты педагогических условий обучения носителей языка и отдельно — инофонов:

Для носителей языка	Для инофонов
Задания и вопросы должны быть вариативными при многократном повторении.	Задания и вопросы при повторном предъявлении должны воспроизводиться в первоначальном варианте.
Повторение нового позволит лучше понять материал.	Готовность к восприятию, предварение нового позволяет лучше воспринять урок.
Обилие языковых средств, семантических вариантов слов повышает интерес ребенка, раскрывает возможности языка. Учебные задания развивают разностороннее изучение языка, поэтому в рамках одного упражнения предполагается и орфографическая, и лексическая, и грамматическая работа.	Новая лексика вводится со строгим ограничением в рамках лексического минимума. В заданиях не рекомендуется совмещать лексическую, грамматическую или орфоэпическую задачу, проверяется только одна компетенция.
Конфликт слуховой привычки и орфографического правила.	Орфография диктует произношение, поскольку обучение строится на основе чтения и письма.
Дефицит чтения и письма.	Дефицит аудирования и говорения.

При всей актуальности проблемы имеется неизбежное опережение в ее понимании на локальном уровне и отставание в централизованной разработке нормативов. Так, в проект педагогического стандарта уже включена компетенция по работе с учащимися, для которых русский язык не является родным [13]. В методической же литературе, регламентирующей содержание урока, среди личностных результатов обучения должно быть достигнуто «чувство гордости за свою Родину, за российский народ» [14].

В случае со школьной номенклатурой можно было бы сослаться на отсутствие традиции применения государственного стандарта по русскому языку как иностранному, который хорошо разработан в системе высшего образования. Но и помощь высшей школы не в состоянии охватить ни многообразие учебных комплексов, ни весь объем знаний, включенных в предметные курсы, овладение которыми, конечно же, базируется на знании языка. В СПбГУ разработаны тесты, соответствующие уровням ТРКИ [15], однако форма предъявления тестовых заданий (за исключением субтеста «Аудирование») письменная, т.е. рассчитана на читающих детей, лексика тестов обиходная, не соответствует уровню сложности учебников, многие задания ориентированы на русско-европейский «культурный фон»: «Новый год и Рождество — это (любимые) праздники *всех* детей» (субтест «Лексика. Грамматика» уровень А1); «*Без электричества* жить невозможно, (без него) *нельзя* даже чай приготовить» (субтест «Лексика. Грамматика» уровень В1);

«Мы много знаем о России, (хотя) никогда не были там» (субтест «Лексика. Грамматика» уровень В2).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несомненно, семья — это весомый фактор, стимулирующий мигрантов к социально ответственному поведению, и надо отдать им должное: каждая семья стремится дать ребенку образование, осознает необходимость интеграции. Однако занятость не позволяет родителям вникать в трудности обучения, да и «все-силые» школьного учителя имеет ряд ограничений административного характера.

Проведенное на базе нескольких астраханских школ исследование позволяет предположить, что решение проблемы не будет скорым, поскольку для большинства преподавателей начальной и средней школы дети-мигранты — довольно новое и не всегда ожидаемое, а иногда и «чрезвычайное» явление. А ведь к некоторым неожиданным ситуациям мы можем считать себя готовыми, если имеем не опыт, то хотя бы инструкции о том, как себя в таких случаях вести. В связи с внедрением системы инклюзивного образования многие педагоги проходят повышение квалификации по проблемам интеграции в общеобразовательную среду детей с различными ограничениями здоровья, а во всех школах уже имеется соответствующее оборудование. Аналогичная практика в отношении детей мигрантов, несомненно, даст стабильное улучшение текущей ситуации, как только мы предоставим таким детям и их семьям возможность выбора «образовательного маршрута» на основании признания особого педагогического статуса ребенка.

© Кряхтунова О.В., 2017

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Программа развития МОУ СОШ № 40 г. Астрахани на 2013—2018 гг. URL: <http://www.30astsosh40.edusite.ru/p3aa1.html> (дата обращения 12.03.2017).
2. Райская Л.Г. Урок русского языка. Формирование коммуникативных компетенций. Занятие для детей мигрантов (русский для нерусских), 1-й год обучения. URL: <http://do.znate.ru/docs/index-30466.html> (дата обращения 10.03.2017).
3. Рекомендуемая форма индивидуального образовательного маршрута. URL: <http://ppms.ru/rmpk/rekomenduemaya-forma-individualnogo-obrazovatel'nogo-marshruta.html> (дата обращения 12.03.2017).
4. Федорюк Л.В. Изучение русского языка как неродного. URL: <http://nsportal.ru/shkola/russkiy-yazyk/library/2014/12/21/izuchenie-russkogo-yazyka-kak-nerodnogo> (дата обращения 14.03.2017).
5. Дополнительная общеобразовательная программа «Будем знакомы» (социокультурная адаптация детей-мигрантов 6,5—10 лет). URL: <http://30astr-s27.edusite.ru/DswMedia/budemznakomyi.docx> (дата обращения 25.02.2017).
6. Обучение детей-билингвов. Проблемы и решения [Электронный ресурс]. URL: <http://www.openclass.ru/node/475451?page=2> (дата обращения 14.03.2017).
7. Проблема речевого развития детей с ограниченными возможностями здоровья в условиях билингвизма. URL: <https://kopilkaurokov.ru/logopediya/prochee/problimarietchievov-orazvitiiaidietieisogranichennymivozmozhnostiamizdoroviyavusloviakhbilingvizma> (дата обращения 25.02.2017).
8. Варианты заполнения и ведения речевой карты. Примерная карта обследования дошкольника с ОНР [Электронный ресурс]. URL: <https://refdb.ru/look/1745438-pall.html> (дата обращения 03.03.2017).

9. Перечень нормативно-правовых документов, регламентирующих работу ТПМПК. URL: <http://5psy.ru/chitaem-knigi/perechen-normativno-pravovix-dokumentov-reglamentiruyushix-rabotu-tpmpk.html> (дата обращения 12.03.2017).
10. Адаптированная образовательная программа МБОУ г. Астрахани СОШ № 64 на 2016—2017 учебный год. URL: <http://30astr-s64.edusite.ru> (дата обращения 24.03.2017).
11. *Безрукова О.А., Каленкова О.Н.* Методика определения уровня речевого развития детей дошкольного возраста / О.А. Безрукова, О.Н. Каленкова; худож. Н.Н. Бутусова [и др.]. М.: Каисса, 2008. 95 с.
12. *Горецкий В.Г., Кирюшкин В.А. и др.* Азбука 1 класс. Учебник для общеобразовательных учреждений. М.: Просвещение, 2011. 128 с.
13. Профессиональный стандарт педагога (концепция и содержание). URL: http://30astr-s64.edusite.ru/DswMedia/120215-profstandart_pedagoga_-proekt-.pdf (дата обращения 10.03.2017).
14. УМК «Школа России» «Русский язык» (авт. Канакина В.П., Горецкий В.Г.) 1 класс. Технологическая карта № 16. URL: http://school-russia.prosv.ru/info.aspx?ob_no=43838 (дата обращения 21.03.2017).
15. Открытые материалы СПбГУ для тестирования детей по 4 уровням ТРКИ. URL: <http://files.mail.ru/4CFA17372D6B49C9A648F9B4B3653296> (дата обращения 20.03.2017).

История статьи:

Поступила в редакцию: 02.10.2017

Принята к публикации: 27.12.2017

Модератор: О.А. Валикова

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Кряхтунова О.В. Педагогический статус детей-мигрантов в русскоязычной образовательной среде // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2018. Т. 15. № 1. С. 27—37. DOI 10.22363/2312-8011-2018-15-1-27-37

Сведения об авторе:

Кряхтунова Ольга Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка юридического факультета Астраханского государственного технического университета. E-mail: olgakryakhtunova@mail.ru

PEDAGOGICAL STATUS OF MIGRANT CHILDREN IN THE RUSSIAN-SPEAKING EDUCATIONAL ENVIRONMENT

O.V. Kriakhtunova

ASTU University
16, Tatisheva str., Astrakhan, 414056, Russian Federation

The problems of adaptation of children- migrants coming to Russia from near and far abroad do not lose their relevance in the context of increasing flows of migration in the world in general. In order to study the adaptation of children coming with their parents, we will highlight one of the important

aspects — the introduction of such children in the educational process. In the course of the research, the data of the Department of Migration Accounting for the Astrakhan region were used, classes were attended in general educational institutions, the manuals and educational programs of schools receiving children who do not know Russian as a native language were analyzed. An analysis of the material indicates a methodological deficit for such children, the need to take into account the polyethnic composition of students in the educational standard, according to which the educational process of Russian-speaking schools is organized.

Key words: children's migration, multicultural, pedagogical conditions, inclusive education, speech status, cognitive support

REFERENCES

1. Programma razvitija MOOU SOSh № 40 g. Astrahani na 2013—2018 gg. [Program for the Development of the Municipal School No. 40 of Astrakhan for 2013—2018]. Web. URL: <http://www.30astsosh40.edusite.ru/p3aa1.html> (Date 12.03.2017). (in Russ.)
2. Rajskaia, L.G. 2017. Urok russkogo jazyka. Formirovanie kommunikativnykh kompetencij. Zanjatie dlja detej migrantov (russkij dlja nerusskikh), 1-yj god obuchenija [Russian Language Lesson. Formation of Communicative Competences. Lesson for Migrant Children (Russian for Non-Russian), 1st year of study]. Web. URL: <http://do.znate.ru/docs/index-30466.html> (Date 10.03.2017). (in Russ.)
3. Rekomenduemaja forma individual'nogo obrazovatel'nogo marshruta [The Recommended Form of an Individual Educational Route]. Web. URL: <http://ppms.ru/ppmk/rekomenduemaya-forma-individualnogo-obrazovatel'nogo-marshruta.html> (Date 12.03.2017). (in Russ.)
4. Fedorjuk, L.V. 2017. Izuchenie russkogo jazyka kak nerodnogo [Teaching Russian as a Foreign Language]. Web. URL: <http://nsportal.ru/shkola/russkiy-yazyk/library/2014/12/21/izuchenie-russkogo-yazyka-kak-nerodnogo> (Date: 14.03.2017). (in Russ.)
5. Dopolnitel'naja obshheobrazovatel'naja programma «Budem znakomy» (sociokul'turnaja adaptacija detej-migrantov 6,5—10 let) [Additional General Education Program “Will We Be Familiar?” (Socio-Cultural Adaptation of Migrant Children from 6.5 to 10 years).] Web. URL: <http://30astr-s27.edusite.ru/DswMedia/budemznakomyi.docx> (Date 25.02.2017). (in Russ.)
6. Obuchenie detej-bilingvov. Problemy i reshenija [Teaching Children-Bilinguals. Problems and Solutions]. Web. URL: <http://www.openclass.ru/node/475451?page=2> (data obrashhenija 14.03.2017). (in Russ.)
7. Problema rechevogo razvitija detej s ogranichennymi vozmozhnostjami zdorov'ja v uslovijah bilingvizma [The Problem of Speech Development of Children with Disabilities in Conditions of Bilingualism]. Web. URL: <https://kopilkaurokov.ru/logopediya/prochee/probliemariechievo-gorazvitiiaidietieisogranichennymivozmozhnostiamizdorov'javusloviakhbilingvizma> (data obrashhenija 25.02.2017). (in Russ.)
8. Varianty zapolnenija i vedenija rechevoj karty. Primernaja karta obsledovanija doskol'nika s ONR [Options for Filling and Maintaining a Speech Card. An Approximate Map of the Preschooler's Examination]. Web. URL: <https://refdb.ru/look/1745438-pall.html> (data obrashhenija 03.03.2017). (in Russ.)
9. Perechen' normativno-pravovykh dokumentov, reglamentirujushih rabotu TPMPK [The List of Normative and Legal Documents Regulating the Work of TMPP]. Web. URL: <http://5psy.ru/chitaem-knigi/perechen-normativno-pravovix-dokumentov-reglamentiruyushix-rabotu-pmpk.html> (data obrashhenija 12.03.2017). (in Russ.)
10. Adaptirovannaja obrazovatel'naja programma MBOU g. Astrahani SOSh № 64 na 2016—2017 uchebnyj god [Adapted Educational Program of the MBAU of Astrakhan School No. 64 for 2016—2017 academic year]. Web. URL: <http://30astr-s64.edusite.ru> (data obrashhenija 24.03.2017). (in Russ.)
11. Bezrukova, O.A., and O.N. Kalenkova. 2008. Metodika opredelenija urovnja rechevogo razvitija detej doskol'nogo vozrasta [Methodology for Determining the Level of Speech Development of Preschool Children]. Moscow: Kaissa, 2008. 95 p. Print. (in Russ.)

12. Goreckij, V.G., V.A. Kirjushkin et al. 2011. *Azbuka 1 klass. Uchebnik dlja obshheobrazovatel'nyh uchrezhdenij* [Textbook for Educational Institutions. In 2 Parts. Part 1]. M.: Prosveshhenie, 2011. 128 s. (in Russ.)
13. Professional'nyj standart pedagoga (konceptija i sodержanie) [Professional Standard for the Teacher (Concept and Content)]. URL: http://30astr-s64.edusite.ru/DswMedia/120215-profstandart_pedagoga_-proekt-.pdf (data obrashhenija 10.03.2017). (in Russ.)
14. Kanakina, V.P., and V.G. Goreckij. 2017. UMK «Shkola Rossii» «Russkij jazyk». 1 klass. Tehnologicheskaja karta № 16 [Methodical Complex “School of Russia”: “Russian language”]. Web. URL: http://school-russia.prosv.ru/info.aspx?ob_no=43838 (data ob-rashhenija 21.03.2017). (in Russ.)
15. Otkrytye materialy SPbGU dlja testirovanija detej po 4 urovnjam TRKI [Open Materials of SPbSU for Testing Children on 4 levels of RaFL]. Web. URL: <http://files.mail.ru/4CFA17372D6B49C9A648F9BAB3653296> (data obrashhenija 20.03.2017). (in Russ.)

Article history

Received: 02.10.2017

Accepted: 27.12.2017

Moderator: O.A. Valikova

Conflict of interests: none

For citation:

Kryakhtunova, O.V. 2018. “Pedagogical Status of Migrant Children in the Russian-Speaking Educational Environment”. *RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices*, 15 (1), 27–37. DOI 10.22363/2312-8011-2018-15-1-27-37

Bio Note:

Kryakhtunova Olga Vladimirovna is a PhD in Philology, Assistant Professor of Russian Linguistics Department, Faculty of Low, ASTU University. E-mail: olgakryakhtunova@mail.ru

DOI 10.22363/2312-8011-2018-15-1-38-44

УДК 81

ИЗУЧЕНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА В УСЛОВИЯХ ПОЛИЛИНГВИЗМА (НА ПРИМЕРЕ РАБОТЫ С УЧАЩИМИСЯ-МИГРАНТАМИ В МОУ СОШ ИРКУТСКА)

М.В. Дорохова, Н.А. Свердлова

Иркутский государственный университет
Российская Федерация, 664025, Иркутск, ул. Карла Маркса, 1

Статья посвящена проблемам преподавания русского языка как неродного в средних общеобразовательных школах Иркутска. Одной из задач современного учителя является не только формирование языковых компетенций у обучающегося-мигранта, но и его культурная адаптация. Целью исследования является поиск новых методических приемов при обучении мигрантов в школьном полинациональном коллективе в условиях отсутствия языка-посредника.

Ключевые слова: обучающийся-мигрант, компетентностный подход, средняя общеобразовательная школа, начальная школа, русский язык как неродной, русский язык как иностранный

1. ВВЕДЕНИЕ

Важной чертой современного общества является мощное движение миграционных потоков, которое существенно влияет на социальную картину того или иного государства. Российская Федерация не является исключением. После образования Евразийского экономического союза поток мигрантов в РФ увеличился на 35% (demoscope.ru/weekly/2012/0501/barom01.php). При этом в РФ из стран СНГ иммигрировали не только мужчины старше 18 лет, но и — в соответствии с Государственной программой по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом (Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве РФ») — целые семьи. Данная программа гарантировала детям-мигрантам возможность обучения в российских школах и упрощенное получение гражданства РФ. К сожалению, эта программа не предусматривала создание специализированных классов или особой системы подготовки для данной категории обучающихся. В связи с этим учителя столкнулись с проблемой преподавания на русском языке общеобразовательных дисциплин в поликультурных, полинациональных классах. В первую очередь эта проблема коснулась учителей русского языка и литературы.

2. ОБСУЖДЕНИЕ

Большая часть учащихся-мигрантов не владеет современным русским литературным языком, т.е. не знает грамматической системы русского языка. У уча-

щихся — носителей русского языка этот навык сформирован, но пока не закреплён в письменной речи, у учащихся-мигрантов он не развит или отсутствует вообще. Следовательно, такой обучающийся не может успешно коммуницировать с одноклассниками — носителями русского языка, что влияет на его успеваемость при усвоении программы 5—11 классов в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом РФ. Как следствие, учащийся-мигрант сталкивается с психологическими проблемами, которые ведут к конфликтам и отсутствию благополучной психологической среды в классе, толерантности к другим культурам.

Культурные различия между средой, к которой привык ребенок с детства, и той, в которую он был перемещен в силу сложившихся семейных обстоятельств, могут быть настолько драматичными, что ребенок оказывается в состоянии глубокого стресса. Еще в советский период В.С. Библер обозначил эту проблему так: «Дети, вынужденные жить в ситуации этнической напряженности, в районах межнациональных и межрелигиозных конфликтов, очень рано осознают свою этническую принадлежность и становятся особенно чувствительными к усвоению как позитивных, так и негативных национальных стереотипов» [1. С. 37]. Проблемы, связанные с обучением ребенка-мигранта, очень похожи на проблемы обучения и социальной адаптации аутичного ребенка: он не понимает, как устроен мир вокруг него, а окружающие не могут представить себе, что он может это не осознавать.

Чаще всего в семьях мигрантов родители и родственники не говорят по-русски, поэтому дома ребенок не может получить помощь в освоении и русского языка, и тех предметов, которые на нем преподаются в средней школе. Как правило, школьные учителя готовы принять то, что учащийся-мигрант будет часто делать много грамматических и лексических ошибок на уроках русского языка и литературы. Среди таких учащихся-мигрантов есть школьники, которые у себя на родине не считались отстающими, напротив, проявляли максимальный уровень знаний по изучаемым предметам. Но это обстоятельство не принимается во внимание и не является причиной особого педагогического внимания к тому или иному прибывшему на обучение ребенку. Можно выделить две основные причины, препятствующие полноценному участию школьников-мигрантов в учебном процессе: 1) языковой барьер; 2) расхождение в учебных планах российской школы и учебного заведения на родине мигранта. Это касается и школьников, прибывших из Украины, несмотря на то, что украинский язык относится к восточнославянской группе языков. В связи с этим учащиеся-мигранты вынуждены обучаться повторно с детьми младшего возраста, потому что уровень знаний русского языка не позволяет освоить дисциплины старшего школьного звена. Данное обстоятельство еще больше углубляет психологическую травму школьника-мигранта, приступившего к обучению в школе на неродном языке.

Как следствие, учащиеся-мигранты в силу возраста и отсутствия социального опыта сначала не могут освоить русский язык, принять русскую культуру и начинают судить о новом для них мире на основе собственных представлений о культуре; тем самым формируется лингвокультурологический барьер. Чаще всего наблюдается непринятие новых реалий на фоне первичных (часто наивных)

представлений о своей родной культуре. Несформированность национально-культурных представлений и нежелание понять инокультуру приводит к конфликтам в классе и отражается на успеваемости учащихся.

Проблемы возникают в полинациональных классах не только у учащихся-мигрантов, но и у носителей языка: учитель вынужден вновь обращаться к уже пройденному материалу, что ведет к неполному освоению русскими школьниками учебной программы и к конфликтам как между учащимися-мигрантами и учащимися — носителями языка, так и между учителем и родителями тех и других учащихся.

Спектр проблем, связанных с преподаванием русского языка как неродного, достаточно широк на территории РФ, в частности в Восточной Сибири. Это было замечено и на государственном уровне. В.В. Путин, активно поддерживая учителей-словесников российских школ, говорит о популяризации русского языка в ближнем и дальнем зарубежье, о необходимости поддержки русского языка как родного во всех без исключения регионах страны (http://polit.ru/news/2016/05/26/russian_language/).

В постановлении Правительства РФ от 20 мая 2015 г. № 481 «Об утверждении Концепции преподавания русского языка и литературы в Российской Федерации» [2] предлагается учителям русского языка освоить программы «Русский как иностранный», учитывая интересы учащихся-мигрантов.

Комиссией по национальным отношениям и свободе совести Общественной палаты Иркутской области в рамках Концепции в г. Иркутске организована работа в школах и на региональном уровне. 2 ноября 2016 г. в Иркутской области при поддержке Правительства региона и Общественной палаты был проведен круглый стол на тему: «Диалог культур глазами детей». В рамках данного мероприятия обсуждались проблемы обучающихся-мигрантов на момент поступления в школы г. Иркутска и Иркутской области (www.opirk.ru/info/540/?sphrase_id=27).

Следует отметить, что в иркутских городских школах обучаются дети-мигранты как из дальнего (Китай, Япония, Корея, Монголия, Вьетнам, США, Израиль, Сербия), так и из ближнего зарубежья (из бывших союзных республик — Узбекистана, Таджикистана, Кыргызстана, Азербайджана, Грузии, Армении, Казахстана, Молдовы, Украины). При этом родители учащихся-мигрантов стараются отдавать своих детей в школы, которые находятся в местах их компактного проживания. Миграционные потоки в Иркутске распределяются неравномерно по административным округам. Численность обучающихся-мигрантов в СОШ г. Иркутске в 2015 г. составила: в Свердловском округе — 382 человека; в Ленинском — 301 человек; в Октябрьском — 225 человек; в Правобережном — 111 человек.

По предварительным подсчетам в г. Иркутске обучается 1019 человек в государственных школах, что по количественному составу может быть оформлено в отдельное общеобразовательное учреждение. Данный факт не может остаться без внимания профессиональных сообществ педагогов и психологов.

Разработка и апробирование учебных программ для прибывающих иностранных граждан началась с курса обучения мигрантов, прибывших на работу в Сибирский федеральный округ и нуждающихся в изучении русского языка. Учебная

программа в рамках реализации государственной программы Иркутской области «Укрепление единства Российской нации и этнокультурного развития народов Иркутской области» положила начало методическим разработкам в сфере обучения мигрантов [3–5]. Однако в связи с всевозрастающим числом обучающихся-мигрантов необходимостью в методической, педагогической, психологической поддержки данной категории школьников программы обучения для трудящихся мигрантов получили актуальное обновление в виде самостоятельной программы — проекта автономной некоммерческой организации дополнительного образования «Знание плюс» — «Хочу все знать!». Данная программа разработана (автор М.В. Дорохова) и используется с ноября 2016 г. в курсе преподавания русского языка как неродного для детей из семей иммигрантов в виде воскресных волонтерских курсов. На региональном уровне данный курс обучения имеет отношение к проектам, реализуемым в рамках государственной программы Иркутской области «Укрепление единства российской нации и этнокультурного развития народов Иркутской области».

Мониторинг Департамента образования Иркутской области, отражающий процентное соотношение учащихся-инофонов и учащихся — носителей русского языка, проводится с целью недопущения монокультурного состава учащихся, создания условий для естественного перемешивания разных культурных потоков.

Предложенный курс обучения детей-мигрантов, кроме собственно практических задач, решает вопросы методического характера, а именно поиск методов обучения русскому языку как неродному школьников-мигрантов начальной школы.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Особое значение проблема обучения мигрантов получает у учителей старших классов, так как именно на них ложится ответственность за подготовку учащихся к итоговому контролю знаний учащихся в форме ГИА и ЕГЭ. Это обстоятельство связано с социальной и коммуникативной адаптацией учащихся-мигрантов, прибывших в Россию в возрасте 14–15 лет. Такие учащиеся имеют намного меньше времени подготовиться к ГИА или ЕГЭ, так как должны сдать экзамены не только по русскому языку, но и по другим общеобразовательным предметам.

Говоря о качестве языкового образования в рамках преподавания русского языка как родного в средней общеобразовательной школе РФ, следует указать на особую значимость системы, которая включает повышение уровня грамотности обучающихся, реализацию главной образовательной цели — формирование компетентного носителя языка на основе обучающих программ (индивидуальных, компьютерных), стандарта среднего (полного/общего) образования по русскому языку в соответствии с данным компетентностным подходом. Таким образом, одной из актуальных задач преподавателя-методиста является поддержка компонентов школьной образовательной системы в части обучения школьников-мигрантов.

© Дорохова М.В., Сverdlova Н.А., 2017

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Библер В.С. Культура: диалог культур // Вопросы философии. 1989. № 6. С. 36—42.
2. Постановление Правительства РФ от 20.05.2015 № 481 «Об утверждении Концепции преподавания русского языка и литературы в Российской Федерации» [Электронный ресурс]: Распоряжение Правительства РФ от 09.04.2016 № 637-р // Консультант Плюс — надежная правовая поддержка: офиц. сайт компании. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_196947
3. Свердлова Н.А., Лидина И.Ю., Журавкова Г.Ф. и др. Живем и работаем в Сибири: Элементарный уровень. Базовый уровень: учебник / под ред. Н.А. Свердловой. Иркутск: ИГЛУ, 2012.
4. Свердлова Н.А., Кацаева С.С. Тренировочные тесты по русскому языку как иностранному. Общее владение языком: Уровни А1 — В2: учеб. пособие / под ред. Н.А. Свердловой. Иркутск: МГЛУ ЕАЛИ, 2016.
5. Свердлова Н.А., Журавкова Г.Ф., Каверзина А.В. и др. Курс по русскому языку как иностранному, истории России и основам законодательства для иностранных граждан СНГ в рамках реализации государственной программы Иркутской области «Укрепление единства Российской нации и этнокультурного развития народов Иркутской области». Иркутск, 2016.

История статьи:

Поступила в редакцию: 31.07.2017

Принята к публикации: 21.12.2017

Модератор: У.М. Бахтикиреева

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Дорохова М.В., Свердлова Н.А. Изучение русского языка в условиях полилингвизма (на примере работы с учащимися-мигрантами в МОУ СОШ г. Иркутска) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2018. Т. 15. № 1. С. 38—44. DOI 10.22363/2312-8011-2018-15-1-38-44

Сведения об авторах:

Дорохова Марина Владимировна — аспирант, преподаватель кафедры русского языка как иностранного факультета иностранных языков Института филологии, иностранных языков и медиакommunikации Иркутского государственного университета. E-mail: marina-dorokhova@mail.ru

Свердлова Наталия Александровна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка как иностранного факультета иностранных языков Института филологии, иностранных языков и медиакommunikации Иркутского государственного университета. E-mail: nsverdlova@yandex.ru

RUSSIAN LANGUAGE IN POLYLINGUAL EDUCATIONAL CONTEXT (ON THE EXAMPLE OF MULTINATIONAL CLASSES OF IRKUTSK SECONDARY SCHOOLS)

M.V. Dorokhova, N.A. Sverdlova

Irkutsk State University
1, Karl Marks str., Irkutsk, 664025, Russian Federation

The article is devoted to the problems of teaching Russian as a foreign language in secondary schools of the city of Irkutsk. One of the tasks of the modern teacher is not only the formation of pupils-migrants' language competence, along with the native Russian language and its adaptation in the framework of Russian culture. The aim of the study is to search for new methodological techniques in the training of migrants in the school of multinational group of students in the absence of a language-intermediary.

Key words: pupil-migrant, competence-based approach, secondary school, primary school, Russian as a non-native language, Russian as a foreign language

REFERENCES

1. Bibler, V.S. 1989. Kul'tura: dialog kul'tur [Culture: Dialog of Cultures]. *Voprosy filosofii* 6: 36–42. Print. (in Russ.)
2. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 20 maja 2015 g. № 481 «Ob utverzhdenii Konceptcii prepodavanija russkogo jazyka i literatury v Rossijskoj Federacii» [Decree “On the Approval of the Concept of Teaching Russian Language and Literature in the Russian Federation”]. Web. (Access: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_196947).
3. Sverdlova, N.A., I.Yu. Lidina, and G.F. Zhuravkova. 2012. *Zhivem i rabotaem v Sibiri: Jelementarnyj uroven'. Bazovyj uroven': uchebnik* [We Live and Work in Syberia]. Irkutsk: IGLU. Print. (in Russ.)
4. Sverdlova, N.A., and S.S. Kashhaeva. 2016. *Trenirovochnye testy po russkomu jazyku kak inostrannomu. Obshhee vladenie jazykom: Urovni A1 — V2: uchebnoe posobie / pod red. N.A. Sverdlovoj*. Irkutsk: MGLU EALI, 2016.
5. Sverdlova, N.A., G.F. Zhuravkova, and A.V. Kaverzina. *Kurs po russkomu jazyku kak inostrannomu, istorii Rossii i osnovam zakonodatel'stva dlja inostrannyh grazhdan SNG v ramkah realizacii gosudarstvennoj programmy Irkutskoj oblasti «Ukreplenie edinstva Rossijskoj nacii i jetnokul'turnogo razvitija narodov Irkutskoj oblasti»* [The Course on Russian as a Foreign Language, the History of Russia and the Basics of Legislation for Foreign Citizens of the CIS in the Framework of the State Program of the Irkutsk Region “Strengthening the Unity of the Russian Nation and the Ethno-Cultural Development of the Peoples of the Irkutsk Region”]. Irkutsk, 2016. Print. (in Russ.)

Article history:

Received: 31.07.2017

Accepted: 21.12.2017

Moderator: U.M. Bakhtikireeva

Conflict of interests: none

For citation:

Dorokhova, M.V., and N.A. Sverdlova. 2018. “Russian Language in Polylingual Educational Context (on the Example of Multinational Classes of Irkutsk Secondary Schools)”. *RUDN Journal*

of Language Education and Translingual Practices, 15 (1), 38—44. DOI 10.22363/2312-8011-2018-15-1-38-44

Bio Note:

Dorokhova Marina Vladimirovna is a Graduate Student, Lecturer of the Department of the Russian as a Foreign Language at the Faculty of Foreign Languages of the Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communications, Irkutsk State University. E-mail: marina-dorokhova@mail.ru

Sverdlova Natalia Alexandrovna is a Candidate in Philology, Associate Professor at the Department of Russian as a Foreign Language at the Faculty of Foreign Languages of the Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communications, Irkutsk State University. E-mail: nsverdlova@yandex.ru

DOI 10.22363/2312-8011-2018-15-1-45-51

УДК 81

ТЕМА РУССКОГО ПАТРИОТИЗМА НА ЗАНЯТИЯХ ПО ЛИТЕРАТУРЕ В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ

С.А. Сафарова, И.Н. Сидорова

Российский университет дружбы народов
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

В статье рассматриваются истоки современного русского патриотизма, прослеживаются этапы его формирования в русской литературе, связанные с историческими, политическими и общественными событиями первой половины XIX в. Акценты делаются на патриотической тематике в произведениях А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, предлагается анализ отдельных произведений этих писателей. Авторы статьи рассматривают вклад каждого из этих классиков в формирование русского патриотизма. У Пушкина выделяются два основных аспекта: мотивы гордости за победу в Отечественной войне 1812 г. и идеи и настроения, созвучные декабризму. В лермонтовском понимании патриотизма подчеркивается разделение понятий «родина» и «государство», продиктованное эпохой реакции после восстания декабристов. Сложность и противоречивость процесса формирования русского патриотизма показаны на отношении к официальной формуле патриотизма постдекабристского периода двух писателей — Лермонтова и Гоголя. Вклад Гоголя в понятие русского патриотизма определяется прежде всего сатирическим началом его творчества — беспощадная критика пороков общества вызвана страстным желанием писателя избавиться от них, сделать общество совершеннее. Понимание русского патриотизма иностранцами важно для верных оценок ими не только событий прошлого в истории литературы и культуры России, но и настоящего.

Ключевые слова: патриотизм, Отечественная война 1812 г., официальный патриотизм, декабристское движение, сатира

1. ВВЕДЕНИЕ

Патриотическая тема органично вливается в курс русской литературы у иностранных студентов первого года обучения русскому языку. Как и в любой другой аудитории, эта тема рассматривается в историческом контексте при изучении литературного процесса в России. Обычно взаимодействие учебного материала по литературе и истории осуществляется в двух аспектах: исторические факты того или иного периода и их влияние на литературный процесс в целом и те или иные события истории в восприятии писателя с их последующим отражением в его творчестве [1].

Цель и задачи. Русская литература преподается на подготовительном отделении РУДН уже более пятидесяти лет. В последние два-три года мы сталкиваемся с новым явлением в процессе работы с иностранцами: некоторые обучающиеся, опираясь на иностранные источники определенной идеологической направлен-

ности, отстаивают не принятую у нас интерпретацию отдельных исторических явлений. К сожалению, курсы литературы и истории России не удастся синхронизировать. Как правило, материал по литературе опережает историков, поэтому некоторые исторические факты приходится излагать преподавателю литературы, вступая в дискуссию со студентами. Цель преподавателя — избежать неверной интерпретации творчества писателей, вызванной недостаточными фоновыми знаниями о сущности русского патриотизма. В конечном счете это ведет к искаженному представлению о русской культуре в целом.

Поскольку на данном этапе обучения русская литература до XIX в. дается лишь в обзоре, развернутая характеристика материала по патриотической тематике приходится на часы, отведенные на русскую литературу XIX в. Приступая к литературе XIX в., прежде всего необходимо обрисовать исторический фон, на котором формировалось патриотическое чувство у русских, особо выделить те моменты истории, которые ускорили этот процесс, придали ему яркие самобытные черты. Важно, чтобы студенты усвоили, что XIX в. — это качественно новый этап в развитии русской общественной мысли, это время, когда возник новый тип политического сознания, когда начали формироваться различные идеологические системы. В культурной жизни страны заметное место заняла литературная борьба, которая в первой трети XIX в. приняла форму противостояния различных литературных обществ. Истоки современного понимания патриотизма также приходится на XIX в.

2. ОБСУЖДЕНИЕ

Изучение литературы первой половины XIX в. предваряется знакомством студентов с двумя значительными историческими событиями первой трети века, глубоко связанными между собой и серьезно отразившимися на судьбе России: Отечественной войной 1812 г. и восстанием декабристов 1825 г. При этом особо подчеркивается огромное значение победы в войне 1812 г. для формирования чувства патриотизма в России. В защиту отечества влились все слои общества, сплотившись в ходе этой борьбы, что привело к победе над врагом и подняло национальное самосознание на новый уровень. Подводя итоги историческому экскурсу, мы делаем выводы о политических и идеологических последствиях этих событий как для русского общества, так и для литературы.

Первым писателем XIX в., чье творчество развернуто изучается на подготовительном отделении, является А.С. Пушкин. Литературное наследие поэта включает отклик на оба исторических события, ставшие вехами в судьбе России. Патриотическая тема прослеживается как на уровне биографии Пушкина, так и на материале его творчества.

По мере освоения учебного материала представление о русском патриотизме у студентов дополняется новыми чертами и становится все более полным. Иностранцам понятно проявление патриотизма в войне с внешним врагом в Отечественной войне 1812 г. Следующая ступень в освоении понятия русского патриотизма — знакомство с идеологией декабризма, которая выражала протест против монархического произвола, отсутствия политических свобод и т.п. Лекционный

материал включает в себя сведения о вольнолюбивой лирике Пушкина раннего периода творчества («Вольность», «К Чаадаеву», «Деревня»). Стихотворные произведения для совместного чтения с преподавателем подобраны из гражданской и дружеской лирики, связанной с темой декабризма, направление эволюции которой в творчестве поэта было во многом определено поражением восстания декабристов («Во глубине сибирских руд...», «И.И. Пушкину»).

Тема русского патриотизма обретает новые краски у М.Ю. Лермонтова. Меняется эпоха — появляются другие оттенки в изображении патриотического чувства лирического героя. Точнее, Лермонтов отражает новое понимание патриотизма в эпоху, когда «русская мысль медленно и нелегко завоевывала новое понимание важнейших идеологических категорий» [2. С. 23].

Лермонтов первым в русской литературе разделил понятия «родина» и «государство», что четко отражено в стихотворении «Родина». Родина для поэта — это грандиозные картины природы России («безбрежные леса», «разливы рек, подобные морям», степи с их «холодным молчанием»), это крестьянский пейзаж с картинами полевых работ («желтая нива», «спаленная жнива»). При чтении именно этого стихотворения иностранные студенты впервые знакомятся с одной из особенностей русского патриотизма — выражением патриотического чувства через любовь к родной природе. «Чета белеющих берез» у Лермонтова — символ любви русских к своей отчизне. Разумеется, любовью к природе не исчерпываются до конца патриотические чувства поэта. Главное для него — глубокая любовь к своему народу, и это чувство выражено в конкретных деталях жизни русской деревни: достаток как результат крестьянского трудолюбия («с резными ставнями окно», «полное гумно»), празднование завершения полевых работ и хорошего урожая, на которое любитесь поэт и «готов до полночи смотреть» на «пляску с топаньем и свистом под говор пьяных мужичков».

Свою любовь к родине поэт называет «странной» и противопоставляет ее официальному патриотизму. Понятие «государство» передается в начале стихотворения через перечисление духовных и идеологических ценностей, насаждаемых в эпоху реакции после восстания декабристов и выраженных в лозунге, предложенном Уваровым: «Самодержавие, православие, народность». Это квинтэссенция доктрины власти и это то, что противостоит понятию «родина» и в стихотворении, и в действительности. Лермонтов сразу же отвергает официальное понимание патриотизма: «Ни слава, купленная кровью, / Ни полный гордого доверия покой, / Ни темной старины заветные предания / Не шевелят во мне отрадного мечтанья» [3. С. 400].

Эти строки представляют наибольшую трудность для понимания иностранцами. «Слава, купленная кровью...» ассоциируется ими с кровью, пролитой на полях сражений в войне 1812 г., и такое восприятие является единственным для них. Ранее в лекционном курсе рассматривалось лермонтовское «Бородино», в котором говорится, как была завоевана русскими военная слава. Многозначность процитированной фразы раскрывается в комментарии преподавателя к тексту. «Слава, купленная кровью» — это еще и одна из примет внутренней политики самодержавия: кровь жертв, пролитой палачами. Это и внешняя политика России,

ставшей «жандармом Европы» после заключения мира в Париже и подавлявшей силой оружия освободительное и демократическое движения в Европе.

Следующая строка стихотворения «Ни полный гордого доверия покой...» также многозначна. В ней заключено два понятия концепта «покой»: официальное («государство») и противопоставляемое ему авторское («родина»). При комментировании цитируется официальная фраза, мелькавшая во всех газетах и журналах того времени: «Россия спокойно верит своему царю», т.е. официально содержание этой фразы несет в себе идею защиты самодержавия. Авторское понимание «покоя» исключает как официальное, так и бытовое значение этого понятия. Для поэта «покой» — это символ, воплощающий в себе идеи мятежа и вечного поиска, о которых он говорит в стихотворении «Парус»: «А он, мятежный, просит бури, как будто в бурях есть покой!» [3. С. 347].

В стихотворении «Родина» понимание «покоя», воспринимаемого как понятие, исполненное патриотического пафоса, противопоставляется официальному покою, «полному гордого доверия». Строка «ни темной старины заветные преданья...», как и две предшествующие ей, требует особого комментария. Понять смысл слов «заветные преданья» в полном объеме студенты подготовительного отделения еще не готовы. В русском обществе существовали разные оценки исторического прошлого России (у романтиков двадцатых годов, у них же после восстания декабристов, у славянофилов и др.). В нашем случае важнее (как это делалось раньше при анализе стихотворения «Родина») проследить антитезу «государство» и «родина». Несомненно, понятие «народность» включает в себя интерес к прошлому и призыв сохранить народные традиции. Но в стихотворении на первый план выдвигается политический смысл, которым наполняются эти слова. Лермонтов, как это следует из всего его творчества, в прошлом искал опору для борьбы за счастье своего народа, своей родины. Для официальных идеологов в прошлом было обоснование для сохранения существующих порядков, крепостное право они относили к народной традиции, которую необходимо сохранить.

Антитеза «государство» — «родина» положена в основу построения лермонтовского стихотворения. Это же противопоставление поэт привносит в перечисленные выше понятия официальной формулы патриотизма, делая их многозначными и тем самым заставляя читателя глубоко размышлять не только над авторскими чувствами, но и задуматься о своих.

Знакомясь с творчеством Н.В. Гоголя, студенты постигают еще одну грань русского патриотизма. Сложность этого материала для иностранных студентов заключается в противоречивости взглядов писателя: Гоголь не просто принял уваровскую формулу, но и развил ее в «Выбранных местах из переписки с друзьями». Особую трудность представляет гоголевская сатира как элемент патриотического чувства.

Патриотическая тема в творчестве Гоголя рассматривается в лекционном курсе на примере двух художественных произведений: комедии «Ревизор» и романа «Мертвые души», а также на «Выбранных местах из переписки с друзьями».

На примере «Ревизора» слушателям объясняется парадоксальное на первый взгляд совмещение в понятии «патриотизм» высокого чувства любви к родине и

обличительного пафоса, безжалостного высмеивания пороков общества; напомним, что реакционная критика обвиняла Гоголя в нелюбви к родине [4. С. 411–434]. Все это останется непонятным для иностранцев, если ничего не сказать о мотивах автора. Здесь следует вспомнить о его юношеской мечте «ни одной минуты короткой жизни своей не утратить, не сделав блага» [5. С. 48] и обратиться к биографии писателя. Этой возвышенной целью — использовать свои силы «для поднятия труда важного, благородного: на пользу отечества, для счастья граждан, для блага жизни подобных...» [6. С. 90] — он стремился руководствоваться при выборе будущей профессии (он хотел стать юристом, борясь с «неправосудием»), служа маленьким чиновником в департаменте и, наконец, став писателем. Гоголь верил в возможность нравственного влияния искусства на общество. Средством такого влияния писатель выбрал сатиру, с ее помощью он мечтал освободить Россию от того, что искажало ее истинный образ, что тормозило ее прогресс: «В “Ревизоре” я решился собрать в одну кучу все дурное в России, какое я тогда знал, все несправедливости, какие делаются в тех местах и в тех случаях, где больше всего требуется от человека справедливости, и за одним разом посмеяться над всем» [7. С. 428].

«Мертвые души» — произведение, в котором слились две тенденции, характерные для творчества писателя в целом: горячая любовь к народу и родине и острое неприятие отрицательных явлений жизни, выраженное в сатирической форме. Вопросы относительно патриотизма автора «Мертвых душ» не возникают там, где он в лирических отступлениях воспекает народную Россию, удаль и смелость русского народа, где говорит о будущем родины, уподобляя ее птице-тройке, несущейся вперед.

Объяснение гоголевской сатиры как составляющей патриотизма начинается с комментирования жанра «Мертвых душ», которые сам автор назвал поэмой. В подзаголовке к поэме Гоголь определил свою позицию, указав, как следует понимать его произведение. Писатель ставил перед собой не только обличительную задачу, для него важно было выразить лирическую тему России, родины. Любовь к родине, вера в ее будущее, чувство тревоги и боли за судьбы своего народа питали беспощадную сатиру Гоголя [8. С. 27–29].

Разговор о гоголевском патриотизме будет неполным, если не остановиться на полемике, развернувшейся в литературной критике того времени после выхода «Ревизора» и «Мертвых душ». Следует указать учащимся, что сложилось два направления в дискуссии: реакционная критика видела в этих произведениях клевету на Россию, демократическая критика, прежде всего в лице Белинского, оценила их за правдивость [8. С. 29–47].

Пolemика вокруг «Ревизора» и «Мертвых душ», «Выбранные места из переписки с друзьями», «Письмо Белинского к Гоголю» должны показать иностранным студентам сложность формирования чувства патриотизма в русском обществе. А бичующая сатира Гоголя, может быть, в какой-то степени объяснит разделяющим недоумение современных зарубежных авторов, иногда встречающихся в СМИ, истоки «чрезмерной» самокритики, свойственной русским.

3. ВЫВОДЫ

Таким образом, опираясь на исторические и политические события первой половины XIX в., в курсе русской литературы для иностранцев первого года обучения в РУДН удастся создать в общих чертах представление о русском патриотизме как в русском обществе в целом, так и в творчестве русских классиков. И если наука история, говоря о русском патриотизме, оперирует исключительно фактами из прошлого русского государства, то художественная литература обращается еще и к чувствам и эмоциям.

© Сафарова С.А., Сидорова И.Н., 2017

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Формозов А.А.* Классики русской литературы и историческая наука. М.: Гриф и К., 2012.
2. *Журавлева А.И.* Лермонтов в русской литературе. Проблемы поэтики. М.: Прогресс-Традиция, 2002.
3. *Лермонтов М.Ю.* Собрание сочинений. В 4 т. Т. 1. Л., 1979—1981.
4. *Машинский С.И., Храпченко М.Б.* Драматургия Гоголя // Гоголь Н.В. Собрание сочинений. В 7 т. Т. 4. М., 1976—1978.
5. *Гоголь Н.В.* Собрание сочинений. В 7 т. Т. 7. М., 1976—1978.
6. *Гоголь Н.В.* Полное собрание сочинений. В 14 т. Т. X. М., 1940—1952.
7. *Гоголь Н.В.* Собрание сочинений. В 7 т. Т. 6. М., 1976—1978.
8. *Смирнова-Чикина Е.С.* «Мертвые души» — название поэмы / Поэма Н.В. Гоголя «Мертвые души». Комментарий. Л., 1974.

История статьи:

Поступила в редакцию: 02.10.2017

Принята к публикации: 27.12.2017

Модератор: В.П. Синячкин

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Сафарова С.А., Сидорова И.Н. Тема русского патриотизма на занятиях по литературе в иностранной аудитории // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность.* 2018. Т. 15. № 1. С. 45—51. DOI 10.22363/2312-8011-2018-15-1-45-51

Сведения об авторах:

Сидорова Инна Николаевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры истории и социально-экономических дисциплин факультета русского языка и общеобразовательных дисциплин Российского университета дружбы народов. E-mail: insidorova@gambler.ru

Сафарова Сабина Асадовна — ассистент кафедры истории и социально-экономических дисциплин факультета русского языка и общеобразовательных дисциплин Российского университета дружбы народов. E-mail: abdullaeva_s@mail.ru

THE THEME OF RUSSIAN PATRIOTISM AT THE LECTURES ON LITERATURE IN A FOREIGN AUDIENCE

S.A. Safarova, I.N. Sidorova

Peoples' Friendship University of Russia
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

The article reviews the sources of the modern Russian patriotism and retraces the stages of its forming in Russian literature according to historical, political and social events of the first half of the XIXth century. The authors of the article accentuate the patriotic theme in literary works by A. Pushkin, M. Lermontov, N. Gogol, and analyse some texts of these writers. Topicality of these article's theme is dictated with erroneous understanding the causes of the Russian victories in the Patriotic war of 1812 and the Great Patriotic War by foreign students.

Key words: patriotism, the Patriotic war in 1812, official patriotism, Decembrism, satire

REFERENCES

1. Formozov, A. 2012. *Klassiki Russkoy literatury i istoricheskaya nauka* [The Classics of Russian Literature and Historical Science]. Moscow: Grif I Ko. Print. (in Russ.)
2. Zhuravleva, A. 2002. *Lermontov v russkoy literature* [Lermontov in Russian Literature]. Moscow: Progress-Tradiciya. Print. (in Russ.)
3. Lermontov M. *Sobranie sochineniy* [Collected works]. Vol. 1–4. Leningrad, 1979–1981. Vol. 1.
4. Mashinskij S., Khrapchenko M. *Dramaturgiya Gogolya. Posleslovie* [The Gogol's drama. Afterword]. Gogol N. *Sobranie sochineniy*. Vol. 1–7. Moscow, 1976–1978. Vol. 4.
5. Gogol N. *Sobranie sochineniy* [Collected works]. Vol. 1–7. Moscow, 1976–1978. Vol. 7.
6. Gogol N. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete works]. Vol. I–XIV. Moscow, 1940–1952. Vol. X.
7. Gogol N. *Sobranie sochineniy* [Collected works]. Vol. 1–7. Moscow, 1976–1978. Vol. 6.
8. Smirnova-Chikina E. «Mjortvye dushi» — nazvanie poemy / Poema N. Gogolja «Mjortvye dushi». Kommentariy [“The dead souls” — the title of the poem. The poem of N. Gogol “The dead souls”. Commentary]. Leningrad, 1974.

Article history

Received: 02.10.2017

Accepted: 27.12.2017

Moderator: V.P. Sinyachkin

Conflict of interests: none

For citation:

Safarova, S.A., and I.N. Sidorova. 2018. “The Theme of Russian Patriotism at the Lectures on Literature in a Foreign Audience”. *RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices*, 15 (1), 45–51. DOI 10.22363/2312-8011-2018-15-1-45-51

Bio Note:

Sidorova Inna is a PhD in Philology, Associate Professor at the Department of History and Socio-Economic Disciplines of Peoples' Friendship University of Russia. E-mail: insidorova@rambler.ru

Safarova Sabina is an Assistant of the Department of History and Socio-Economic Disciplines of Peoples' Friendship University of Russia. E-mail: abdullaeva_s@mail.ru

DOI 10.22363/2312-8011-2018-15-1-52-58

УДК 81

СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ ВТОРИЧНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПРИ СУБОРДИНАТИВНОМ БИЛИНГВИЗМЕ (НА ПРИМЕРЕ РУССКО-КОРЕЙСКИХ СОПОСТАВЛЕНИЙ)

А.С. Мамонтов, А.Г. Столярова

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
Российская Федерация, 117485, Москва, ул. Академика Волгина, 6

В статье рассматриваются основные точки зрения на проблему билингвизма. В теоретической части работы изложены наиболее значимые исследовательские позиции в отношении указанного феномена. В практической части представлены результаты ассоциативного опроса на предмет выявления процесса формирования вторичной языковой личности среди корейско-русских и русско-корейских субординативных билингвов. Ассоциативным стимулом послужили слова тематической группы «Время» («давно», «недавно», «скоро» и т.д.). Респондентами выступили субординативные билингвы уровня В2 и выше. Результаты эксперимента позволяют предположить, что в сознании субординативного билингва уровня В2 и выше начинается интенсивный процесс формирования вторичной ассоциативной системы и вторичной языковой личности.

Ключевые слова: билингвизм, двуязычие, координативный и субординативный билингвизм, естественный и искусственный билингвизм, (вторичная) языковая личность, ассоциативная система языка, ассоциативный эксперимент, родной язык, второй (иностранный) язык

1. ВВЕДЕНИЕ

С тех пор как в трудах У. Вайнрайха билингвизм получил свое классическое определение — «практика попеременного пользования двумя языками» [1], — точка зрения на него претерпела значительные изменения. За 35 лет усилиями исследователей в области лингвистики, психологии, педагогики и др. это понятие значительно расширило свои границы и, как следствие, круг проблемных вопросов. И хотя во взглядах на сущность билингвизма до сих пор разграничиваются узкое и широкое его понимание, все большее распространение получает вторая точка зрения.

Напомним, узкий подход к пониманию билингвизма, или двуязычия, подразумевает равную степень владения двумя языками (естественный билингвизм). Широкий же подход не так однозначен и признает существование искусственного билингвизма¹. Внутри него одни исследователи наделяют статусом билингв-

¹ «Искусственный билингвизм представляет собой владение двумя лингвокультурными кодами, один из которых усвоен в условиях специального обучения, и характеризуется следующими признаками: 1) асимметричная коммуникативная компетенция в отношении двух языковых кодов; 2) управляемый характер становления искусственного билингвизма; 3) специфическая коммуникативная траектория становления искусственного билингва» [5. С. 4].

ва людей, чей уровень знания языка достаточен для выполнения необходимых «речевых действий, в процессе которых реализуются те или иные функции второго языка» [2. С. 139], другие считают двуязычием «владение двумя языками вне зависимости от уровня знания второго языка» [3. С. 173]. «Таким образом, — отмечает Э.А. Салихова, — понимание двуязычия колеблется от одинаково свободного владения двумя языками через континуум языковых навыков до владения минимальными знаниями по одному из четырех аспектов второго языка» [4. С. 20].

Среди сторонников широкого понимания билингвизма спорным остается вопрос и о самой возможности равнозначного владения двумя языками. Те, кто ее отрицает, говорят о принципиальной асимметричности билингвизма как явления: в процессе коммуникации один из языков будет всегда доминировать и проявлять себя в речи на втором языке в виде интерференции — фонетической, лексической или грамматической. Исследователи, которые такую возможность признают, выделяют соответственно координативный (равная степень владения языками) и субординативный (один язык доминирует над другим) билингвизм, причем превалирует точка зрения, что первый тип свойствен естественным билингвам, а второй — искусственным. Например, у Е.К. Черничкиной находим: «Коммуникативная компетенция искусственного билингва, в отличие от естественного билингва, в отношении иноязычного кода никогда не может быть эквивалентна его компетенции в отношении родного кода» [5. С. 12].

Неоднозначность в понимании билингвизма как явления (в частности, искусственного билингвизма), его границ и признаков заставляет обратиться к созданию динамической модели становления билингвального сознания с выделением в этом процессе нескольких этапов [5], на каждом из которых может преобладать тот или иной тип «соотношения означаемых/означающих двух языков» [4. С. 21]. А.А. Залевская же считает, что «следует говорить о преобладании той или иной модели соотношения языков у индивида» [6. С. 162].

Сколько ассоциативных систем и языковых личностей может существовать в сознании билингва? Представители психологического подхода (Л.В. Щерба, Е.М. Верещагин) считают, что языки в сознании билингва могут вступать в два типа взаимодействий: 1) ассоциативные системы языков независимы и не вступают во взаимодействие; 2) в сознании индивида существует одна ассоциативная система, которая проявляет себя в разных языках в виде эквивалентов.

Ряд исследователей признает существование в сознании индивида лишь одной системы: «Освоение нового языкового кода... означает, по нашему предположению, дальнейшее развитие единой, целостной языковой личности, при котором она получает основные ориентиры отражения действительности средствами другого языка» [5. С. 13]. Согласно этой точке зрения, познания о другом языке не формируют новую понятийную систему со своими коннотациями и иными возможностями сочетаемости, но расширяют горизонты первой (и единственной), снабжая билингва новым инструментарием (лексическим, фразеологическим, грамматическим) для выражения мысли и делая более гибким весь процесс мышления.

Другие исследователи (Г.И. Богин, Н.Д. Гальскова, Ю.Н. Караулов, И.И. Халева) считают, что изучение иностранного языка потенциально способно при-

вести к формированию вторичной языковой личности. Действительно, если признать, что системы могут быть независимы, можно говорить и о сосуществовании в сознании индивида двух (и более) языковых личностей, каждая из которых, используя ту или иную единицу одного из языков, наделяет ее уникальным ассоциативным значением, которое может не совпадать с эквивалентным значением этой единицы в другом языке.

Используя динамическую модель определения билингвизма, можно предположить, что создание вторичной языковой личности, соответствующей ей вторичной ассоциативной системы, а также становление этой системы в качестве независимого образования в сознании билингва тоже проходит несколько этапов: от полной эквивалентности языковых единиц разных языков до формирования для каждого из них отдельного ассоциативного поля.

Чтобы показать это, обратимся к анализу результатов проведенного нами ассоциативного эксперимента.

2. ОБСУЖДЕНИЕ

Как известно, за объективным значением слова, общим для всех носителей данного языка, лежит субъективное значение, уникальное для каждого индивида. Благодаря такому разделению значения возможно существование идиолекта — индивидуального диалекта каждой личности. Соотношение объективного и субъективного в слове варьируется: в конкретной, предметной лексике преобладает объективное значение, и наоборот, чем более абстрактно, относительно значение, тем больше в нем субъективного компонента.

Для эксперимента мы отобрали ряд эквивалентных в русском и корейском языках понятий со значением времени: давно/오래전에, недавно/얼마전에, в последнее время/요즘, скоро/곧, позже/나중에/이따가¹. Их объем человек формирует, основываясь в большей степени на своих собственных ощущениях.

Респондентов — субординативных билингвов с разными уровнями владения иностранным языком — попросили ответить на ряд однотипных вопросов: «Давно, недавно, скоро и т.д. — это когда»? Вопросы задавались соответственно на русском и корейском языках, причем сначала, чтобы свести к минимуму влияние родного языка на формулирование представления об эквивалентном понятии во втором, респондентам предлагалось ответить на вопросы на иностранном языке, а затем — на те же вопросы, но на родном.

Как показали результаты эксперимента-опроса, ни в русской, ни в корейской культурах у носителей языка действительно нет более или менее конкретного представления об этих промежутках времени. Временные границы каждого очень размыты и в большей степени зависят от личного опыта и собственного способа восприятия времени отдельного человека.

При планировании эксперимента мы исходили из того, что если в языке отсутствует четкое представление о каком-либо понятии², которое можно было бы

¹ Все слова входят в списки лексики уровня А1, т.е. даются на начальном этапе изучения языка.

² В данной статье мы используем слова «слово» и «понятие» как синонимы.

перенять при изучении этого языка как иностранного, включив его в формирующуюся в сознании новую систему отношений и концептов, то человек будет вынужден перенести свое уже сложившееся в родном языке представление о понятии и весь его объем на почву изучаемого языка.

Результаты эксперимента (табл. 1–5) полностью опровергли этот тезис. Как показал опрос, начиная с уровня В2 и выше для каждого обозначения времени в иностранном языке (при условии активного использования языка в коммуникации) в сознании субординативного билингва начинает формироваться отличное от родного эквивалента значение слова. Иногда они совпадают, но, чем больше срок пользования вторым языком, тем более независимыми друг от друга становятся слова-эквиваленты.

Таблица 1

Родной язык	Уровень владения языком/ продолжительность изучения языка	Давно	오래전에
К	В1	Больше чем один год	1 년이상 (больше одного года)
Р	В2 или выше	Более нескольких месяцев назад	몇년전에 (несколько лет назад)
К	Больше 5 лет	Не менее полувека назад	최소 10 년전 (минимум 10 лет назад)

Таблица 2

Родной язык	Уровень владения языком/ продолжительность изучения языка	Недавно	얼마전에
К	В1	Меньше чем один год	1 년이하 (меньше одного года)
К	Больше 30 лет	Менее одного года	한달전 (месяц назад)
Р	С1 или выше	Несколько дней назад	10–20 분전에 (10–20 минут назад)

Таблица 3

Родной язык	Уровень владения языком/ продолжительность изучения языка	В последнее время	요즘
К	В1	Меньше чем один месяц	1 주일이하 (меньше недели)
Р	С1 или выше	Пара недель	몇주전부터 (в течение последних нескольких недель)
К	10 лет	Неделю назад	근 3 일간 (в период трех последних дней)

Таблица 4

Родной язык	Уровень владения языком/ продолжительность изучения языка	Скоро	곧
Р	В2 или выше	Через несколько дней/неделю	몇시간 후에/몇일후에 (через несколько часов/дней)
Р	С1 или выше	В течение недели	며칠뒤 (через несколько дней)
К	10 лет	Через минут пять	내일모레또는일주일후 (завтра, послезавтра, а также через неделю)
К	Около 25 лет	Вот-вот, завтра	바로 내일쯤 (вот-вот, примерно завтра)

Таблица 5

Родной язык	Уровень владения языком/продолжительность изучения языка	Позже	나중에	이따가*
К	B1	Больше 30 минут	30 분 이상 (больше 30 минут)	1 시간 이상 (больше часа)
Р	B2 или выше	Сегодня	미래에언젠가에 (когда-нибудь в будущем)	몇분후에/몇시간후에 (через несколько минут или часов)
Р	C1 или выше	В течение дня	내 일 이 나 며 칠 후 (завтра или через несколько дней)	하루내에 (в течение дня)
К	10 лет	Через два-три дня	2-3 일 후 (через два-три дня)	2-3 시간 후 (через два-три часа)
К	Больше 30 лет	Это зависит от ситуации, а мне слово «позже» это без срока	5—10 분 후 (через пять—десять минут)	몇시간 후 또는 상황을 회피하기 위한 형식적인 말 (через несколько часов; кроме того, это формальное слово, которое используют, чтобы уклониться от прямого ответа)

* В корейском языке есть два слова с разным значением, которые на русский язык переводятся одним словом «позже». Согласно словарю, 나중에 означает будущее, начинающееся после момента настоящего и растягивающееся на неопределенный срок; 이따가 — будущее в пределах текущего дня. Как видим, даже значение достаточно конкретного 이따가 зависит от личного восприятия говорящего.

На наш взгляд, это можно рассматривать как свидетельство того, что при субординативном билингвизме уровня B2 и выше, когда вся грамматическая система уже усвоена и акцент в изучении языка смещается на накопление лексики и усвоение культурного фона¹, в сознании индивида происходит отделение вторичной ассоциативной системы от ассоциативной системы родного языка и, следовательно, начинается более интенсивное формирование вторичной языковой личности.

3. ВЫВОДЫ

Проблема билингвизма представляет собой сложный комплекс вопросов, затрагивающих различные области науки и сферы человеческой деятельности, точек зрения на них и подходов к их решению. На один из таких вопросов — возможное количество ассоциативных систем, которыми способен оперировать билингв, — мы попытались ответить с помощью данных ассоциативного эксперимента-опроса, проведенного нами среди корейско-русских и русско-корейских субординативных билингвов с уровнем владения языком от B1 и выше. Результаты эксперимента позволяют предположить, что в сознании субординативного билингва уровня B2 и выше начинается интенсивный процесс формирования вторичной ассоциативной системы и вторичной языковой личности. Этот вывод не окончателен, а сам вопрос требует дальнейшего изучения, однако бесспорным является факт, что ассоциативный эксперимент представляет собой удобный и эффективный способ более глубокого его понимания и решения.

© Мамонтов А.С., Столярова А.Г., 2017

¹ Еще раз подчеркнем, что речь идет о билингвах, активно использующих язык в практике общения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вайнрайх У.* Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. Вып. 6. Языковые контакты. М., 1972. С. 25–60.
2. *Лунина Т.П.* Билингвизм: определения и типологии // Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной памяти доктора филологических наук, профессора Василия Васильевича Щеулина. Липецк, 2016. Ч. 2. С. 138–141.
3. *Литвинова О.А.* Билингвизм как комплексное явление // Известия ВГПУ. Волгоград, 2016. Вып. № 1(270). С. 173–176.
4. *Салихова Э.А.* Моделирование процессов овладения и пользования психологической структурой значения слова при билингвизме: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2007.
5. *Черничкина Е.К.* Искусственный билингвизм: лингвистический статус и характеристики: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2007.
6. *Залевская А.А.* Вопросы теории овладения вторым языком в психолингвистическом аспекте. Тверь: ТГУ, 1996.

История статьи:

Поступила в редакцию: 26.10.2017

Принята к публикации: 27.12.2017

Модератор: О.А. Валикова

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Мамонтов А.С., Столярова А.Г. Специфика формирования вторичной языковой личности при субординативном билингвизме (на примере русско-корейских сопоставлений) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2018. Т. 15. № 1. С. 52–58. DOI 10.22363/2312-8011-2018-15-1-52-58

Сведения об авторах:

Мамонтов Александр Степанович — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина. E-mail: as-mamontov2@yandex.ru

Столярова Александра Георгиевна — магистрант 2 курса магистратуры Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина. E-mail: aleks-stolyarova@yandex.ru

SPECIFICS OF FORMATION OF SECONDARY LANGUAGE PERSONALITY IN THE CASE OF SUBORDINATIVE BILINGUALISM (ON THE EXAMPLE OF THE RUSSIAN-KOREAN COMPARISONS)

A.S. Mamontov, A.G. Stolyarova

Pushkin State Russian Language Institute
6, Akademika Volgina str., Moscow, 117485, Russian Federation

The main points of view on the problem of bilingualism are considered in the article. The theoretical part of the work contains the most significant research positions in relation to this phenomenon. The practical part presents the results of an associative survey to identify the process of formation of a

secondary linguistic personality among Korean-Russian and Russian-Korean subordinate bilinguals. Associative stimulus was the words of the thematic group “Time” (“long ago”, “recently”, “soon”, etc.). Respondents were subordinate bilinguals (B2 and higher). The results of the experiment suggest that in the consciousness of subordinate bilinguals (level B2 and higher), an intensive process of formation of a secondary associative system and a secondary linguistic personality begins.

Key words: bilingualism, bilingualism, coordinative and subordinate bilingualism, natural and artificial bilingualism, (secondary) linguistic personality, associative language system, associative experiment, native language, second (foreign) language

REFERENCES

1. Weinreich, U. 1972. “Odnoyazychiye i mnogoyazychie” [Monolingualism and Multilingualism]. *Novoye v lingvistike* 6: 25—60. Print. (in Russ.)
2. Lunina, T.P. 2016. “Bilingvizm: opredeleniya i tipologii” [Bilingualism: Definition and Typology] in *Materialy Vserossiyskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem, posvyaschonnoy pamyati doktora filologicheskikh nauk, professor Vasiliya Vasiljevicha Scheulina*. Lipetsk, 2: 138—141.
3. Litvinova, O.A. 2016. “Bilinguizm kak kompleksnoye yavleniye” [Bilingualism as a Complex Phenomenon]. *Izvestiya VGPU* 1(270): 173—176. Print. (in Russ.)
4. Salihova, E.A. 2007. *Modelirovaniye protsessov ovladeniya i pol'zovaniya psihologicheskoi strukturoi znacheniya slova pri bilingvizme* [Modeling of a Process of Word Meaning Psychological Structure Acquisition and Using in a Situation of Bilingualism]. Dr. Diss. Ufa. Print. (in Russ.)
5. Chernichkina, E.K. 2007. *Iskustvennyy bilingvizm: lingvisticheskiy status i harakteristiki* [Artificial Bilingualism: Linguistic Status and Characteristics]: Dr. Diss. Volgograd. Print. (in Russ.)
6. Zalevskaya, A.A. 1996. *Voprosy teorii ovladeniya vtorym yazykom v psiholingvisticheskom aspekte* [Questions of the Second-language Acquisition in Psycholinguistic Aspect]. Tver': TGU. Print. (in Russ.)

Article history:

Received: 26.10.2017

Accepted: 27.12.2017

Moderator: O.A. Valikova

Conflict of interests: none

For citation:

Mamontov, A.S., and A.G. Stolyarova. 2018. “Specifics of Formation of Secondary Language Personality in the Case of Subordinative Bilingualism (on the Example of the Russian-Korean Comparisons)”. *RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices*, 15 (1), 52—58. DOI 10.22363/2312-8011-2018-15-1-52-58

Bio Note:

Mamontov Alexander Stepanovich is a Doctor in Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Philology and Intercultural Communication of the Faculty of Philology, Pushkin State Russian Language Institute. E-mail: as-mamontov2@yandex.ru

Stolyarova Alexandra Georgievna is a Graduate Student, Pushkin State Russian Language Institute. E-mail: Aleks-stolyarova@yandex.ru

DOI 10.22363/2312-8011-2018-15-1-59-66

УДК 81

УСТОЙЧИВОСТЬ И ВАРИАТИВНОСТЬ СОДЕРЖАНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ (НА МАТЕРИАЛЕ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА «КИТАЙЦЫ ГЛАЗАМИ РУССКИХ»)

Ж. Чжан

Институт языкознания РАН

Российская Федерация, 125009, Москва, Большой Кисловский пер., 1, стр. 1

Данная статья посвящена исследованию устойчивости и вариативности этнокультурных стереотипов о китайцах в обыденном русском сознании, которое проводилось в течение десяти лет. Выводы сделаны на материале экспериментальных исследований, проведенных в 2017 г. с носителями русского языка по методике О.А. Леонтович. Полученные данные сравнивались с данными опроса, проведенного ФОМ в 2007 г. («Китай и Россия»). Сравнение результатов, полученных в 2007 г. и 2017 гг., показало, что этнокультурные стереотипы включают положительную и отрицательную оценку китайцев русскими; стереотипы устойчивы во времени, хотя они постепенно обогащаются новым содержанием; между стереотипами имеются причинность и противоречие. Таким образом, для того чтобы способствовать оптимизации межкультурного общения, необходимо проникнуть в изучение проблематики стереотипов.

Ключевые слова: устойчивость, вариативность, этнокультурные стереотипы, обыденное сознание русских, эксперимент, межкультурная коммуникация

1. ВВЕДЕНИЕ

Этнокультурный стереотип представляет собой «обобщенное представление о типичных чертах, характеризующих какой-либо народ» [1. С. 18]. По мнению этнопсихологов, этнокультурные стереотипы образуются из-за несовпадений в системах двух культур, которые становятся явными в процессе межкультурных контактов и «затем сами становятся особой, автономной величиной в сознании людей, начиная воздействовать на процесс межкультурного общения» [2. С. 3].

Стереотип апеллирует и к культуре, и к языку, иными словами, он является культурно-языковым явлением и фрагментом национально-культурной картины мира. Для исследования и описания различных языковых явлений в лингвистике применяется полевой подход, задачей которого является описание ядра и периферии обозначений исследуемого объекта. Мы предпринимаем выявление ядра и периферии этнокультурных стереотипов по принципу полевого подхода.

Поскольку «этнокультурные стереотипы имеют безусловную связь с традициями, ритуальной символикой, мифами, укорененными в общественном сознании обычаями и нравами того или иного народа» [3. С. 80], среди членов определен-

ной группы людей имеется высокая степень единства этнокультурных стереотипных представлений. Однако, как замечает Т.Г. Стефаненко, «стереотип... не означает их полного тождества у отдельных индивидов или осознания всеми представителями группы в одинаковой степени» [4. С. 242].

Что касается динамики изменения этнокультурных стереотипов, то она в основном определяется двумя факторами. Во-первых, тем, что скорость обновления информации становится более быстрой, чем раньше, особенно в высокотехнологическом веке: каждый день человек получает поток информации посредством интернета, книг, журналов и рекламы и т.д. Во-вторых, на отношение между странами влияет политика: так, восприятие украинцами русских сильно изменилось под воздействием политических процессов.

Необходимо особо упомянуть об устойчивости содержания стереотипа по отношению к новой информации. Исследователи утверждают, что стереотипы могут оставаться неизменными в течение долгого времени, они выступают как «устойчивые объяснения определенных фактов и критические интерпретации вещей» [5].

Мы полагаем, что признаваемая устойчивость содержания стереотипа является относительной. Например, когда отношения между двумя народами развиваются стабильно в течение долгого времени, существенного изменения содержания стереотипов не будет. В данной статье мы изложим результаты анализа устойчивости содержания этнокультурных стереотипов о китайцах в течение десяти лет, используя экспериментальный и сравнительный методы.

2. ОБСУЖДЕНИЕ

Методы исследования. В книге О.А. Леонтович [6] представлены результаты психолингвистического эксперимента, проведенного с целью выявления содержания этнокультурных стереотипов о русских и американцах. Мы использовали методику О.А. Леонтович в нашем исследовании для формирования опросника в форме открытых вопросов.

Цель и задачи исследования. Целью является определение устойчивости стереотипов носителей русского языка о китайцах в течение десятилетнего периода развития русско-китайских отношений.

Задачи исследования:

- 1) выявление содержания этнокультурных стереотипов носителей русского языка о китайцах в 2017 г.;
- 2) сравнение содержания стереотипов носителей русского языка о китайцах в 2007 и 2017 г.;
- 3) описание языковой репрезентации содержания стереотипов о китайцах, имеющих у носителей русского языка.

Выборка. В опросе приняли участие граждане России (Москва), в основном студенты и аспиранты, в возрасте от 17 до 40 лет. Было получено 50 анкет. Отметим, что полученные результаты дают представление о содержании современных этнокультурных стереотипов только русских данного возраста и не могут быть распространены на этнокультурные стереотипы всех русских.

Процедура исследования. Анкета предъявлялась на родном языке испытуемых. Паспорт анкет включал данные о возрасте, поле, родном языке, пребывании в других странах. Основной опросник представлял собой совокупность открытых и косвенных вопросов. Первый вопрос был ориентирован на получение общих характеристик (атрибуций) представителей китайской культуры. Остальные вопросы имели вид незаконченных предложений (стимулов), где предполагалось указание испытуемыми типичных действий китайцев или действий и объектов действий, которые выражаются определенными средствами языка.

1. Какими вам кажутся китайцы? Какими вам показались китайцы? Опишите свое впечатление от китайцев.
2. Китайцы любят: <что?> <делать что?> <когда...(происходит) что?>
3. Китайцы не любят: <что?> <делать что?> <когда...(происходит) что?>
4. Китайцы всегда: <делают что?> <какие?>
5. Китайцы иногда: <делают что?> <какие?>
6. Китайцы никогда не: <делают что?> <какие?>

Таким образом, в вопросах 2–6 испытуемым предлагалось дописать недостающую часть предложения. В небольшой части ответов, однако, прослеживалось нарушение грамматических связей с первой частью предложения, т.е. испытуемые строили свою отдельную предикацию. При обработке таких ответов устанавливались смысловое соотношение со стимулом.

Обсуждение результатов. Данные обрабатывались с помощью компьютерной программы Excel. Все ответы были проанализированы, аналогичные варианты были распределены по категориям и подсчитаны.

Ответы приводятся в порядке убывания частотности:

Китайцы такие: трудолюбивые (50%); добрые (28%); дисциплинированные (20%); дружелюбные (18%); общительные (18%); шумные (18%); целеустремленные (16%); маленькие (16%); вежливые (16%); непредсказуемые (16%); скромные (14%); позитивные (10%); мудрые (10%); любознательные (10%); веселые (8%); отзывчивые (8%); тихие (8%); улыбчивые (6%); смешные (6%); стеснительные (6%); хитрые (6%); ответственные (6%); многочисленные (6%); спортивные (4%); финансисты (4%); принимающие (4%); разные (4%); толкаются и лезут везде (4%); быстрые (4%); изобретательные (4%); расчетливые (4%); терпеливые (4%); открытые (4%); нечистоплотные (4%).

Китайцы любят: кушать (56%); путешествовать (42%); рис (22%); семью (22%); работать (20%); фотографировать (16%); традицию (14%); чай (12%); громко разговаривать (10%); игры (8%); общаться (8%); подарки (8%); праздники (8%); спорт (8%); иностранцев (8%); бренды (6%); улыбаться (6%); суши (6%); Россию (6%); боевые искусства (6%); экономить (4%); четкость (4%); порядок (4%); поэзию (4%); природу (4%); гулять (4%); Китай (4%); здоровый образ жизни (4%); рожать детей (4%); учиться (4%); пользоваться мобильными устройствами (4%); европейскую внешность (4%); панд (4%).

Китайцы не любят: европейскую и русскую еду (16%); загорать (8%); спорить (8%); алкоголь (8%); оплошность (6%); каждый человек индивидуальный (6%); неуважение (6%); Америку (6%); мясо (6%); японцев (6%); ложь/обман (6%); непорядок (4%); шум (4%); несправедливость (4%); опаздывать (4%); безделье (4%); сладкое (4%); молчать (4%); безответственность (4%); очереди (4%).

Китайцы всегда: едят палочками (20%); улыбаются (20%); работают (16%); учатся (12%); дружелюбные (8%); пьют (8%); готовы помочь (8%); вежливые (8%); долго живут (8%); шумят (8%); стремятся к успеху (6%); молчат (6%); сидят в гаджетах (6%); общаться (6%); непонятно разговаривают (6%); путешествуют (6%); фотографируют (6%); изучают иностранные языки (6%); отмечают праздники (4%); собраны (4%); сохраняют лицо (4%); чтут традиции (4%); уважают взрослое поколение (4%); здороваются (4%); любопытные (4%); хитрят (4%).

Китайцы иногда: путешествуют (10%); ссорятся (10%); едят европейскую кухню (8%); смешно шумят (8%); опаздывают (6%); курят (6%); молчаливы (4%); плюются на улице (4%); отдыхают (4%); грубят (4%); пьют алкоголь (4%).

Китайцы никогда не: грубят (8%); курят (6%); наводят порядок (4%); спешат (4%); бросят свою родину (4%); примут православие (4%); пропустят обед (4%); ругаются (4%).

Полученные нами данные показывают, что китайцы наделяются качествами, связанными с работой, учебой, трудолюбием, и в этом представляются целеустремленными, дисциплинированными, любознательными, позитивными и ответственными. Китайцы трудолюбивы, поэтому они любят работать и всегда работают. Китайцы любят учиться и всегда учатся и стремятся к успеху, потому что они целеустремленные. Так как китайцы любят порядок и не любят беспорядок, они дисциплинированы.

Китайцы относятся к человеку по-доброму, дружелюбно и вежливо, потому что они всегда готовы помочь, любят иностранцев, уважают взрослое поколение и вообще не любят неуважение. Однако китайцы могут обманывать иностранцев, поэтому у русских сформировался образ «хитрых» китайцев.

Во внешности китайцев отмечается прежде всего маленький рост, а в поведении — привычка улыбаться. Характер китайцев описывается противоречиво: они общительные, скромные, непредсказуемые, замкнутые, тихие, веселые. Очевидно, что эти характеристики китайцев соотносятся с их поведением и привычками в обычной жизни. Например, китайцы всегда общаются и непонятно разговаривают, не любят молчать, любят общаться, поэтому у русских создается впечатление о том, что китайцы общительны.

Сравнение содержания этнокультурных стереотипов 2007 г. и 2017 г.

В феврале 2007 г. в 100 населенных пунктах 44 областей, краев и республик России был проведен опрос, в котором приняли участие 1500 респондентов [7]. Испытуемые отвечали на вопрос: «По вашему мнению, чем, кроме внешности, китайцы отличаются от россиян, жителей России?»

В результате опроса русские отметили:

Положительные качества китайцев: трудолюбивые, работающие (26%), умные, мудрые (5%), энергичные, упорные, целеустремленные (4%), практичные, предприимчивые, хозяйственные (3%), неприхотливые, выносливые, терпеливые, сдержанные (3%), дисциплинированные, ответственные (2%), доброжелательные, общительные (1%).

Отрицательные качества: хитрые, изворотливые (4%), наглые, назойливые, самоуверенные (2%), грязные, нечистоплотные (1%), злые, жестокие, агрессивные (1%).

Другие характеристики: культура, традиция, уклад, менталитет, национальный характер (11%); многочисленность, высокая рождаемость (5%); сплоченность, патриотизм (2%); разный уровень жизни у нас и у них (2%); повсеместная экспансия китайских товаров, в том числе некачественных, стремление проникнуть в Россию (2%); долгожители, ведут здоровый образ жизни (1%); рост, внешность (1%); разные языки (1%); политический строй, коммунизм (1%); стремление жить лучше, быстрое развитие страны (1%); нет различий (4%); нет ответа (31%)

Сравнивая результаты исследований, проведенных ФОМ в 2007 г., и наши данные 2017 г., можно сделать следующие выводы.

Этнокультурные стереотипы включают положительную и отрицательную оценку китайского народа, однако положительные качества упоминаются примерно в 80% случаев (%): *трудолюбивые* (26/50)¹, *мудрые* (5/10), *целеустремленные* (4/16), *сдержанные* (3/16), *дисциплинированные* (2/20), *ответственные* (2/6). В числе отрицательных качеств: *хитрые* (4/6), *нечистоплотные* (1/4). Данная группа составляет ядро содержания стереотипа о китайцах.

В связи с тем, что в 2007 г. в ходе исследования устанавливалось в основном отличие китайского народа от русского, не были получены такие характеристики китайцев, как «добрые» и «вежливые». По результатам 2017 г. качества *добрые* (20%) и *вежливые* (16%) приписываются не только китайцам, но и русским. Соответственно, эти два качества могут быть включены в число основных характеристик китайского народа.

Многочисленность (%) (5/6) представляет собой постоянный признак, входящий в содержание стереотипа о китайцах. Таким же постоянным признаком является и *маленький рост*.

Периферия содержания стереотипа представлена характеристиками *китайцы любят здоровый образ жизни*, *китайцы не бросают родину*, *китайцы чтут традиции* и т.д.

Интересным моментом является то, что в 2017 г. испытуемые упомянули такое качество китайцев, как *шумные* (18%). Безусловно, это связано с тем, что межкультурная коммуникация становится более интенсивной и русские все ближе знакомятся с особенностями обыденного поведения китайского народа.

Языковая репрезентация нового образа китайцев (*шумные*)

Причины устойчивости этнокультурных стереотипов неразрывно связаны с механизмом социального восприятия. Механизмом социального восприятия, особенно межгруппового, служит стереотипизация, которая выполняет следующие функции: 1) классификация форм поведения аутгруппы и выявление его причин; 2) объяснение этих причин с помощью уже известных или кажущихся известными категорий; 3) формирование совокупности признаков-характеристик аутгруппы. Показано, что каждый признак, характеризующий членов группы, коррелирует с их действиями и обусловлен процессом приписывания явлениям или объектам причин, по которым совершаются эти действия. Чтобы изменить содержание стереотипов, люди должны изменить свое поведение и образ жизни.

¹ Первая цифра означает процент всех ответов 2007 г., вторая – процент ответов 2017 г.

Поскольку социально одобренное поведение и образ жизни в каждой культуре связаны со стандартными способами совершения действия, изменение поведения и образа жизни является чрезвычайно трудным. Этим и объясняется устойчивый характер стереотипа. Еще одной причиной того, что стереотип очень трудно преодолевать, является тот факт, что большинство людей не старается прилагать усилия в оценке каждого явления (и человека) в каждой конкретной ситуации. Это может произойти только при наличии определенной мотивации [8. РР. 16—20].

Однако содержание стереотипа со временем может дополняться. Так, в 2017 г. русские респонденты указывали, что китайцы *любят громко разговаривать, не любят молчать, всегда шумят, китайцы иногда смешно шумят*. Можно объяснить это явление следующим образом. Во-первых, в русской культуре существует ценность «личного пространства», определяющая этику поведения человека: надо вести себя так, чтобы не мешать окружающим. В китайской культуре нет понятия личного пространства применительно к общественным местам, поэтому китайцы просто не замечают, что своим поведением мешают другим.

Во-вторых, китайский язык имеет специфическую интонацию, которая русскими воспринимается как агрессивная.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В целом содержание этнокультурных стереотипов является устойчивым во времени, хотя оно может дополняться и изменяться. Рассматривая содержание стереотипов как систему, мы замечаем, что между признаками существует не только причинность, но и противоречие: *китайцы шумные, потому что они громко разговаривают и любят шуметь; китайцы тихие — китайцы шумные*. В содержании стереотипов на основе количественного и качественного анализа может быть выявлено ядро (устойчивые характеристики) и периферия (вариативные характеристики) по принципу лингвистического полевого подхода.

Этнокультурные стереотипы — это фрагмент национально-культурной картины мира. Их роль неоднозначна. С одной стороны, они помогают человеку упрощать процесс познания окружающего мира и быстро адаптировать новый объект или явление к той картине, которая имеется у него в сознании; с другой стороны, стереотипы содержат слишком обобщенные характеристики, что лишает нас возможности познания реальных свойств индивидуального объекта и может стать барьером в межкультурном общении.

Таким образом, этнокультурные стереотипы в межкультурной коммуникации играют важную роль. Безусловно, отрицательные представления о том или ином народе мешают конструктивному межкультурному диалогу. И первым шагом для изменения таких представлений может стать более глубокое изучение содержания и функционирования современных этнокультурных стереотипов.

© Чжан Ж., 2017

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2001.
2. Славяне и их соседи. Этнопсихологический стереотип в средние века: сборник тезисов. М.: Институт славяноведения и балканистики, 1990.

3. Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М.: КомКнига, 2006.
4. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М.: Прогресс, 1999.
5. Психологические механизмы формирования социальных стереотипов. URL: <http://finddiplom.ru/Psikhologicheskie-mekhanizmih-formirovaniya-socialjnihkh-stereotipov.html> (дата обращения 11.06.2017).
6. Леонтович О.А. Россия и США: Введение в межкультурную коммуникацию. Волгоград: Перемена, 2003.
7. Отчет опроса «Китай и Россия». URL: <http://bd/fom/ru/report/map/d070624> (дата обращения 11.06.2017).
8. Affect, Cognition, and Stereotyping Interactive Processes in Group Perception. Edited by David L. Hamilton, Diane M. Mackie, Academic Press, Inc., Harcourt Brace Jovanovich Publishers. 1993. Print.

История статьи:

Поступила в редакцию: 24.08.2017

Принята к публикации: 25.11.2017

Модератор: В.П. Синячкин

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Чжан Ж. Устойчивость и вариативность содержания этнокультурных стереотипов (на материале ассоциативного эксперимента «Китайцы глазами русских») // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2018. Т. 15. № 1. С. 59–66. DOI 10.22363/2312-8011-2018-15-1-59-66

Сведения об авторе:

Чжан Жуньмэй — аспирант отдела психолингвистики Института языкознания РАН.
E-mail: runmei.zhang@yandex.com

**STABILITY AND VARIABILITY OF ETHNO-CULTURAL
STEREOTYPES' TRANSFORMATIONS
(ON THE MATERIAL OF ASSOCIATIVE EXPERIMENT
"THE CHINESE IN RUSSIAN IMAGINARY")**

Zhang Runmei

The Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences
1/1, Bolshoi Kislovsky lane, Moscow, 125009, Russian Federation

The article investigates the stable and variable character of ethno-cultural stereotypes about the Chinese in Russian popular consciousness during ten years. The research material was obtained from two ways. First, relying on the method of O.A. Leontovch the first material was obtained in the experiment from Russian speakers. In 2007 the Government of Russia had taken a questionnaire named as "The China and Russia" and gotten much information; the results are included in this paper. We've chosen

the one question answer to be second section of our research. By comparing materials of 2007 and 2017, we can make the conclusions: 1) ethno-cultural stereotypes involve good and bad judgment about Chinese people; 2) they are stable; 3) as time goes by new stereotypes come up; 4) between stereotypes there are causal relationship and contradiction. So, for promoting intercultural communication, we should deeper investigate the problem of stereotype.

Key words: stability, variability, ethno-cultural stereotypes, Russian popular consciousness, experiment, intercultural communication

REFERENCES

1. Maslova, V.A. 2001. Lingvokul'turologija [Cultural Studies in Language]. Moscow: Akademija. Print. (in Russ.)
2. Slavjane i ih sosedi. Etnos-psihologicheskij stereotip v srednie veka: sbornik tezisov [The Slavs and Their Neighbors. Ethnopsychological Stereotype in the Middle Ages: collection of abstracts]. Moscow: Institute of Slavic Studies and Balkan Studies, 1990. Print. (in Russ.)
3. Prohorov, Ju.E. 2006. Nacional'nye sociokul'turnye stereotipy rechevogo obshhenija i ih rol' v obuchenii russkomu jazyku inostrancev [National Socio-Cultural Stereotypes of Verbal Communication and Their Role in Teaching Foreigners Russian Language]. Moscow: KomKniga. Print. (in Russ.)
4. Stefanenko, T.G. 1999. Jetnopsihologija [Ethnopsychology]. Moscow: Progress, 1999. Print. (in Russ.)
5. Psihologicheskie mehanizmy formirovaniya social'nyh stereotipov [Psychological Mechanisms of the Formation of Social Stereotypes]. URL: <http://finddiplom.ru/Psihologicheskie-mekhanizmi-formirovaniya-socialjnihkh-stereotipov.html> Web.
6. Leontovich, O.A. Rossiya i SShA: Vvedenie v mezhkul'turnuju kommunikaciju [Russia and the USA: Introduction to Intercultural Communication]. Volgograd: Peremena, 2003. Print. (in Russ.)
7. Otchet oprosa "Kitai i Rossiya" ["China and Russia" Report]. URL: <http://bd/fom/ru/report/map/d070624> Web.
8. Affect, Cognition, and Stereotyping Interactive Processes in Group Perception. Edited by David L. Hamilton, Diane M. Mackie, Academic Press, Inc., Harcourt Brace Jovanovich Publishers. 1993. 389 p. Print.

Article history:

Received: 24.08.2017

Accepted: 25.11.2017

Moderator: V.P. Sinyachkin

Conflict of interests: none

For citation:

Zhang, R. 2018. "Stability and Variability of Ethno-Cultural Stereotypes Transformations (On the Material of Associative Experiment "The Chinese in Russian Imaginary")". *RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices*, 15 (1), 59–66. DOI 10.22363/2312-8011-2018-15-1-59-66

Bio Note:

Zhang Runmei is a Graduate Student of Department of Psycholinguistics of Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences. E-mail: runmei.zhang@yandex.com

DOI 10.22363/2312-8011-2018-15-1-67-75

УДК 81

ИНТЕРЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД С ПОЗИЦИИ КОНТАКТНОЙ ВАРИАНТОЛОГИИ

А.В. Семенова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1

В настоящее время многие исследователи признают, что английский язык сильно диверсифицирован из-за глобализации и представлен большим количеством вариантов. Вследствие этого проблема взаимодействия языков и культур является актуальной, что отражается в появлении таких новых подходов в лингвистике, как интерлингвокультурология и вариантология. С целью сопоставить эти несколько различающиеся подходы автором статьи предпринята попытка рассмотреть процессы, происходящие при первом и втором подходах, и дать их объяснение. Материал для исследования взят из англоязычного текста «Войны и мира» Л.Н. Толстого. По результатам рассмотрения выявлено основное противоречие между подходами. Также автором предложена сравнительная модель коммуникационного взаимодействия, позволяющая наглядно увидеть суть расхождения между интерлингвокультурологическим и вариантологическим подходами. В статье предложено авторское понимание того, что такое вариант языка, а также новый подход к вариантологии как синергетическому процессу.

Ключевые слова: мировые варианты английского языка, контактная вариантология, интерлингвокультурология, ксеноним, идионим, синергоним

1. ВВЕДЕНИЕ

Плюрицентричность английского языка

Усиление роли английского как международного языка в процессе глобализации или «глобанглизации» [1] приводит к тому, что для успешной коммуникации сегодня необходимо соизучение взаимодействия языков и культур [2]. Английский язык уже не является бицентричным, а перешел в категорию плюрицентричности [3]. «Результатом такого распространения (английского в мире — *Авт.*) стало то, что, формально и функционально, английский язык имеет сегодня мультикультурные идентичности. Термин “English” не содержит в себе эту социолингвистическую реальность, тогда как “Englishes” — содержит» [4. Р. 356], — пишет Б. Качру, говоря о парадигме World Englishes или о мировых вариантах английского языка. Во взаимодействии друг с другом языки, несущие в себе культурную составляющую, влияют друг на друга. Это влияние находит выражение в том, что создаваемые коммуникантами тексты проходят через аккультурацию и нативизацию, т.е. адаптируются под нужды слушающего, который может быть не знаком с культурой собеседника, и говорящего, пытающегося наиболее эффективно до-

нести свою мысль. Эти процессы естественны для межкультурной коммуникации, так как их основной целью является облегчение понимания при общении представителей разных культур, особенно в случае описания культуры. В процессе межкультурной коммуникации ярче всего проявляется тот факт, что представители разных культур говорят на разных вариантах английского языка, который не является для них родным. Вариативность как лингвистический феномен — «обязательное свойство языка как порождающего организма, как динамичной системы, характеризующейся членораздельностью и символичностью» [5. С. 14].

В применении к вариантам английского языка стоит отметить существующую на сегодняшний день плюрицентричность языка, так как норма не есть стандарт. Она сегодня ближе к узусу языка и ожиданием говорящего-слушающего определенных элементов языковой системы. Отсюда же и лингвистическая антропоцентричность — все порождается человеком, его ожиданиями, его культурной идентичностью и поэтому зависит от него. Язык не существует в отрыве от культуры человека, и обратное утверждение также верно. Поэтому, если говорить о межкультурной коммуникации, в такой науке как интерлингвокультурология введено понятие первичной и вторичной культурной ориентации, которое очень важно для понимания контактной вариантологии, но обычно не рассматривается в ее ключе.

2. ОБСУЖДЕНИЕ

Иноязычное описание родной культуры в интерлингвокультурологии

Интерлингвокультурология — наука, занимающаяся изучением языка вторичной культурной ориентации, т.е. языка, описывающего «чужую», иноязычную культуру [6]. Понятие первичной и вторичной культурной ориентации введено в интерлингвокультурологию для того, чтобы разграничить предмет, на котором фокусируется язык. При первичной культурной ориентации он обращен к реалиям своей родной культуры, а при вторичной язык адаптирует и трансплантирует эти реалии на почву другого языка, что происходит в процессе межкультурного общения. Иноязычное описание культуры при вторичной ориентации более всего характеризуется культурной диверсификацией и вариативностью лексического пласта языка, поэтому в интерлингвокультурологии введены такие понятия, как культуронимы, полионимы, идиокультуронимы, идионимы и ксенонимы. Для того, чтобы прояснить используемую терминологию, необходимо рассмотреть каждое из этих понятий.

Культуронимы — это элементы той или иной культуры, имеющие вербализованное название [6]. Культуронимы можно разделить на полионимы и идиокультуронимы. Полионимы — это универсальная лексика, используемая для описания культуры как при первичной, так и при вторичной культурной ориентации языка. Полионимы носят также название бинарных полионимов, или бинаров, так как в паре «родной язык — язык вторичной культурной ориентации» они являются взаимными межъязыковыми соответствиями. Полионимы можно

разделить на гомогенные, имеющие общее этимологическое происхождение (например, «цивилизация» и “civilization”), и гетерогенные, не имеющие общей этимологии (например, «книга» и “book”). Идиокультуронимы — это специфические, своеобразные элементы, присущие конкретной культуре (в отличие от культуронимов как более общих понятий, присущих всем культурам). Идиокультуронимы, в свою очередь, можно разделить на идионимы (культуронимы первичной культурной ориентации, т.е. своего родного языка) и ксенонимы (культуронимы иноязычной культуры). Синонимом термину «ксеноним» служит понятие «языковая реалия» [6]. Исходя из определений, мы видим, что культуроним и ксеноним синонимичны друг другу и синонимичны термину «языковая реалия». Реалии, если обратиться к теории перевода, — это безэквивалентная лексика, или лакуны; реалии включают в себя идионимы (реалии родной культуры). Еще одно понятие, к которому можно отнести вышеперечисленные термины, — культурема, представляющая собой совокупность знаков культуры, формирующих национально-специфический фон той или иной общности людей [7]. Очевидно, что в терминологическом аппарате дисциплины существует избыток понятий, обозначающих одно и то же явление. Культурема, культуроним и языковая реалия выступают, вероятно, в роли синонимов, хотя культурема может восприниматься как элемент культуры, а культуроним — как элемент языка, что делает их синонимами разного порядка; лакуна не является их синонимом, так как иногда одни культурные элементы можно наблюдать и в другой культуре, однако под языковыми лакунами может пониматься отсутствие однословного наименования [8]. В то же время термин «ксеноним» представляется необходимым, так как отражает культурную адаптацию элементов культуры при межкультурной коммуникации. Прототипами для ксенонимов являются идионимы, которые первичны по отношению к ним. Для ясности приведем пример: «Московия», идионим русской культуры, послужил прототипом для “Muscovy” — ксенонима в английском языке.

Ксенонимия, возможно, занимает самую значимую часть в иноязычном описании культуры. Существуют различные лексические типы ксенонимов — заимствования (kvas, kiosk, kaftanetc.), кальки (Old Believers), гибридные образования (Bolshoi Theater), идиомы (on the Sheremetev account), описательные обороты (“... the very Russian sport of hodit’ po grib (looking for mushrooms)” [9. P. 280] или “The girl was giggling, and Sukhanov distinctly heard her say babochka — bow tie or butterfly” [10. P. 359]). Также отдельным пунктом идет ксенонимическая ономастика, включающая в себя топонимы, имена собственные, наименования СМИ, произведений искусства и т.д. При всем этом различают ксенонимическую лексическую или орфографическую вариативность, например, *декабрист*: Decembrist/ Dekabrist для первого случая и *сбитень*: sbiten/sbeeten для второго.

Ксенонимические заимствования, калькирования и гибридные образования обеспечивают так называемую уверенную межъязыковую обратимость [6], так как прототипы этих ксенонимов легко узнаваемы и можно без труда произвести обратную трансформацию. Остальные способы представляют собой пример неуверенной обратимости, так как для произведения их обратной трансформации необходимо знать наверняка, какие идионимы задумывались автором. К таким

способам относятся описательные обороты, замена идионимов полионимами, родовыми понятиями (гипонимами/гиперонимами) или ксенонимами — аналогами русскоязычных идионимов. Сравним с оригиналом англоязычную версию «Войны и мира»:

on the tray was a bottle of herb wine, different kinds of vodka, pickled mushrooms, rye cakes made with buttermilk, honey in the comb, still mead and sparkling mead, apples, nuts (raw and roasted), and nut-and-honey sweets. Afterwards she brought a freshly roasted chicken, ham, preserves made with honey, and preserves made with sugar [11].

В русскоязычном оригинале Л.Н. Толстого:

на подносе были травник, наливки, грибки, лепешечки черной муки на юраге, сотовый мед, мед вареный и шипучий, яблоки, орехи сырые и каленые и орехи в меду. Потом принесено было Анисьей Федоровной и варенье на меду и на сахаре, и ветчина, и курица, только что зажаренная [12. С. 179].

Preserves — варенье; в данном случае в переводе используется родовое понятие, так как preserves — это “a sweet food made from fruit, sugar, and water” [13] (Cambridge dictionary) или “a substance made from boiling fruit or vegetables with sugar, salt, or vinegar” [14] (Longman dictionary), что может включать в себя варенье, джем и даже, возможно, компот (что уже будет в русскоязычном понимании совсем другим блюдом в отличие от варенья). В англоязычном пространстве также употребляется слово “varenye/varenie”, что является ксенонимом, коррелирующим с идионимом «варенье». В данном случае имеет место неуверенная обратимость. Herbwine или herb-brandy [9] в других переводах — травник/наливка. Здесь переводчики воспользовались уже не гиперонимами, а гипонимами, так как ни травник, ни настойка не дают четкого представления о том, какой алкоголь использовался в их приготовлении (но нужно отметить, что обычно в их приготовлении используется просто спирт). Почему в их рецепт переводчиками включены именно вино или бренди — непонятно. Cakes (лепешечки) — случай использования англоязычного ксенонима с близким по смыслу значением русскоязычному идиониму. Тем не менее cake — это “a sweet food made from flour, butter, sugar, and eggs mixed together and baked” [13] (Cambridge dictionary). Лепешка в русскоязычном понимании — плоское круглое и блиноподобное изделие из теста. Это, нужно признать, не совсем русское хлебобулочное изделие, его рецепты, которых насчитывается около полусотни, были заимствованы у народов Средней Азии. Лепешка может быть пресной или сладкой.

В Пермской области поныне даже сладкий кремовый торт, если он круглый, называют лепешкой, в то время как торт прямоугольной формы из того же самого бисквита называют «торт» или «пирог» [15].

Однако лепешки из ржаной муки носителю русской культуры скорее представляются не сладкими, а пресными, а rye cake, возможно, наоборот, в представлении носителя английского языка будет сладким.

Инолингвокультурология в аспекте вариантологии

Таким образом, иноязычное описание культуры представляет собой некоторые трудности. Интерлингвокультурология, хотя ее терминологический аппарат еще не устоялся, вносит, пожалуй, значительный вклад в изучение контактной лингвистики, предлагая подходы к решению проблем инолингвокультурного описания. Она дает возможность рассматривать эти трудности с двух точек зрения: точки зрения носителя языка и неносителя языка, если говорить о реальной коммуникации. Но так ли это необходимо, особенно в применении к вариантам английского языка? В ситуации инолингвокультурного описания уместно говорить скорее об использовании *варианта языка*, так как происходит инолингвокультурная адаптация языка общения обоими участниками коммуникации. Это помогает им вступить в одно синергетическое коммуникационное поле, в котором они прикладывают взаимные усилия по адаптации языка к инолингвокультурному описанию. Под вариантом языка в таком случае стоит понимать «энергию, направленную совместно на достижение взаимопонимания, которая преобразуется по законам синергетики в новую систему, служащую буфером для столкновения культур» [4].

В контексте вариантологии интерлингвокультурологический подход вызывает некоторые вопросы. Главный из них: как воспринимаются разные точки зрения и культурная ориентация для говорящего на варианте языка? Приведем пример: “kvas” — будет ли эта лексема, употребленная во время пользования русским вариантом английского языка, ксенонимом для русскоязычного носителя? Ведь в английском языке и для носителя англоязычной культуры это ксеноним, но, учитывая культуру говорящего (русскую), можно ли считать, что это слово будет принадлежать культуре говорящего и что для него даже во время использования английского языка культурный аспект не меняется? Отсюда можно сделать вывод, что для говорящего на варианте английского восприятие лексемы «квас» как ксенонима не совсем правомерно. «Квас» и “kvas” остаются вариантным употреблением для говорящего на русском варианте английского, такой же точки зрения на эту лексему, вероятно, может придерживаться и носитель английского языка и англоязычной культуры.

Чтобы облегчить понимание процесса коммуникации в вариантологии, можно применить следующую схему (рис.).

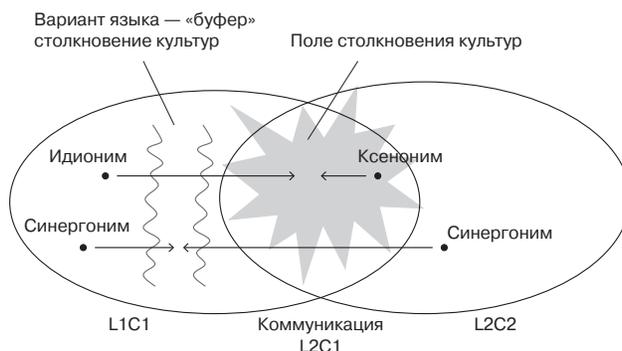

Рис. Процесс коммуникации в контактной вариантологии
[**Fig.** The Process of Communication in Contact Variantology]

Если посмотреть на межкультурную коммуникацию, в которой происходит общение на английском языке носителей русского и английского языков, то становится ясно, что коммуникация смещается в поле варианта — синергетическое поле для обоих участников коммуникации. Это естественно, так как дает возможность уйти от столкновения культур и двух точек зрения на один и тот же элемент культуры и перейти в поле, где говорящие кооперируются для того, чтобы достичь взаимопонимания. На рисунке изображены два коммуникационных поля, где L1C1 (Language — язык, Culture — культура) — носитель русского языка и русской культуры; L2C2 — носитель английского языка и культуры, соответствующей ему; L2C1 — процесс коммуникации, в котором русскоговорящий коммуникант говорит по-английски и в котором происходит столкновение культур, так как проявляется культура говорящего. Посередине оказывается область столкновения культур. Задача коммуникантов — направить свою общую энергию и усилия на то, чтобы сдвинуть коммуникационное поле в область варианта, т.е. уйти от столкновения. Вариантное поле образуется естественным образом в процессе коммуникации, так как проявляется культурная идентичность говорящих. Интересно отметить и то, что коммуникант L2C2, вероятно, тоже попадает в поле варианта и частично «заимствует» его на время разговора. Логичным было бы предположить, что L2C2 может заимствовать некоторые вариантные лексемы, описательные обороты или другие единицы, применяемые говорящим на варианте, для того, чтобы оставаться с ним в поле взаимодействия. Так как усилия обоих говорящих более или менее равны при нормальных условиях коммуникации (оба на самом деле хотят реализовать коммуникативные задачи), языковые единицы, которые они применяют для сохранения гармонии и понимания, можно условно назвать синергонимами. Синергонимы — это языковые единицы, функционально таргетированные на облегчение межкультурной коммуникации и позволяющие партнерам оставаться в поле варианта при общении. С помощью синергонимов можно объяснить то, что в вариантологии нет двойственного взгляда на ксенонимы и идионимы. Существует вариант языка, в котором выражена культура говорящего, и в поле этого варианта попадает и второй коммуникант, который частично заимствует вариантное употребление. Синергонимы появляются при пользовании вариантом языка, потому что невозможно выражать свою культурную идентичность и не прибегать к использованию варианта английского языка, но при этом нужно сделать так, чтобы партнеру по коммуникации было понятно, о чем идет речь. К ним можно отнести, например, различные описательные обороты, предлоги (*varenye is like jam or jelly*) и т.д.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Английский язык в современном мире представлен разными локальными вариантами. Процесс его диверсификации позволяет по-новому подойти к рассмотрению проблем языковых и культурных контактов. Инолингвокультурология и вариантология дают свою трактовку взаимодействия английского языка и англоязычной культуры с локальными языками и культурами. Эти подходы, каждый из которых привносит вклад в развитие лингвистики, могут быть сопоставлены

в представленной выше модели коммуникации. Вариантологический подход в данной модели представляется более ориентированным на создание синергетического единства между участниками коммуникационного процесса, так как обеспечивает уход от столкновения культур.

© Семенова А.В., 2017

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Kabakchi V.V.* Formation of Russian Culture Orientated English // *Journal of Siberian Federal University, Humanities & Social Sciences*. Vol. 5. № 6. 2012. P. 812–822.
2. *Тер-Минасова С.Г.* Преподавание иностранных языков в современной России. Что впереди? // *Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2014. № 2. С. 31–41.
3. *Файзрахманова Ю.С.* Лексические инновации: кореизированные английские слова // *Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность*. 2016. № 3. С. 18–27.
4. *Kachru B.* *Teaching World Englishes. The Other Tongue: English across Cultures*, Urbana: University of Illinois Press, 1992. P. 355–366.
5. *Голев Н.Д., Ким Л.Г.* Вариативно-интерпретационное функционирование текста (к вопросу о расширении границ лингвистической вариантологии) // *Вестник Челябинского государственного университета. Серия «Филология. Искусствоведение»*. 2009. № 27 (165). С. 12–20.
6. *Кабакчи В.В., Белоглазова Е.В.* Введение в интерлингвокультурологию: учеб. пособие. СПб.: СПбГУЭФ, 2012.
7. *Есакова М.Н.* Межкультурная асимметрия как переводческая проблема // *Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2000. № 2. С. 91–99.
8. *Быкова Г.В.* Лакуарность как категория лексической системологии. Благовещенск: БГПУ, 2003.
9. *Figes O.* *Natasha's Dance: a Cultural History of Russia*. New York: Metropolitan books, 2002.
10. *Grushin O.* *The dreamlife of Sukhanov*. New York: Penguin Books, 2007.
11. *Tolstoy L.* *War and Peace*. URL: <https://goo.gl/WF0yoa> (дата обращения 10 января 2017).
12. *Толстой Л.Н.* *Война и мир*. М.: Детская литература. Т. 2. 2012.
13. Cambridge dictionary online. URL: <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/preserve> (дата доступа 10 января 2017).
14. Longman dictionary. URL: <http://www.ldoceonline.com/dictionary/preserve> (дата доступа 10 января 2017).
15. Cambridge dictionary online. URL: <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/cake> (дата доступа 10 января 2017).
16. *Похлебкин В.В.* *Большая энциклопедия кулинарного искусства. Все рецепты Похлебкина В.В.* М.: Центрполиграф. 2004.

История статьи:

Поступила в редакцию: 09.06.2017

Принята к публикации: 26.10.2017

Модератор: У.М. Бахтикиреева

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Семенова А.В. Интерлингвокультурологический подход с позиции контактной вариантологии // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образова-*

ния: языки и специальность. 2018. Т. 15. № 1. С. 67—75. DOI 10.22363/2312-8011-2018-15-1-67-75

Сведения об авторе:

Семенова Анна Владиславовна — аспирант факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: annavonemes@gmail.com

INTERLINGUACULTURAL APPROACH FROM THE POSITION OF CONTACT VARIANTOLOGY

A.V. Semenova

Lomonosov Moscow State University
1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation

Many scholars tend nowadays to agree with the statement that English language is diversified because of globalization and that it is represented by a number of varieties. In this connection, the problem of interactions between various languages and cultures is widely discussed today. This is reflected by the fact that there are a lot of newly introduced approaches in linguistics, for example, interlingaculturology and variantology. In order to compare these two approaches the author of this article tried to regard some of the processes that take place when these approaches are used and to give the explanation that is provided by these approaches to clarify the processes. Material for the research is majorly taken from the work by L.N. Tolstoy “War and Peace” in English translation. The result of the research showed that there is a contradiction between the two approaches. The author suggests a new communication model that allows to clearly see the point of contradiction. Moreover, there is a new understanding of what variety is presented in the article. Also, it is suggested by the author to look at the variantology approach from the position of synergetics, which is a rather unique twist in this discipline.

Key words: World Englishes Paradigm, interlinguaculturology, xenonym, idionym, synergonym

REFERENCES

1. Kabakchi, V.V. 2012. Formation of Russian culture orientated English. *Journal of Siberian Federal University, Humanities & Social Sciences* 6: 812—822. Print.
2. Ter-Minasova, S.G. 2014. *Prepodavanie inostrannykh yazykov v sovremennoi Rossii. Chto vpered?* [Teaching Foreign Languages in Modern Russia. What Lies Ahead?]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication* 2: 31—41. Print. (In Russ.).
3. Fayzrakhmanova, Yu.S. 2016. *Leksicheskie innovacii: koreizirovannye anglijskie slova* [Lexical Innovations: Koreanized English Words]. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Education Issues Series: Languages and Specialty* 3: 18—27. Print. (In Russ.).
4. Kachru, B. 1992. *Teaching World Englishes. The Other Tongue: English across Cultures*. Urbana: University of Illinois Press. 1992. Pp. 355—366. Print.
5. Golev, N.D., and L.G. Kim. 2009. *Variativno-interpretatsionnoe funktsionirovanie teksta (k voprosu o rasshirenii granits lingvisticheskoi variantologii)* [Variational and Interpretational Text Functioning (in Regard to the Question of the Widening Borders of the Linguistic

- Variantology)]. Chelyabinsk State University Bulletin. Series Philology. Arts. 27 (165): 12–20. Print. (In Russ.).
6. Kabakchi, V.V., and E.V. Beloglazova. 2012. *Vvedenie v interlingvokul'turologiyu* [Introduction to Interlinguaculturology]. St. Petersburg: SPbGUEF. 252 p. Print. (In Russ.).
 7. Esakova, M.N. 2000. *Mezhkul'turnaya asimmetriya kak perevodcheskaya problema* [Intercultural Asymmetry as a Problem in Translation]. Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication. 2: 91–99. (In Russ.).
 8. Bykova, G.V. *Lakunarnost' kak kategoriya leksicheskoi sistemologii* [Lacunae as a Category of Linguistic Systemology]. Blagoveshchensk: BGPU. Print. (In Russ.).
 9. Figes, O. 2014. *Natasha's Dance: a Cultural History of Russia*. New York: Metropolitan books. Print.
 10. Grushin, O. 2007. *The Dreamlife of Sukhanov*. New York: Penguin Books. Print.
 11. Tolstoy, L. *War and Peace*. URL: <https://goo.gl/WF0yoa> (Accessed 10.01.2017). Web.
 12. Tolstoy L.N. 2012. *Voyna i Mir* [War and Peace]. Moscow: Detskaya literatura. T. 2. (In Russ.). Print.
 13. Cambridge Dictionary online. URL: <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/preserve> (accessed 10.01.2017)
 14. Longman Dictionary. URL: <http://www.ldoceonline.com/dictionary/preserve> (accessed 10.01.2017). Web.
 15. Cambridge Dictionary online. URL: <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/cake> (accessed 10.01.2017). Web.
 16. Pokhlebin, V.V. 2004. *Bol'shaya entsiklopediya kulinarnogo iskusstva. Vse retsepty Pokhlebkina V.V.* [Great Encyclopaedia of Culinary Art. All Recopies of Pokhlebin V.V.]. Moscow: Tsentrpoligraf. (In Russ.)

Article history:

Received: 09.06.2017

Accepted: 26.10.2017

Moderator: U.M. Bakhtikireeva

Conflict of interests: none

For citation:

Semenova, A.V. 2018. "Interlinguocultural Approach from the Position of Contact Variantology". *RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices*, 15 (1), 67–75. DOI 10.22363/2312-8011-2018-15-1-67-75

Bio Note:

Semenova Anna Vladislavovna is a Post-Graduate Student of the Faculty of Foreign Languages and Regional Studies, Moscow State University named after M.V Lomonosov. E-mail: annavonemes@gmail.com

DOI 10.22363/2312-8011-2018-15-1-76-82

УДК 81

РЕЧЕВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ И РЕЧЕВАЯ МАНИПУЛЯЦИЯ (ПО ДАННЫМ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)

Н.В. Щенникова, Л.Н. Анипкина, Е.В. Полякова

Российский университет дружбы народов
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

Статья посвящена проблеме манипулятивного воздействия рекламных текстов на языковое сознание подростка. В работе рассматривается влияние рекламы на ассоциативное поведение испытуемых, а также на усвоение ключевых слов рекламного текста и формирование устойчивых образов сознания у подростков. Эксперимент проводился на основе корпуса современных телевизионных видеороликов. В результате мы пришли к выводу, что эффективность рекламы зависит от ряда факторов, в том числе и от канала воздействия на реципиента. Для телевизионной рекламы характерна повторяемость ключевых слов или комплекса средств, тематически связанных с ключевым словом.

Ключевые слова: языковое сознание, речевое воздействие и речевая манипуляция, воздействие рекламных текстов на языковое сознание, ассоциативный эксперимент

1. ВВЕДЕНИЕ

По мнению психологов, манипуляция является видом психологического воздействия, при котором центральную роль играет привнесение дополнительного побуждения в контекст желаний адресата, и как результат, изменение его первоначальных намерений. «Манипуляция — это вид психологического воздействия, искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями» [1. С. 59]. Из данного определения следует, что обязательный признак манипуляции — намеренное утаивание информации или присутствие некой недосказанности, при этом для успешного манипулирования требуются определенные знания об объекте манипуляции, а к объектам манипуляции относятся именно как к объектам, а не как к личностям.

В психологической литературе нет общепринятой классификации типов манипуляции.

Учеными выделяются такие виды манипуляций, как манипуляция образами, конвенциональная манипуляция, операционально-предметная манипуляция, эксплуатация личности, манипуляция духовностью и др. Сложность заключается в том, что различные виды манипуляции сочетаются, усиливая эффект воздействия, и, встречаясь в разных комбинациях, могут осуществляться в речи. «Природа манипуляции состоит в наличии двойного воздействия — наряду с по-

сылаемым открыто сообщением манипулятор транслирует адресату “закодированный” сигнал, надеясь на то, что этот сигнал разбудит в его сознании те образы, которые нужны манипулятору. Это скрытое воздействие опирается на “невяное знание”, которым обладает адресат, на его способность создавать в своем сознании образы, влияющие на его чувства, мнение и поведение. Искусство манипуляции состоит в том, чтобы пустить процесс воображения по нужному руслу, но так, чтобы человек не заметил скрытого воздействия» [2. С. 73].

Речевая манипуляция как тип манипуляции изучается психолингвистикой в рамках исследования проблем речевого воздействия, осуществляемого путем использования определенных ресурсов языка с целью скрытого влияния на когнитивную и поведенческую деятельность адресата: адресант использует приемы, действующие в обход сознательного восприятия адресата. Для языкового манипулирования характерна замена убеждения внушением, которое достигается благодаря особой подаче концептуальной информации, созданию эмоционального подтекста высказывания, что очень важно при формировании языкового сознания исследуемой нами группы респондентов — подростков 13–15 лет. Это может достигаться с помощью импликаций, выводимых из текста, и такое языковое манипулирование приводит, несомненно, к изменению языкового сознания реципиента.

2. ОБСУЖДЕНИЕ

Существуют сферы жизни, где речевое воздействие, а часто и манипулирование играют важную роль. Это прежде всего рекламная и политическая коммуникация. Телевизионная реклама по своей социальной значимости занимает ведущее место среди других видов рекламы и оказывает наиболее сильное влияние благодаря использованию всех каналов воздействия на реципиента (визуальный, аудиальный, аудио-визуальный), в отличие от рекламы в других средствах СМИ.

Одна из основных задач телерекламы заключается в том, чтобы дать как можно больше положительной информации в рамках предельно сжатой лексико-грамматической структуры текста, что приводит к созданию и использованию речевых стереотипов (штампов), а многократное повторение рекламных текстов с экрана телевизора приводит к их запоминанию и воспроизведению в определенном контексте. При запоминании телевизионной рекламы включаются различные виды памяти: последовательные образы, наглядные (эйдетические), образы представления, словесная память. Последнюю называют ассоциативной, или логической, так как «в основе словесной памяти всегда лежит сложный процесс перекодирования сообщаемого материала, связанный с процессом отвлечения от несущественных деталей и обобщения центральных моментов информации» [5. С. 211].

Для наиболее эффективного воздействия на сознание реципиента с целью убедить его купить предлагаемый товар или воспользоваться услугой используются различные языковые средства на фонетическом, лексическом, грамматическом уровнях языка с учетом психологических механизмов воздействия рекламы.

Реципиентов рекламного воздействия можно разделить на тех, кто воспринимает рекламу как информацию, и на тех, кто не воспринимает рекламу, когда для них в ней нет информации. Первая группа — активная аудитория, т.е. заинтересованный потребитель, который склонен тратить свое время и силы на анализ достаточно важной для него информации, а вторая — пассивная аудитория, т.е. незаинтересованный потребитель, который не обращает (или думает, что не обращает) внимания на предоставленную ему информацию. Однако даже если в поле восприятия незаинтересованного потребителя (реципиента) попадает реклама, может включаться механизм непреднамеренного запоминания, в котором эмоции (в том числе и отрицательные) играют немаловажную роль.

Пытаясь установить, насколько глубоко рекламный текст находится в сознании реципиента, нами было проведено исследование по выявлению влияния рекламы на языковое сознание подростка 13—15 лет [7].

В настоящее время реклама является неотъемлемой частью информационного поля, в котором человек пребывает практически постоянно. Вследствие этого можно предположить, что влияние рекламы на сознание происходит вне зависимости от наших намерений: например, большинство людей не читают рекламу и специально не смотрят ее по телевидению, однако не переключают каналы, если она начинается. Это позволяет предположить факт фонового воздействия рекламных текстов на сознание, что подтверждается и результатами нашего исследования [7].

Влияние рекламы на сознание подростка связано с тем, что подростковый период развития (13—15 лет) характеризуется перестройкой функционирования физиологических систем организма, с одной стороны, и социокультурным влиянием на формирование личности — с другой, поэтому данный период наиболее сензитивен ко всем изменениям, происходящим в социуме. Процессы адаптации к социальному окружению, стремление «ассимилироваться» в нем и в то же время осознание собственной индивидуальности, переживание собственного уникального опыта находятся в постоянной конфронтации. Чем старше ребенок, тем больший отпечаток накладывают на него условия, характеризующие жизнь данного общества. Психологи, социологи, социолингвисты относят этот возраст к периоду промежуточной, или псевдоустойчивой, социализации, что подчеркивает предрасположенность сознания подростка к влиянию извне. Рекламные тексты, которые воздействуют на сознание подростка, моделируя смысловое поле знака, оказывают очевидное влияние на формирование образов языкового сознания реципиента.

Являясь агентом вторичной социализации, реклама несомненно воздействует на подвижную психику подростка, который не может в силу своего возраста противопоставить такому воздействию собственные установки, взгляды, нравственные критерии в той степени, в какой это могут делать взрослые. Поэтому некоторые исследователи говорят о необходимости повышать общую психологическую устойчивость, сопротивляемость, критическое отношение к средствам массовой информации вообще и к рекламе в частности [4].

Анализируя данные, полученные в ходе нашего ассоциативного эксперимента, мы обнаружили влияние телевизионной рекламы на формирование образов

сознания подростков. Одним из таких примеров может служить наличие в ассоциативном поле слова-стимула *аромат* —

Невероятно насыщенный и удивительно притягательный *аромат* в каждой банке кофе Якобс Монарх. Дорогие соседи, с новосельем! (кофе «Jacobs Monarch») —

слова-реакции *кофе* (6% от общего количества респондентов). Хотя мы можем предположить, что в этом возрасте подростки вряд ли употребляют кофе, или что этот напиток относится к числу любимых у подростков, мы видим, что у достаточно большого количества респондентов слово-стимул *аромат* тесно связано в сознании со словом *кофе*. Можно предположить, что происходит «скрытое коммуникативное воздействие адресанта на адресата (на его знания, представления, отношения) с целью изменить его намерения в нужном для адресанта направлении вопреки интересам адресата» [6. С. 223].

Другой пример: в ассоциативном поле слова-стимула *гарант* —

Ваши любимые вещи все еще под домашним арестом? Тогда *гарант* чистоты идет к вам! (стиральный порошок «Tide») —

присутствует слово-реакция *чистоты* (5% от общего количества респондентов), при этом слово представлено в том виде, в каком оно встречается в рекламе, т.е. в форме родительного падежа. Такие реакции появляются главным образом тогда, когда слово-стимул является препозитивным элементом синтагмы, входящей в рекламный текст. При этом слово-стимул является, с одной стороны, частью слогана, а с другой — элементом структуры «имя существительное + имя существительное в родительном падеже». Кроме того, слово-стимул *гарант* еще не является у подростков понятием, знания об этом слове они получают в основном из рекламы, поэтому оно является для них непонятным, это подтверждается большим количеством отказов от реагирования (39% от общего числа респондентов) или неправильным прочтением слова-стимула, в результате чего даются такие реакции, как *фрукт, сок, кисло, красный, красивый цвет, ягоды*. Подтверждением устойчивости структуры «имя существительное + имя существительное в родительном падеже» является присутствие слова-реакции *ногтей* (15,5% от общего числа респондентов) в ассоциативном поле слова-стимула *грибок* (Причина тревоги — *грибок ногтей! Используйте «Лоцерил»*). Слово-стимул *грибок* тесно связано в сознании подростков с видеорядом, представленным в рекламном ролике.

Интересным примером, иллюстрирующим влияние рекламы на формирование образов сознания у подростков, является структура ассоциативного поля слова-стимула *гель*, ядром ассоциативного поля этого слова-стимула являются реакции *душ, для душа, шампунь* (44,5% от общего числа респондентов). И хотя в самом рекламном тексте —

О, «Палмолив», мой нежный гель, / Ты даришь запах орхидей. / Я в восторге, просто таю, / В удовольствии улетаю / И пленяю всех вокруг. / Новый «Палмолив» — «Черная Орхидея» с натуральным экстрактом орхидей. Музыка для тела и души. —

нет слов *душ, для душа, шампунь*, эти слова тесно связаны в сознании у подростков с видеорядом, представленным во время звучания этих слов, вследствие чего подростки дают однотипные реакции.

Частотные реакции на слово-стимул *Никола* отражают единую идиоматическую структуру текста (Квас — не кола! Пей «Никола!»), потому что «усвоение слова есть в такой же степени усвоение операций, способов действия со словом, в какой усвоение орудия есть усвоение способа его употребления» [3. С. 95]. Слово-стимул *Никола* не входит в активную лексику подростков, «знакомство» с этим словом и последующая его интериоризация происходят под влиянием рекламного текста, поэтому в ассоциативном поле антропонима *Никола* происходит трансформация значения: слово тесно связывается в сознании подростков с напитком — квасом (47% от общего количества респондентов).

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Речевое воздействие как направленное, так и опосредованное, осуществляется в процессе речевого общения, в котором основным инструментом воздействия является текст, в частности рекламный текст.

В определенных условиях речевое воздействие приобретает вид речевого манипулирования, которое часто используется в рекламно-политической коммуникации. При манипулировании происходит частичное утаивание информации, а к объектам манипуляции относятся именно как к объектам, а не как к равноправным субъектам общения.

Эффективность рекламы зависит от ряда факторов, в том числе и от канала воздействия на реципиента. Для телевизионной рекламы характерна повторяемость ключевых слов или комплекса средств, тематически связанных с ключевым словом.

© Щенникова Н.В., Анипкина Л.Н., Полякова Е.В., 2017

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М.: Изд-во МГУ, 1997.
2. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
3. Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии. М.: Смысл, 2010.
4. Лещук Н.С. Психологические особенности восприятия рекламы подростками: дисс. ... канд. психол. наук. М.: МГОУ, 2002.
5. Лурия А.Р. Лекции по общей психологии. СПб.: Питер, 2012.
6. Пирогова Ю.К. ИмPLICITная информация как средство коммуникативного воздействия и манипулирования. (На материале реклам и PR-сообщений) // Проблемы прикладной лингвистики / РАН. Ин-т языкозн. М., 2001. С. 209–227.
7. Щенникова Н.В. Влияние рекламных текстов на языковое сознание современного подростка (13–15 лет): Психолингвистический аспект: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М.: МГОУ, 2016.

История статьи:

Поступила в редакцию: 06.11.2017

Принята к публикации: 12.01.2018.

Модератор: С.В. Дмитрюк

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Щенникова Н.В., Анипкина Л.Н., Полякова Е.В. Речевое воздействие и речевая манипуляция (по данным ассоциативного эксперимента) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2018. Т. 15. № 1. С. 76–82. DOI 10.22363/2312-8011-2018-15-1-76-82

Сведения об авторах:

Щенникова Нина Викторовна — старший преподаватель кафедры русского языка и межкультурной коммуникации факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов. E-mail: ninashenn@gmail.com

Анипкина Лада Никитична — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов. E-mail: lada-i-dima@mail.ru

Полякова Елена Викторовна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания филологического факультета Российского университета дружбы народов. E-mail: lelya2008-72@mail.ru

VERBAL INFLUENCE AND VERBAL MANIPULATION (BASED ON THE DATA OF THE ASSOCIATIVE EXPERIMENT)

Nina V. Schennikova, Lada N. Anipkina, Elena V. Polyakova

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

The article is devoted to the problem of manipulative influence of advertising texts on the teenager's language consciousness. The paper considers the influence of advertising on the associative behavior of subjects, as well as on the assimilation of keywords of the advertising text and the formation of stable images of adolescents' consciousness. The experiment was conducted on the basis of modern television videos. As a result, we came to the conclusion that the effectiveness of advertising depends on a number of factors, including the channel of influence on the recipient. For television advertising is typical the frequency of keywords or a set of tools, thematically related to the keyword.

Key words: language consciousness, speech influence and speech manipulation, the effect of advertising texts on linguistic consciousness, associative experiment

REFERENCES

1. Docenko, E.L. 1997. *Psihologija manipuljacji: fenomeny, mehanizmy i zashhita* [Psychology of Manipulation: Phenomena, Mechanisms and Protection]. Moscow: Izd-vo MGU. Print. (in Russ.)
2. Kara-Murza, S.G. 2001. *Manipuljacija soznaniem* [Manipulation of consciousness]. Moscow: JeKSMO-Press. Print. (in Russ.)
3. Leont'ev, A.N. 2011. *Lekcii po obshhej psihologii* [Lectures on General Psychology]. Moscow: Smysl. Print. (in Russ.)
4. Leshhuk, N.S. 2002. *Psihologicheskie osobennosti vosprijatija reklamy podrostkami* [Psychological Features of Adolescents' Advertising Perception]: PhD Diss. Moscow: MGOU. Print. (in Russ.)

5. Lurija, A.R. 2012. Lekcii po obshhej psihologii [Lectures on General Psychology]. St. Petersburg: Piter. Print. (in Russ.)
6. Pirogova, Ju.K. 2001. Implicitnaja informacija kak sredstvo kommunikativnogo vozdejstvija i manipulirovanija (Na materiale reklam i PR-soobshhenij) [Implicit Information as a Tool of Communicative Impact and Manipulation. (On the Material of Advertising and PR-messages)]. Problemy prikladnoj lingvistiki, RAN. In-t jazykozn. Moscow. S. 209—227. Print. (in Russ.)
7. Shhennikova, N.V. 2016. Vlijanie reklamnyh tekstov na jazykovoe soznanie sovremennogo podrostka (13—15 let): Psiholingvisticheskiy aspekt [The Influence of Advertising Texts on the Linguistic Consciousness of a Modern Teenager (13—15 years): Psycholinguistic Aspect]. PhD Diss. Moscow: MGOU. Print. (in Russ.)

Article history:

Received: 06.11.2017

Accepted: 12.01.2018

Moderator: S.V. Dmitryuk

Conflict of interests: none

For citation:

Schennikova, N.V., L.N. Anipkina, and E.V. Polyakova. 2018. “Verbal Influence and Verbal Manipulation (Based on the Data of the Associative Experiment)”. *RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices*, 15 (1), 76—82. DOI 10.22363/2312-8011-2018-15-1-76-82

Bio Note:

Schennikova Nina Viktorovna is a PhD, Senior Lecturer at the Department of Russian Language and Intercultural Communication of the Faculty of Humanities and Social Sciences of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). E-mail: ninashenn@gmail.com

Anipkina Lada Nikitichna is a Candidate in Philology, Assistant Professor, Assistant Professor at the Department of Russian Language and Intercultural Communication of the Faculty of Humanities and Social Sciences of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). E-mail: lada-i-dima@mail.ru

Polyakova Elena Viktorovna is a Candidate in Philology, Assistant Professor, Assistant Professor at the Department of Russian Language and It's Methodology of the Faculty of Philology of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). E-mail: lelya2008-72@mail.ru

DOI 10.22363/2312-8011-2018-15-1-83-91

УДК 32.019.5:81'276.6

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА СОВРЕМЕННОГО БЕЛОРУССКОГО ПОЛИТИКА (НА ПРИМЕРЕ ВЫСТУПЛЕНИЙ КАНДИДАТОВ В ДЕПУТАТЫ)

Д.В. Берёзко

Белорусский государственный университет
Республика Беларусь, 220030, Минск, ул. Ленинградская, 8

В современной политической системе Республики Беларусь дебаты кандидатов в депутаты Национального собрания вошли в общественную жизнь сравнительно недавно. Интересным представляется анализ взглядов, позиций и убеждений политиков не только с позиции политологии, но и речевой практики, которая дает богатейший материал для выявления особенностей формирования имиджа политика. В статье представлен междисциплинарный подход к понятию речевого имиджа, привлекающий данные таких дисциплин, как лингвополитология, лингвоконфликтология, лингвоперсонология. Анализ политических концептов, мифологем, фреймов обыденного сознания, задействованных в имиджевых текстах, позволяет выявить определенные тактики и стратегии, используемые кандидатом для создания ожидаемого эффекта. Примеры из телевизионных дебатов, выступления кандидатов в других средствах массовой информации взяты из предвыборной кампании 2016 года в Беларуси.

Ключевые слова: интегративные дисциплины, дискурсивные практики, языковая система, коммуникативный имидж белорусского политика, когнитивные понятия, социолингвистическое направление

1. ВВЕДЕНИЕ

Современный этап развития политической системы и науки, ее описывающей (политологии), требует новых подходов к анализу и интерпретации взглядов, идей, убеждений и т.д. Как и другие науки, политология нуждается в интеграции с другими науками, которые расширяют ее методологическую базу. Это позволяет специалистам не только изучать политические процессы в обществе, но и выявлять их предпосылки. Одним из эффективных методов такой работы является лингвопортретирование, в частности описание языковой личности политика. Закономерно, что на стыке политологии и лингвистики возникла лингвополитология (современная политическая лингвистика), представителями которой являются Н.Д. Голев, А.П. Чудинов, В.Н. Базылев, В.И. Карасик и др.

Данное научное направление апеллирует к наивному знанию коллективного адресата, выражающемуся в дискурсивных практиках и закрепляющемуся в языковой системе на уровне лексико-семантических фрагментов.

Н.Д. Голев рассматривает обыденную политологию в русле когнитивной лингвистики, лингвоконфликтологии, лингвоперсонологии, лингвистики текста и

прикладной лингвистики [1. С. 66]. Проанализируем важность для политологии данных направлений на примере агитационного этапа выборов депутатов в Национальное собрание Республики Беларусь в 2016 году. Отметим, что обыденное политическое сознание проявляется прежде всего в речевой практике, языковом материале и языковой системе. Эти составляющие можно наблюдать и анализировать на материале политических текстов кандидатов в депутаты.

Материалом для наблюдений послужили следующие виды средств массовой информации: республиканские газеты «Беларусь сегодня» и «Звезда», городская газета «Витьбичи», тексты выступлений на телевидении и радио. Кроме того, в качестве материала наблюдений были использованы тексты выступлений кандидатов перед трудовыми коллективами предприятий и учреждений Витебска.

Намеренно формируя свой имидж, кандидат в депутаты в своих текстах доносит до рядовых носителей языка политические идеи, фиксирующиеся в политических концептах, мифологемах, фреймах обыденного сознания. Перечислим основные.

1. Наиболее частотными в проанализированных нами выступлениях являются концепты «политика», «сильное государство», «власть», «справедливость», «социальное государство» (из 30 фрагментов данные концепты встречаются в 30). Это свидетельствует о том, что первый план имиджа кандидата составляет его интеллектуальная характеристика, которая наиболее полно проявляется именно в языке, потому что языковая личность, по мнению многих лингвистов и философов, начинается не с нулевого вербально-семантического уровня, а с лингвокогнитивного. Этот уровень в языковом имидже свидетельствует о том, что политические взгляды того или иного кандидата формируются и проецируются на электорат через наличие субъективной иерархии ценностей и личностного предпочтения. Значит, белорусский кандидат в депутаты Национального собрания 2016 года имеет собственное когнитивное пространство, собственное коммуникативное поведение.

2. Использование в своих речевых произведениях мифологем *свой-чужой*, *пятiletка*, *национальная идея*, *открытое образование* и др. в демократической атмосфере выборов в Беларуси позволяет ряду кандидатов прибегать к данным политическим мифологемам как способу «приглаживания» проблем, реально существующих в обществе и требующих быстрого разрешения. Однако, используя мифологемы, кандидат стремится продемонстрировать, что он профессионально подготовлен к общественной и политической деятельности, общению и сотрудничеству с людьми. Вместе с тем такие имиджевые маркеры не всегда удачно характеризуют профессиональный, деловой, эмоциональный уровень кандидата и являются средством проведения публичной политики вместо общенародной, а политико-мифологические представления того или иного кандидата имеют дезориентирующий характер. Здесь уместен будет пример, выявленный нами в дискуссии на Витебском областном телевидении. Так, первым вопросом после эмоционального и уверенного выступления кандидата N был следующий: «А вы верите в то, что сейчас говорите?» Кандидат не смог привести конкретных фактов и аргументов в доказательство своих выводов, речь его стала нелогичной, и он

повторил то, что было им сказано ранее. Вопрос касался открытости образования и необходимости вхождения Республики Беларусь в Болонский процесс.

Как кандидаты могли бы избежать включения неоправданных политических мифологем в тексты своих выступлений во время PR-мероприятий? Мы предлагаем насыщать выступления социально-политической информацией и избегать чрезмерного употребления мифов и утопий, соблюдая при этом «имиджевую безупречность», что приведет к «организации всеобщего коммуникативного пространства как основе взаимосогласования интересов общества, государства, социальных групп, слоев и гражданской общности людей» [2. С. 11].

3. Семья, семейные отношения, работа и отдых, занятость населения, пенсионное обеспечение, денежная политика, налоговая система и др. Фреймы быденного сознания воплощались посредством следующих способов: через лексемы и их вторичные значения, метаязыковые смыслы, прецедентные тексты и ассоциативные поля. Структура быденного сознания является сложной, разноаспектной и многомерной, поскольку включает в себя «бытовые, производственные, гуманитарные по содержанию знания и умения... здравый смысл, позитивный опыт... вербализованные и неявные, латентные элементы и т.п.» [3. С. 113]. Например, семейные отношения выступают в речах кандидатов как статистическая картина стереотипной ситуации. В такую стереотипную ситуацию в выступлениях политиков включается информация о субъектах, объектах воздействия, психологическом, эмоциональном состоянии членов семьи (отсюда и появляются такие ассоциативные поля, как *здоровье человека, здоровье нации, традиционные семейные ценности, непринятие европейского взгляда на отношения в семье*).

Акцентуация православного феномена взаимоотношений в браке свидетельствует о том, что в сфере семейных отношений упор делается на лексические репрезентации, которые атрибутированы оценочно-экспрессивными коннотациями. Как пишет Н.Н. Болдырев, «формирование оценочных смыслов у лексических единиц обеспечивается процессами концептуальной деривации, которая определяется как мыслительный процесс, направленный на формирование нового смысла в результате определенного способа интерпретации исходного вербализованного знания» [4. С. 5]. В зависимости от контекстов перечисленные нами фреймы быденного сознания в текстах выступлений кандидатов характеризуются наличием большого количества метафор (здесь приведены эпитеты), например: *жесткая налоговая политика, деликатная политика, мудрый правитель*. Они свидетельствуют об образном переносе смысла из одной семиотической реальности в другую, а это значит, что быденное мышление строится на ассоциативных, но не на смысловых связях. Кроме этого, данные политические дискурсы представляют собой несколько гибких взаимопересекающихся и дополняющих друг друга стратегий и подходов. Функциональный подход позволил нам в данных контекстах выделить основание существующей социальности. Структурный подход фокусирует внимание на тексте кандидата, на способах построения социокультурных форм и часто употребляемых формул (например: *налоговая политика должна измениться*). Аксиологический подход сконцентрировал внимание на ценностной наполняемости выступлений кандидатов (например: *традиционные белорусские ценности — основа сильного и процветающего государства*).

Таким образом, изучение объективных (диктум) и субъективных (модус) мнений кандидатов позволяет политологу фиксировать истоки формирования различных сообществ, политических и социальных институтов, а политические тексты и лексика предоставляют лингвисту возможность делать выводы о культуре речи, индивидуальных языковых особенностях, богатстве и выразительности языка и прагматических установках кандидата в депутаты.

2. ОБСУЖДЕНИЕ

Компоненты речевого имиджа кандидата в депутаты

Актуальным является также изучение языковой личности кандидата в депутаты. И здесь такие термины, как «коммуникативный имидж», «речевой портрет», «языковая личность» помогают составить обобщенный портрет личности кандидата в депутаты. Существует большое количество определений имиджа, представленных в политических, социологических и толковых словарях. Здесь мы приведем дефиницию из словаря М.А. Василика и М.С. Вершинина «Политология: словарь-справочник»: «Имидж политический — образ политического лидера, деятеля партии, который складывается в общественном мнении» [5. С. 292]. Авторы справочника определяют три уровня, на которых складывается имидж политика:

- рациональный (мы назовем его прагматическим) — языковые средства используемые кандидатом в депутаты для аргументации своих позиций и убеждения собеседника и аудитории в их правомерности;
- эмоциональный (или психолингвистический) — подразумевает определенные психоречевые тактики, которые использует кандидат для стимулирования ожидаемых реакций собеседника либо аудитории;
- чувственный (невербальный) — содержит оценку аудиторией невербальных средств общения собеседников.

Для чего кандидату нужен имидж? Очевидны следующие цели: приобрести общественную популярность, реализовать политическую программу, донести собственные взгляды на решение общественных и политических проблем. О.И. Гордеева пишет, что люди воспринимают «определенные черты, качества лидера, взятые в единстве политических, мировоззренческих, биографических, внешних качеств, резонирующих в предпочтении электората» [6. С. 17]. С учетом приведенных нами уровней создания имиджа политика (прагматический, психолингвистический, чувственный) мы уточняем приведенное определение О.И. Гордеевой: «...взятые в единстве политических, мировоззренческих, биографических, внешних и коммуникативных функций» (дополнено нами — Авт.).

Т.В. Романова приписывает имиджу три основные коммуникативные функции: «Первая — облегчить аудитории восприятие информации о политике. Вторая функция — обеспечить режим наибольшего благоприятствования восприятию личности политика, проецируя на аудиторию те его характеристики, которые являются наиболее предпочтительными в конкретной электоральной среде. Третья функция — подготовить почву для формирования установки на избрание именно этого кандидата» [7. С. 110].

Языковые объекты интерпретации (слова, тексты, дискурсы) с точки зрения цели различных средств и, что самое важное, результата наиболее полно проявляются в лингвоконфликтологическом аспекте дискуссии (дебатов) кандидатов на страницах печатных средств массовой информации и белорусского телевидения. В таком коммуникативном жанре соприкасаются два основных направления — социолингвистическое и лингвокогнитивное. В качестве повестки дня таких дискуссий на этапе предвыборной агитации ставятся вопросы, касающиеся политических программ развития страны, направлений социально-экономической политики, совершенствования политической системы, злободневные вопросы образования, экономики, здравоохранения, пенсионного обеспечения и пр. На таких встречах демонстрируются новые оценочные нюансы, требующие осмысления, и реализовываются задачи воздействия на коллективного адресата с помощью различных форм аргументации. Т.В. Анисимова различает три такие формы — доказательство, внушение, убеждение: «Доказательство — понятие преимущественно логическое. Это совокупность логических приемов обоснования истинности какого-либо суждения с помощью других истинных и связанных с ним суждений. Тем самым, задача доказательства — уничтожение сомнений в правильности выдвинутого тезиса. Внушение — понятие психологическое. Это навязывание готового мнения адресату путем воздействия на подсознание. Тем самым, задача внушения — создать у адресата ощущение добровольности восприятия чужого мнения, его актуальности, привлекательности. Убеждение предъясляет как рациональные аргументы, так и эмоциональные, обращается к разуму, но влияет и на чувства аудитории, апеллирует как к истине, так и к мнению слушателей, показывает все возможности, выгоды и преимущества своего варианта решения проблемы, добивается, чтобы аудитория поверила сказанному и восприняла его как руководство к действию» [9. С. 18].

В нашем случае материалом для анализа языкового политического имиджа претендентов, их умений доказывать, внушать и убеждать послужили дебаты кандидатов в депутаты, представляющих избирательные округа по Витебской области (А.С. Виноградов, А.Л. Дединкин, А.В. Цецохо) на телеканале «Витебск». Каждому из них было отведено семь минут эфирного времени.

Здесь мы отметим, что дебаты кандидатов в депутаты для Беларуси не являются традиционными и начинают свою историю с 2010 года.

Дискуссия включает два этапа. На первом этапе каждый кандидат выступает с первичным посланием. В нем, как правило, присутствуют языковые штампы: *белорусская государственность в своем развитии проходит важный этап; это важное событие в жизни государства; социальная политика государства; депутатский корпус — это опора; моя программа отличается от программы...* и др. Тем самым предлагается стереотипная картина мира/социума, на которой представлены «поля аргументации».

Основными языковыми средствами создания речевого имиджа кандидата в этом случае являются следующие:

— имплицитные и эксплицитные комиссивы (*Мы знаем, как сделать вашу жизнь лучше; Мы покончим с коррупцией; Мы построим с вами новую страну*);

- эмпатические маркеры (лексические средства/дискурсивные тактики со значением соучастия) (*Мы думаем о нуждах конкретного человека; Мы поможем эффективно вложить ваши деньги; Мы создадим рабочие места для нашей молодежи*);
- предостережения (*Если вы не реалисты, то вас... может повести по неверному пути; Не доверяйте пустым обещаниям; Помните, что историю забывать нельзя*);
- стилистически маркированные синтаксические конструкции (*Ведем себя, как стадо; И снова будем плестись в хвосте*); риторические и контрастные вопросы (*Вы хотите так жить?! Вам не хочется, чтобы ваши дети жили в европейской стране? и др.*).

Последующий текст формируется в ходе дебатов на втором этапе обсуждения основных вопросов между модератором и кандидатом, двумя или несколькими кандидатами, кандидатом и зрителями. Эти вопросы способствуют генерированию последующего текста, так как требуют от говорящего уточнения собственной позиции, более эксплицированной оценки происходящего, частичного выявления собственных ценностных установок.

В обоих речевых произведениях (первичном и последующем текстах) отмечаются радиальные и цепочечные связи. Такие коммуникационные связи предполагают наличие аргументов к заявленным тезисам. И.В. Култышева систематизировала такие типы риторических аргументов, как аргументы к реальности, аргументы к авторитету, аргументы к аудитории [8. С. 105].

Проанализируем речевые произведения с точки зрения особенностей аргументации. В ходе одной из дискуссий на Витебском областном телевидении, отвечая на вопрос телезрителя об отношении политика к повышению пенсионного возраста, кандидат № 1 сказал следующее: «Прежде всего, необходимы самые эффективные меры на рынке труда. Это нужно для будущего страны. И хотя достаточно избитый вопрос “Что делать?” вроде бы и не нуждается в подробном ответе, все же позволю привести некоторые аргументы в поддержку повышения пенсионного возраста. Во-первых, это позволит обеспечить достойный размер пенсий для лиц, которые уже имеют работу и всю свою трудовую жизнь работают не покладая рук. Во-вторых, реальная ситуация в бюджете области свидетельствует о том, что выплачивать пенсию скоро будет нечем, а значит, забота о старшем поколении — приоритет власти. В-третьих, если не повысить пенсионный возраст, то нечем будет выплачивать пенсию будущим поколениям...»

Кандидат № 1 использовал радиальную связь: ядром его выступления был тезис, что «Это нужно для будущего страны», а аргументационное основание включало: аргумент общественной пользы («Это позволит обеспечить достойный размер пенсий»); аргумент долга — («Забота о старшем поколении — долг каждого гражданина»); аргумент социальной необходимости («Если не повысить пенсионный возраст, то нечем будет выплачивать пенсию будущим поколениям»).

Аргументация кандидата № 2 была построена по принципу цепочной (последовательной) связи и апеллировала к так называемой «личной истории». В начале своего выступления кандидат № 2 обратился к собственной биографии, привел пример небольшой пенсии своих родителей, обратился к опыту других стран

в вопросе пенсионного обеспечения. Далее выступающий перешел к тезисам своей программы; кандидат пришел к выводу о необходимости изменения законодательства в этом вопросе.

Наиболее, на наш взгляд, «слабое звено» в данной дискуссии составляет дисбаланс в использовании прецедентных текстов, когда цитаты и отсылки используются либо слишком часто, либо полностью игнорируются адресантом. Так, кандидат № 1 использует в качестве «вставочных аргументов» тексты выступлений А.Г. Лукашенко о том, что будет справедливо, если повышение пенсионного возраста коснется всех. Апелляция к авторитету — одна из тактик усиления значительности сказанного; тем не менее в последующем тексте эта тактика не используется вовсе. Интертекстуальная организация речи кандидата № 2 построена по принципу отсылки к традиционной народной мудрости с привлечением многочисленных паремиологических единиц и прецедентных текстов.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Имидж современного белорусского кандидата в депутаты складывается в том числе и из его речевого (шире — языкового) портрета. Задача лингвиста — определить, как именно организован речевой поток говорящего; какие средства речевой манипуляции задействованы в достижении необходимого эффекта на аудиторию; какова прагматическая трактовка текста и соответствует ли она его изначальным целевым установкам.

Главной целью формирования имиджа остается привлечение коллективного адресата на свою сторону, создание широкой референтной группы. В этом случае имидж выступает своего рода механизмом аттракции. Вот почему его правильная организация, последовательность реализации, продуманность имеют большое практическое значение.

© Берёзко Д.В., 2017

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Голев Н.Д.* Обыденная лингвополитология: проблемы и перспективы // Современная политическая лингвистика. 2011. № 4. С. 66–69.
2. *Почепцов Г.Г.* Паблик-релейшиз для профессионалов. М.: РЕФЛ-БУК; К.: Ваклер, 2000.
3. *Касавин И.Т., Щавелев С.П.* Анализ повседневности. М.: Канон+, 2004.
4. *Болдырев Н.Н., Панасенко Л.А.* Когнитивная основа лексических категорий и их интерпретирующий потенциал // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 2 (35). С. 5–12.
5. *Василик М.А., Вершинин М.С.* Политология: словарь-справочник. М.: Гардарики, 2001.
6. *Гордеева О.И.* Политический имидж в избирательной кампании // Технология и организация выборных кампаний. Зарубежный и отечественный опыт. М., 1993. С. 158–171.
7. *Романова Т.В.* Коммуникативный имидж и речевой портрет современного политика // Политическая лингвистика. 2009. № 1 (27). С. 110–118.
8. *Анисимова Т.В.* Типология жанров деловой речи (риторический аспект): автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2000.
9. *Култышева И.В.* Особенности аргументации в предвыборных теледебатах (на примере теледебатов агитационной кампании в Областную думу Законодательного собрания Свердловской области 2010 года) // Политическая лингвистика. 2011. № 3 (37). С. 103–107.

История статьи:

Поступила в редакцию: 24.10.2017

Принята к публикации: 24.12. 2017

Модератор: С.В. Дмитрюк

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Берёзко Д.В. Особенности формирования имиджа современного белорусского политика (на примере выступлений кандидатов в депутаты) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: Языки и специальность. 2018. Т. 15. № 1. С. 83—91. DOI 10.22363/2312-8011-2018-15-1-83-91

Сведения об авторе:

Берёзко Денис Васильевич — заведующий сектором правовой работы Витебского государственного университета им. П.М. Машерова. E-mail: berezkodv@tut.by

FEATURES OF CREATING THE VERBAL IMAGE OF BELARUSIAN POLITICIAN(ON THE EXAMPLE OF CANDIDATES' TO PARLIAMENT SPEECHES)

D.V. Biarozka

Belarusian State University
8, Leningradskaya str., Minsk, 220030, Republic of Belarus

In the modern political system of Belarus the debates genre has appeared in public life of the country quite recently. The analysis of views, attitudes and beliefs of politicians is not only the special interest of political science but also of speech practice which gives a complex data to identify the image formation features of a politician's speech. The article presents interdisciplinary approach to the verbal image phenomenon, including political linguistics, linguistics of conflicts, linguistic identity as the methodological basis. The analysis of political concepts, myths, frames of ordinary consciousness that form implicate basis of image-texts helps us to describe tactics and strategies, using by Speaker for impressing His/Her Audience. The examples of TV debates, candidates' speeches in other media have been taken from the latest election campaign in Belarus.

Key words: integrative discipline, discursive practice, language system, speech image of Belarusian politician, cognitive notion, sociolinguistic field of study

REFERENCES

1. Golev, N.D. 2011. Obydennaja lingvopolitologija: problemy i perspektivy [Ordinary Linguistics and Political Science: Problems and Prospects]. *Sovremennaja politicheskaja lingvistika* 4: 66—69. Print. (in Russ.)
2. Pochepcov, G.G. 2000. Pablik-rilejshiz dlja professionalov [Public Relations for Professionals]. Moscow: REFL-BUK; K.:Vakler. Print. (in Russ.)
3. Kasavin, I.T., and S.P. Shhavelev. 2004. Analiz povsednevnosti [Everyday Life Analysis]. Moscow: Kanon+. Print. (in Russ.)

4. Boldyrev, N.N., and L.A. Panasenکو. 2013. Kognitivnaja osnova leksicheskikh kategorij i ih interpretirujushhij potencial [Cognitive Basis of Lexical Categories and Their Interpretive Potential]. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki* 2 (35): 5–12. Print. (in Russ.)
5. Vasilik, M.A., and M.S. Vershinin. 2001. *Politologija: slovar'-spravochnik* [Political Studies: Academic Vocabulary]. Moscow: Gardariki. Print. (in Russ.)
6. Gordeeva, O.I. 1993. Politicheskij imidzh v izbiratel'noj kampanii [The Political Image in the Election Campaign] in *Tehnologija i organizacija vybornyh kampanij. Zarubezhnyj i otechestvennyj opyt*. Moscow. S. 158–171. Print. (in Russ.)
7. Romanova, T.V. 2009. *Kommunikativnyj imidzh i rechevoj portret sovremennogo politika* [Communicative Image and Speech Characteristics of a Modern Politician]. *Politicheskaja lingvistika* 1 (27): 110–118.
8. Anisimova, T.V. 2000. *Tipologija zhanrov delovoj rechi (ritoricheskij aspekt)* [The Typology of Speech Genres (the Aspect of Rhetoric)]. Dr. diss. Krasnodar. Print. (in Russ.)
9. Kultysheva, I.V. 2011. *Osobennosti argumentacii v predvybornyh teledebatah (na primere teledebatov agitacionnoj kampanii v Oblastnuju dumu Zakonodatel'nogo sobranija Sverdlovskoj oblasti 2010 goda)* [Peculiarities of Argumentation in Election TV Debates]. *Politicheskaja lingvistika* 3 (37): 103–107. Print. (in Russ.)

Article history:

Received: 24.10.2017

Accepted: 24.12. 2017

Moderator: S.V. Dmitryuk

Conflict of interests: none

For citation:

Biarozka, D.V. 2018. "Features of Creating the Verbal Image of Belarusian Politician (on the Example of Candidates' to Parliament Speeches)". *RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices*, 15 (1), 83–91. DOI 10.22363/2312-8011-2018-15-1-83-91

Bio Note:

Biarozka Denis is a Manager of the Sector of Legal Work of the Vitebsk State University named after P. M. Masherov. E-mail: berezkodv@tut.by

DOI 10.22363/2312-8011-2018-15-1-92-97

УДК 159.8.01

ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЦЕННОСТИ «УСПЕХ»

Ф.В. Раклов

Российский университет дружбы народов
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

В данной статье в диахроническом аспекте проанализировано и раскрыто содержание ценности «успех» в аксиологическом сознании россиян. Анализ проведен с учетом данных психосемантического эксперимента, проведенного Институтом РАН языкознания, на основе опроса респондентов — носителей русской культуры трех возрастных групп 20, 40 и 60 лет. Данные эксперимента приведены в диаграммах и дендрограммах. Анализ профилей оценок не выявил существенных отличий в оценке ценности у возрастных групп, проходивших социализацию в разное время, однако кластерный анализ показал некоторые различия в содержании ценности «успех». Содержание антиценности также раскрывается через определения в толковых словарях и анализ русских народных пословиц, поговорок.

Ключевые слова: ценность, диахронический аспект, диахронический анализ, психосемантический эксперимент, кластерный анализ

1. ВВЕДЕНИЕ

Стремительное развитие компьютерных технологий привело к значительным изменениям в жизни людей: у каждого в кармане находится вычислительное устройство в тысячи раз мощнее тех, которые использовались полвека назад для проектировки и запуска спутников в космос. Такое резкое развитие технологий повлекло за собой ускорение темпа жизни людей и изменение способов достижения своих целей. Но повлиял ли на содержание ценности «успех» у носителей русской культуры тот факт, что за их достижениями через социальные сети наблюдает значительно больше людей, чем 20—40 лет назад?

Чтобы начать анализ, рассмотрим значение слова «успех» в толковом словаре С.И. Ожегова [1].

УСПЕХ, -а, м. 1. Удача в достижении чего-н. Добиться успеха. 2. Общественное признание. Шумный успех спектакля. Книга имеет успех. 3. Хорошие результаты в работе, учебе. Хорошие, плохие успехи. Успехи в музыке. Производственные успехи. С успехом — легко, успешно, без затруднений. С успехом выполнить поручение. Пользоваться успехом — быть популярным, вызывать к себе интерес. С тем же успехом (ирон.) — так же, нисколько не лучше [1].

В первом значении слова указано, что успех — это удача в достижении чего-либо, а не усердный труд или применение определенных способностей. Так как

определения в толковых словарях содержат овнешнения промежуточного уровня аксиологического сознания — между обыденным и общественным, можно сделать вывод, что определение С.И. Ожегова содержит усредненное овнешнение, действительное для всех носителей русской культуры, а именно: «успех» — это скорее случайность, чем результат усердного труда.

Для сравнения рассмотрим значение слова «успех» (success) в западных толковых словарях.

Словарь М. Вебстера определяет «успех» как «предпочитаемый или желаемый исход» [2]. Оксфордский словарь английского языка дает следующее определение: «выполнение цели или намерения». Отметим, что в этих определениях подразумевается какое-то действие, нацеленное на выполнение цели. Возможно, в сознании россиян до сих пор осталось представление о том, что «успех» приходит сам к тем, кому повезет, когда в сознании носителей западной культуры «успех» — это результат упорной работы.

Обратные результаты можно обнаружить, проанализировав русские пословицы и поговорки об успехе: *По таланту и успехи; Каков мастер, таков и успех; Без усилий нет успеха*. Все эти поговорки имеют общий смысл: для успеха необходимо работать, обладать некоторым талантом. Это еще раз доказывает, что невозможно выработать «внутренне непротиворечивую систему вербальной реализации языковых концептов» [3. С. 12].

2. ОБСУЖДЕНИЕ

Для анализа обыденного уровня аксиологического сознания носителей русской культуры обратимся к данным ассоциативного эксперимента, проведенного в рамках проекта «Томская инициатива». Далее приведены наиболее частотные реакции на слово-стимул «успех»: *радость* (336), *удача* (200), *счастье* (118), *победа* (41), *семья* (36), *здоровье* (29), *фортуна* (29), *удовольствие* (28), *награда* (26), *жизнь* (24). На втором месте по частотности реакций стоит слово «удача», что опять приводит нас к выводу об отношении россиян к успеху как к явлению случайному. Среди первого десятка реакций нет таких слов-реакций, как *труд, работа, усилия, стремления*. Однако стоит отметить, что практически все слова-реакции первого десятка относятся к нематериальным благам, таким как семья, здоровье, удовольствие. Очевидно, что россияне не связывают между собой такие ценности, как «достаток» и «успех»: для того, чтобы быть успешным, совсем не обязательно быть богатым.

Основой для диахронического анализа ценности «успех» служат данные психосемантического эксперимента, проведенного Институтом языкознания РАН.

Рассмотрим профили оценок ценности «успех» трех возрастных групп россиян 20, 40 и 60 лет.

На рисунке 1 представлены профили оценок группы 20-летних. На нем видно, что «успех» имеет достаточно высокую оценку (0,64) у молодых людей и находится рядом с такими ценностями, как «доверие», «справедливость», «надежда» и «милосердие».

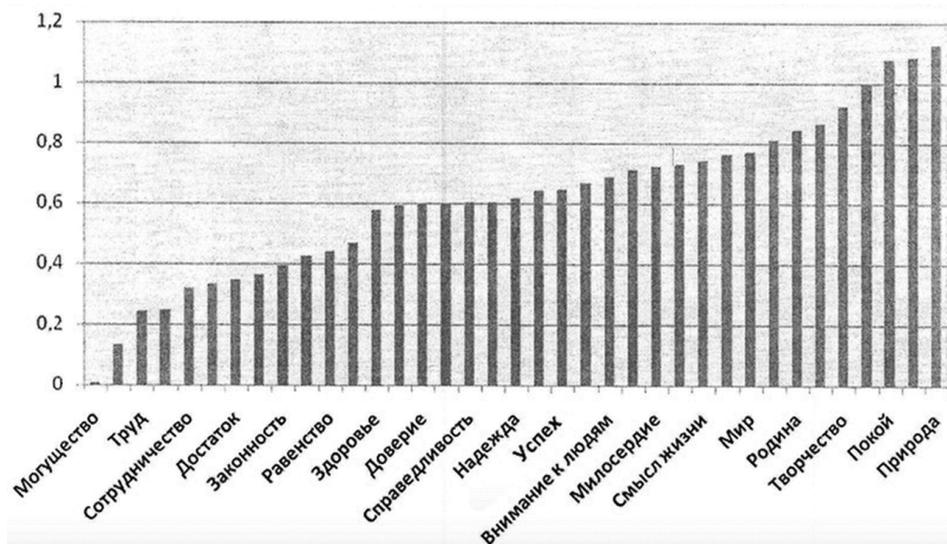

Рис. 1. Профили оценок ценностей в группе 20-летних

Анализ дендрограммы (рис. 2) показывает, что ценность «успех» образует кластер с такими ценностями, как «свобода», «согласие», «достаток» и «справедливость». Отметим, что ценность «достаток» является самой удаленной от ценности «успех» в данном кластере.

Рис. 2. Кластеризация ценностей в группе 20-летних

Самой приближенной ценностью является «справедливость», что приводит к выводу, что успех у молодого поколения считается скорее заслуженным, а не случайным.

Профили оценок (рис. 3) в группе 40-летних (0,63) указывают на совсем незначительные расхождения с оценкой в группе 20-летних.

Ценность «успех» имеет практически такие же оценки, как и ценности «профессионализм», «законность» и «достаток». Этот факт указывает на то, что представители старшей возрастной группы, имеющие большой жизненный опыт, осознают необходимость не только усердной, но еще и качественной работы для достижения успеха.

Самую низкую оценку (0,60) ценность «успех» имеет в группе 60-летних (рис. 4). Возможно, это связано с осознанием переоцененности успеха и с пониманием того, что существуют более важные ценности, такие как «мир», «доверие», «достаток», «природа». Однако стоит отметить, что снижение оценки на 0,04 балла не является в данном случае существенным и ценность «успех» в этой возрастной группе все же имеет достаточно высокий балл.

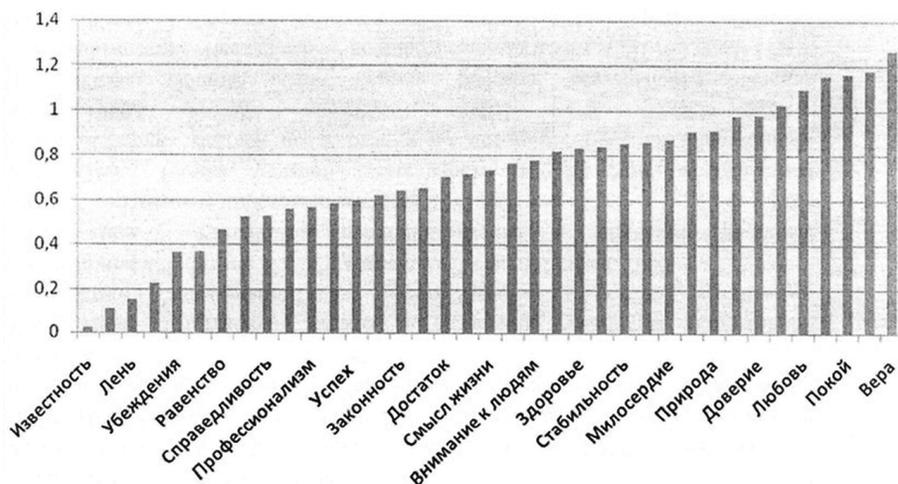

Рис. 3. Профили оценок в группе 40-летних

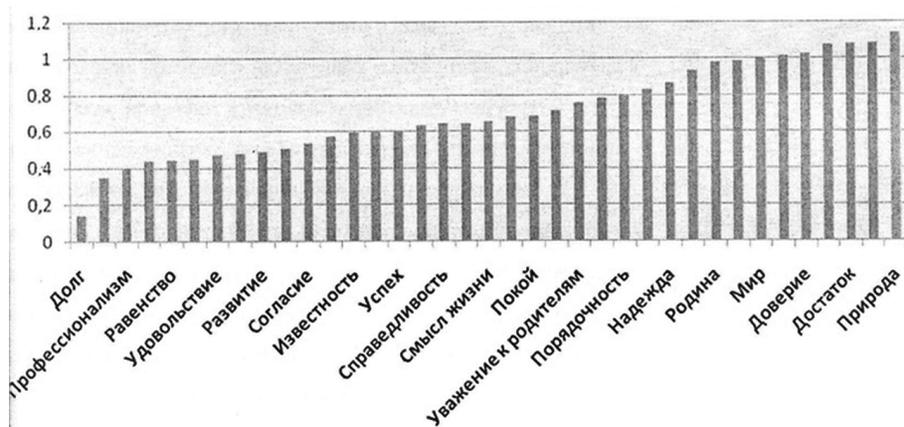

Рис. 4. Профили оценок в группе 60-летних

Анализ дендрограммы (рис. 5) показывает, что «успех» входит в один кластер с ценностью «творчество», которая не встречалась ни в одном кластере в группе 20-летних или 40-летних.

Рис. 5. Кластеризация ценностей в группе 60-летних

Это свидетельствует о том, что в сознании пожилого поколения «успех» плотно связан с творчеством и возможностью оставить что-то потомкам.

3. ВЫВОДЫ

Данный диахронический анализ приводит к следующему выводу: ценность «успех» на основе психосемантического эксперимента имеет практически одинаковую оценку у всех трех возрастных групп носителей русской культуры. Од-

нако были выявлены существенные различия в содержании ОЦ «успех» в процессе анализа дендрограмм (кластерного анализа). У всех трех возрастных групп россиян ценность «успех» имела разные смысловые связи с другими ценностями, что приводило к созданию абсолютно разных кластеров. Тем не менее резкого изменения модальности этой ценности не наблюдается; резкий переход от социалистического государственного строя к капиталистическому не сильно изменил содержание ОЦ «успех».

© Раклов Ф.В., 2017

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М.: Азбуковник, 1999.
2. Dictionary by Merriam-Webster. Access: URL: <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/success> (date 22.07.2017). Web
3. Синячкин В.П. Психолингвистический и лингвокультурологический анализ общечеловеческих ценностей в русском языковом сознании: дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2010.
4. Томская инициатива. Электронный ресурс. URL: <https://mirros.hse.ru/article/view/5328> (дата: 09.10.17).
5. Oxford Living Dictionary. Web. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/success> (Date 22.07.2017).

История статьи:

Поступила в редакцию: 02.10.2017

Принята к публикации: 27.12.2017

Модератор: У.М. Бахтикиреева

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Раклов Ф.В. Диахронический анализ общечеловеческой ценности «успех» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2018. Т. 15. № 1. С. 92—97. DOI 10.22363/2312-8011-2018-15-1-92-97

Сведения об авторе:

Раклов Федор Владимирович — аспирант кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Российского университета дружбы народов. E-mail: rakloff@gmail.com

DIACHRONIC ANALYSIS OF THE VALUE “SUCCESS”

F.V. Raklov

Peoples' Friendship University of Russia
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

In the article the content of the value “success” was revealed in the axiological consciousness of Russian people in the diachronic aspect. The analysis is performed on the basis of psychosemantic experiment held by Institute of Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences. The experiment

data represents polling of three different generations of culture-bearers: people who's age are 20, 40 and 60. The experiment results are represented in Diagrams. The psychosemantic analysis did not reveal a significant diversity in evaluation of the value by the generation that were socialized in different periods, but the cluster analysis showed some diversity in the content of the value "success".

Key words: value, diachronic aspect, diachronic analysis, psychosemantic experiment, cluster analysis

REFERENCES

1. Ozhegov, S.I., and N.Ju. Shvedova. 1999. *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenij* [Dictionary of the Russian Language: 80 000 Words and Phraseological Expressions]. Moscow: Azbukovnik. Print. (in Russ.)
2. Dictionary by Merriam-Webster. Access: URL: <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/success> (date 22.07.2017). Web.
3. Sinjachkin, V.P. 2010. *Psiholingvisticheskij i lingvokul'turologicheskij analiz obshhechelovecheskih cennostej v russkom jazykovom soznanii*: Dr. diss. Moscow. Print. (in Russ.)
4. Tomskaja iniciativa. Web. <https://mirros.hse.ru/article/view/5328> (Access: 09.10.17).
5. Oxford Living Dictionary. Web. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/success> (Date 22.07.2017).

Article history:

Received: 02.10.2017

Accepted: 27.12.2017

Moderator: U.M. Bakhtikireeva

Conflict of interests: none

For citation:

Raklov, F.V. 2017. "Diachronic Analysis of the Value "Success"". *RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices*, 15 (1), 92–97. DOI 10.22363/2312-8011-2018-15-1-92-97

Bio Note:

Raklov Feodor Vladimirovich is a Postgraduate of the Department of Russian Language and Intercultural Communication, Peoples' Friendship University of Russia.

E-mail: rakloff@gmail.com

DOI 10.22363/2312-8011-2018-15-1-98-109

УДК 81

НОМИНАЦИЯ КАК СПОСОБ ИДЕНТИФИКАЦИИ ПЕРСОНАЖА В ПРОЗЕ И. АБУЗЯРОВА

В.Р. Аминова, А.Н. Набиуллина

Казанский (Приволжский) федеральный университет
Российская Федерация, 420008, Казань, ул. Кремлевская, 18

Объектом исследования является творчество современного российского писателя И. Абузьярова, в прозе которого обнаруживается взаимодействие традиций русской, европейской и восточной культур. Это взаимодействие проявляется на уровне создаваемого в произведениях образа мира, их сюжетно-композиционной структуры, пространственно-временной и субъектной организации, образной системы и др. Проблема взаимодействия разных национальных традиций в эстетическом поле русскоязычной литературы, статус которой вызывает дискуссии в современном литературоведении, представляется актуальной.

Исследование находится в контексте идей транскультурности и продуктивной культурной «гибридности», активно разрабатываемых в зарубежном и отечественном литературоведении. Выбран теоретически значимый и неизученный в конкретно-историческом плане аспект — исследование сферы персонажей и системы их номинаций. Определены два основных способа обозначения персонажей, используемых писателем, которые соответствуют двум концепциям личности и вытекают из жанровой природы произведений и принципов организации их субъектной сферы.

Ключевые слова: современная российская проза, культурное пограничье, поэтическая ономастика, культурные коды, концепция личности

1. ВВЕДЕНИЕ

И. Абузьяров — современный русскоязычный писатель, создающий произведения в парадигмах русской, западноевропейской и восточной культур. Литература, реализующая феномен культурного пограничья, обладает особой художественной природой, которая требует научно обоснованной и адекватной эстетической оценки. Нуждаются в осмыслении ее статус по отношению к литературе метрополии и мейнстрима, место и роль в современном российском литературном процессе. Представляется необходимым разработать методическую систему изучения произведений, создаваемых на стыке культур и воплощающих новые формы «гибридной» идентичности.

Взаимодействие различных традиций и элементов разных художественно-эстетических систем определяет специфику образа мира, создаваемого в русскоязычной литературе, принципы организации субъектной сферы произведений, их жанрово-композиционные и стилистические особенности. Н.Л. Лейдерман считает, что русскоязычная литература отличается от собственно русской тем, что в

ней «художественные тексты структурно организованы диалогом между русским и инациональными моделями мира» [1. С. 52, 54]. К.К. Султанов констатирует факт использования национальными авторами русского языка как средства творческого самовыражения и рассматривает русскоязычную литературу этнически нерусских писателей, опираясь на два основополагающих тезиса: «принцип, или презумпция, равноправия языков самовыражения и русскоязычие как фактор национально-литературного самоопределения» [2. С. 155]. Ж.В. Бурцева, анализируя художественно-эстетические особенности современной русскоязычной литературы Якутии, приходит к выводу, что в творчестве поэтов «прослеживаются тенденции, связанные с построением своеобразной художественной картины мира в контексте не только русской и якутской литературных традиций, но и в объеме культуры как целого» [3. С. 119].

Однако одновременное сосуществование в «пограничном» художественном тексте различных культурных кодов и соответствующих им языков может принимать различный характер в зависимости от того, какие отношения устанавливаются между ними. Соответственно, будут различаться и предлагаемые русскоязычными авторами специфические способы художественной интерпретации картины мира. С этой точки зрения особый интерес представляет творчество современного российского писателя И. Абузярова, характеризующееся плюрализмом культурных голосов, интертекстуальностью, активным использованием приема игры, экспериментами в области жанров.

Произведения писателя становились предметом анализа в критических статьях Е. Москвина [4] и Д. Померанцева [5]. Из серьезных литературоведческих исследований заслуживает внимания статья Д. Уффельманна, в которой на примере повести И. Абузярова «Чингиз-роман» исследуется постколониальное восприятие посткоммунистической действительности и анализируются особенности изображения подчиненной маскулинности под маской кочевой культуры [6]. Однако транскультурность творчества писателя и соответствующие транскультурному типу художественного сознания принципы поэтики и стиля до сих пор не становились предметом самостоятельного теоретического осмысления. На материале рассказов писателя, включенных в сборники «Курбан-роман» (2009) и «О нелюбви» (2016), впервые предпринимается попытка проанализировать один из важнейших аспектов создаваемой писателем модели мира — сферу персонажей и систему их номинаций.

Исследование художественно-эстетической природы «пограничных» явлений в современном литературном процессе позволит решить ряд теоретических проблем внутрилитературного синтетизма: определить его формы, приемы интеграции элементов, принадлежащих к разным художественным системам и традициям, охарактеризовать художественно-эстетические результаты межкультурного диалога в дискурсе «пограничного» типа.

Методы и материалы. Русскоязычная литература рассматривается в аспекте транскультурной модели художественного развития, которая предполагает «культурное разнообразие и универсальность как достояние одной личности, состоящие виртуальной принадлежности одного индивида многим культурам» [7. С. 97].

Теоретико-методологическую основу проводимого исследования составили труды отечественных [8; 9] и зарубежных ученых [10; 11], в которых обосновывается диалогическая природа художественного творчества.

И.С. Семененко утверждает, что существование «трансграничных культурных ареалов» порождает «новые формы гибридной культурной идентичности» [12]. На концепцию предлагаемого исследования оказали влияние работы отечественных [13] и зарубежных [14—17] ученых, посвященные исследованию данного феномена. Анализ встречающихся в тексте обозначений персонажей, выполняющих идентифицирующую функцию, проводится с опорой на труды по поэтической ономастике [18; 19]. В решении поставленных задач предполагается использование системно-структурного и контекстно-герменевтического методов.

2. ОБСУЖДЕНИЕ

Устойчивый для писателя прием идентификации персонажей, используемый им в рассказах «Бедуинка», «Бербер», «Мавр», «Манекен Адама» и др., — это их номинация, отсылающая к определенной культурной и/или национальной традиции. Так, в рассказе «Подстилка из соломинок» (2002) главный герой неоднократно называет себя факиром, что одновременно говорит и о роде его деятельности (герой — уличный музыкант), и о его бедственном финансовом положении, и о его мировоззрении: факир — мусульманский аскет, давший обет нищенства. Близость людей друг к другу в переполненном троллейбусе, который напоминает герою священное место, не раздражает его, а, наоборот, одухотворяет на совершение зикра. И неслучайно здесь он встречает свою возлюбленную.

На первый взгляд маргинальный образ жизни героя кажется отталкивающим: он не имеет постоянного места работы, стабильного заработка, ночует на чердаках. Но постоянные отсылки к мусульманской культуре делают такой образ жизни героя понятным и раскрывают основу его жизненной философии: он сторонник суфизма, а, значит, главными в жизни для него являются духовные, а не материальные ценности. Возлюбленная героя, утешая его, призывает:

Расслабься, не думай ни о чем. Ведь ты лучше меня знаешь, что трубадуры выросли из суфиев, а от трубадуров оттолкнулось Возрождение, а от Возрождения классицизм, а из классицизма вырос джаз и рок-н-ролл. Расслабься, будь, как трава... [20. С. 190].

В одной плоскости оказываются следующие друг за другом культурный, природный и человеческий ряды, что является выразительной формой их исходного синкретизма.

Герой отдает все заработанные деньги поющей вместе с ним нищей женщине, называющей себя служительницей гражданского бога, и предается воспоминаниям о своей возлюбленной, которую сравнивает с самым чистым звуком в природе:

Бывает чистый звук — это звук травы на болотах [20. С. 194].

Данный рассказ носит медитативный характер и приобретает лирико-философские оттенки притчи, которая, в свою очередь, восходит к сурам Корана.

Этот же прием используется и в рассказе «Бедуинка» (2003), в котором повествование разворачивается в двух планах: бытовом — у героя разболелся зуб, и он вынужден обратиться к стоматологу за помощью, и воображаемо-бытийном — лечащий врач представляется ему бедуинкой, красавицей из сказок «Тысяча и одна ночь», совершающей настоящие чудеса. Себя герой-рассказчик идентифицирует с воином, странником пустыни, за которым после долгого боя ухаживает бедуинка. С пустыней Сахарой герой сравнивает и свой пересохший рот, и ближайшее окружение, в котором никто не воспринимает его как писателя:

Я был без роду без племени в безжалостной пустыне Сахаре среди враждующих бедуинских кланов [20. С. 89].

Тема Сахары возникает и в размышлениях о своем творчестве:

Кто-то мне сказал, что все мои рассказы — один сплошной кофе. Что они построены на твердых обжаренных зернах. На брошенных в кипяток зернах. Что мои рассказы — кофе с сахаром. Пусть будет так — Сахара [20. С. 88].

Разные ряды концептуализации действительности оказываются рядоположенными и пребывают в одной плоскости: зубная боль и внезапно вспыхнувшая любовь к врачу-бедуинке, экспромтом написанные стихи и изюм, набивший оскомину, творчество и одиночество по ночам. Многолинейное перекрещивание этих рядов создает полифонический эффект. Целое предстает как результат действия разных сил, взятых в момент их перехода: от одиночества — к любви с первого взгляда и к разочарованию, от рассуждений о своем творчестве — к самому акту творчества.

В основе композиционной организации рассказа «Бербер» (2004) лежит тот же принцип сопоставления-тождества, по которому соединяются разные темы — парикмахеры и палачи, косметический салон и место экзекуции, стрижка волос и казнь, что делает возможным их восприятие как сходных, даже однопорядковых. Оба смысловых плана, идущих вперемешку, символически сходятся в номинации «бербер». Так главный герой называет грозного мужа парикмахерши Сарижат Салавата:

...ну, ни дать ни взять — настоящий бербер, настоящий грозный убийца пустынь, где нет места иным чувствам и иной интонации. Бербер — от римского слова «барбар», что значит «дикарь, варвар». Но в переводе с турецкого «бербер» — парикмахер, брадобрей, цирюльник [20. С. 177].

И далее:

«Бербер — грозный воин пустынь, лев, волк, шакал», — погружался в собственные мысли Абдул [20. С. 182].

В парикмахерской герой ощущает себя «мучеником, дервишем, добровольно избравшим путь очищения тела» [20. С. 167]. Рассказывая Сарижат свои по большей части вымышленные любовные истории, Абдул словно исповедуется перед казнью, уподобляет себя красавице Шахерезаде, а Сарижат — падишаху Рашиду аль-Гаруну. Однако тема смерти в рассказе реализуется неожиданно и парадоксально: посещая парикмахерскую, каждый раз умирал и воскресал помолодевшим Абдул, а в действительности умирает Сарижат, которую, как догадывается герой,

из ревности к нему убил муж-бербер. После столкновения с ним герой постигает смысл своего имени и своего предназначения в жизни:

... только тут понимает, что значит по-настоящему любить и умереть... Впервые Абдул чувствует себя смиренным носителем своего имени — покоровившимся воле Всевышнего мусульманином [20. С. 184].

Герой рассказа «Чингиз-роман» (2004) называет себя Шихи Хутуху (Писчим Чингиз-хана) или Азат Кеше — свободным человеком. Каждый вечер он слышит неведомую стук-звезду и чувствует свою физическую силу и необходимость ее применить. В эти моменты агрессии, подобно первобытному человеку, герой нуждается в выплеске эмоций, например в драке. Он чувствует себя волком, воином, не хочет мыться и соблюдает Ясу — свод запретов и правил, в который запрещено вносить изменения. Дикий, необузданный герой живет первобытными принципами, соблюдает законы кочевников, но все меняется, когда он встречает Женю, которую сравнивает с женой Чингисхана Эржен Оэлун.

В душе героя происходит мучительная борьба между «природой» и «цивилизацией», между стихийным, жестоким и вместе с тем героическим образом жизни, с одной стороны, и пробудившимся чувством личности, индивидуальным началом, выражающимся в любви к женщине, которая воспринимается как предательство своего хана, — с другой. Череда вопросов отражает распад эпической целостности человека и намечает перспективу возможного несовпадения героя с избранной им позицией и ролью:

Неужели меня поглотила ее воздушная, как замок, лоскутная и холодная, как атласное покрывало, культура? Неужели я ей поддался? Восхитился? Начал подражать этой культуре? Отказался от Чингиз-поэзии? Стал подражать своим трусливым, беспомощным, слабовольным врагам? Стал таким же, как они? [21. С. 95].

В этой борьбе побеждает природная сила и воинственный дух человека степи. Герой отказывается от любви и женской ласки и вновь ощущает себя наследником хана, человеком, ведомым звездой, великим поэтом Шихи Хутуху. Этому процессу самоопределения и самоидентификации персонажа соответствует циклическая концепция времени и круговое движение с возвращением к исходной точке:

Чтобы на следующий год другой мальчишка, еще жеребенок, еще верблюжонок с молоком на губах, пришел на это самое место на пьяненьких ножках [21. С. 98].

Эмоционально-психологическое состояние героя, добровольно принимающего месть пятнадцати подростков, избивающих его, проецируется на законы мироздания и космоса, в изображении которого мифопоэтический аспект поглощает личностный:

И понял: этот стук зовет его вверх — к удали. Эта звезда влечет его в небо — к свободе. И, поддаваясь этому зову, он крикнет: «Ура! Руби!», — и пойдет, ощущая простор и бесшабашность в груди, крушить все на своем пути... Крикнет, зная, что нравится сверкающей звезде — там, в небесах. Что он вместе со звездой. И головокружительное ощущение великого духа переполнит его сердце... [21. С. 98].

Расширяющийся охват картины мира, идущий по вертикали, открывает космос, живущий по своим законам и осуществляющий свой смысл в соответствии с пред-

начертанной высокой целью — соединением частного и общего, неба и земли, верха и низа, статики и динамики, активности и пассивности, направленности вовне и углубленности в себя.

В рассказе «Мавр» (2005) сюжетообразующим элементом становится сон героя, создающий вероятностную, неопределенно-множественную модель мира, статуса субъекта и его судьбы. Вместе с тем повествование организуется в соответствии с жанровой стратегией притчи: создается внутренне единая и вневременная, телеологическая в своей универсальной замкнутости картина мира. Она устойчива, не случайна, провиденциально завершена. Герой, проходя через испытания и совершая выбор, постепенно постигает самого себя.

Игровые автоматы — определенная культурная реалья современной эпохи. Это разновидность игры, подобной рулетке или лотерее, в которой участники доверяются все разрешающему случаю, поскольку их воля и порыв к победе мало что решают или не решают ничего. Игра моделирует ситуацию поединка двух противников — «наивных отроков», надеющихся на удачу, и «прожженных пиратов»:

Втереться в доверие к одноруким бандитам можно было, став их рабом или на худой конец помощником в темных делах [20. С. 245].

Жажда личного успеха и самоутверждения толкают героя на игру с обстоятельствами, с законами внешнего мира. Он принимает предложение быть аттендантом, обслуживающим игровые автоматы, и становится «Юнгой»:

Будучи юнгой, я чувствовал себя вполне уютно и комфортно в прокуренном помещении в компании сомнительных личностей. Отныне моими спутниками стали морские волки, моряки-разбойники, прожженные бандюги [20. С. 244–245].

Герой, студент экономического факультета, смог подчинить иррациональную стихию игры рационалистическим расчетам — разгадал «психологию» автоматов и вскоре неожиданно разбогател. Мечтая стать капитаном и строя честолюбивые планы — открыть свое казино и объездить весь мир, — герой идентифицирует себя не с вором, а с разбойником и следует принципу: «С волками жить — по-волчьи выть» [20. С. 246].

Эта история получает вполне реалистическую социальную и психологическую мотивировку: бедность, поиски заработка, соблазн выиграть за одну монету целое состояние. Но оказывается, что достаточно не очень значительных сделок с совестью и уступок тщеславию, любви к комфорту, легкомыслию, чтобы силы зла поработили человека. Социально-психологическая конкретность и детерминированность происходящих во сне героя событий неразрывно связаны с мироощущением, допускающим вмешательство сверхъестественного в человеческую жизнь.

Воплощением злого Рока становится профессор логистики, которого студент называет Мавром:

Его изумрудные глаза, искрящиеся мужественностью, делали его безумно красивым, то есть безумным, а значит, красивым своей грозностью... И этот его грозный взгляд показался мне тяжелым, как гроздь винограда. И как же он не сочетался с

красными корсарскими шароварами, пестрой жилеткой, малиновым кушаком, татарской тюбетейкой [20. С. 248—249].

С момента встречи студента с Мавром в его жизни начинает действовать закон немотивированности, неожиданности, случайности, превращающий цепь событий в последовательность эксцессов: не сдал экзамен, потерял работу, оказался должен «грозным друзьям» значительную сумму денег и т.д. Но, начав читать «Книгу своей судьбы» — историю жизни финикийского пирата эпохи великих халифов, для того чтобы сдать экзамен по логистике, студент понимает, что все положения, в которые он попадает, характеризуются невозможностью выбора и решения, фатально детерминированы его судьбой.

Ситуация игры в шахматы с Мавром (это иной тип игры: здесь в отличие от автоматов участники должны использовать свои знания, интеллектуальные возможности) моделируется как конфликт двух неравных противников. Студент желает выиграть и сдать экзамен, хотя рискует при этом все потерять — быть исключенным из института. Мавр выступает как орудие Провидения — за ним стоят некие высшие силы. Он является носителем сверхзнания и предстает в ореоле моралистического назидания: объясняет герою, в чем состоит его вина и за что он подвергается наказанию:

... вы решили обмануть свою судьбу и выбрали наиболее дерзкий способ... Плохо в вашем поступке то, мой друг, что вы не покорились своей судьбе, а с помощью тайных знаний попытались изменить ее. Гордыня, мой друг, — страшный грех. Как и азарт, и алкоголь, и гашиш, и женщины, — мне ли вам говорить, что это такое! [20. С. 265].

Мавр дает религиозно-философскую интерпретацию проблемы соотношения недетерминированной свободы воли человека и его подчиненности фатальной цепи причин и следствий:

Выбор есть всегда. Даже под дулом пистолета. Аллах дает нам право выбора, дает возможность выбрать то, что соответствует душе [20. С. 268].

Профессор называет студента азартным человеком, поясняя:

Вот и азарт — от арабского «азар», или «зар», что означает игральные кости. И все эти вещи связаны с эйфорией. Человек, прикоснувшийся к ним, испытывает такой прилив эмоций, что хочет вновь и вновь их ощущать [20. С. 266].

В этом разговоре-поединке происходит внутреннее изменение героя — совершается его переход из одного жизненно-идеологического статуса в другой, смена точек зрения на жизнь. Из азартного человека, «пирата» он превращается в суверенного, инициативного, свободного от сверхличной мотивировки субъекта этического выбора: отказывается от predetermined Книгой убийства учителя и меняет свою судьбу. Тем не менее, в своих собственных глазах он — «школяр», человек, получивший важный жизненный урок.

Множественность обозначений персонажей рассказа: студент — attendant — разбойник — пациент с клинической патологией — молодой человек — финикийский пират — человек, «заблудившийся в темном лесу собственных страхов», и существо, ползущее к водопаду «на четвереньках, перебирая дрожащими рука-

ми и ногами и поджав хвост» [20. С. 255] — Сусанин — бродяга и т.д. — с одной стороны; мавр — доктор — профессор — страшный человек — маг, волшебник — философ-богослов — Али-Баба — экзаменатор — учитель — с другой, — связана с изменением социального статуса и эмоционально-психологических состояний героя-рассказчика. Гетерономинативность отражает также динамику самооценки персонажа и оценки им своего антагониста в различных ситуациях.

В повестях «Курбан-роман» (2006) и «Роман с жертвой» (2016), образующих своеобразных диптих, используется прием деконструкции культурных кодов как способ идентификации персонажей. Исследование особенностей функционирования в них мифологических сюжетов об Ибрахиме и Исмаиле и о Каине и Авеле показало, что герои не соответствуют своим прототипам, выходят за пределы обозначенного библейским сюжетом ролевого поведения [22].

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в прозе И. Абузярова важнейшим приемом идентификации персонажа становится его номинация, характеризующая его как представителя определенного этноса, типа культуры: бербер, бедуинка, факир, мавр и т.д. Подобный способ номинации персонажа выполняет различные функции: выявляет его социальный статус и ролевое поведение («Бедуинка», «Бербер», «Подстилка из соломинок»), раскрывает потенциал личности, круг ее жизненных возможностей, судьбу и назначение человека («Чингиз-роман», «Бербер», профессор в «Мавре», Марьяся в «Курбан-романе» и Марыйся в «Романе с жертвой»), отражает процесс его самопознания и самоопределения (студент в «Мавре», Юсуф в повести «Роман с жертвой»).

Другой способ обозначения персонажей строится по принципу «это-дейксиса», устанавливающего экзистенциальные отношения тождества, единства, взаимопроникновения человеческого, культурного, природного рядов («Бедуинка», «Подстилка из соломинок», музыкальные аллюзии в диптихе «Курбан-роман» и «Роман с жертвой»). Каждое из подобных определений содержит указание на тайну индивидуальности персонажей и очерчивает поле возможных интерпретаций личности героев.

Система номинаций в рассмотренных произведениях И. Абузярова обусловлена особым типом их субъектной архитектоники — повествование в большинстве из них (за исключением рассказа «Бербер») ведется от лица героя-рассказчика, поэтому важную роль играют его автономинации и обозначения им других персонажей, имеющие идентифицирующий и/или оценочный характер.

Два разных принципа обозначения персонажей соответствуют двум концепциям личности — функциональной, основанной на социальном статусе и ролевом поведении человека, и сущностной, строящейся на характеристике человека как центра самосознания, субъекта, обладающего свободной волей.

На выбор номинации персонажей влияет и жанровая природа рассказов И. Абузярова, имеющая гибридный характер: тексты произведений включают в себя элементы лирической медитации, волшебной сказки, мифа, притчи, анекдота,

фантазии и др., которые вводят в трансформированном виде разнообразные литературные и культурные эпистемы, создавая ризоматическую модель развертывания текста.

© Аmineва В.Р., Набиуллина А.Н., 2017

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Лейдерман Н.Л.* Русскоязычная литература — перекресток культур // *Русская литература XX—XXI веков: направления и течения.* Вып. 8. Екатеринбург, 2005. С. 48—59.
2. *Султанов К.К.* Русскоязычная литература как культурный феномен и объект исследования // *Stephanos.* 2016. № 3 (17). С. 154—162.
3. *Бурцева Ж.В.* Русскоязычная литература Якутии: художественно-эстетические особенности пограничья. Новосибирск: Наука, 2014.
4. *Москвин Е.* Песни на болоте // *Хронос. Всемирная история в интернете.* URL: <http://www.hrono.info/text/2011/moskv0411.php> (дата обращения 01.04.2017).
5. *Померанцев Д.* Пригоршня жемчужин / *Литературная Россия.* 27 января 2012 г. URL: <http://www.litrossia.ru/archive/item/5542-oldarchive> (дата обращения 01.04.2017).
6. *Уффельман Д.* Игра в номадизм, или Постколониальность как прием (случай Ильдара Абузярова) / пер. с англ. Н. Ставрогиной // *Новое литературное обозрение.* 2017. № 2. URL: <http://www.nlobooks.ru/node/8411> (дата обращения 01.06.2017).
7. *Berry E., Epstein M.* *Transcultural Experiments: Russian and American Models of Creative Communication.* New York: St. Martin's Press, 1999.
8. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М.: Искусство, 1986.
9. *Лотман Ю.М.* История и типология русской культуры. СПб.: Искусство—СПБ, 2002.
10. *Genette G.* *Palimpsestes, La littérature au second degré.* Paris: Seuil, 1982.
11. *Kristeva J.* 1980. *Desire in Language: A Semiotic Approach to Literature and Art.* New York: Columbia University Press.
12. *Семенов И.С.* Глобализация и социокультурная динамика: Личность, общество, культура // *Полис.* 2003. Вып. 3. С. 5—23.
13. *Глостанова М.В.* Постсоветская литература и эстетика транскulturации. Жить никогда, писать ниоткуда. М.: УРПС, 2004.
14. *Bhabha H.* *Nation and Narration.* London; New York: Routledge, 1990.
15. *Bhabha H.* *The Location of Culture.* New York, 1994.
16. *Derrida J.* 1980. *The Law of Genre* // *Critical Inquiry.* Autumn. Vol. 7. No. 1. Pp. 55—81.
17. *Lacan J.* *The Language of the Self: The Function of Language in Psychoanalysis.* Trans, by Anthony Wilden. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1998.
18. *Исакова И.Н.* Литературный персонаж как система номинаций. М.: МАКС Пресс, 2011.
19. Поэтическая ономастика. URL: <http://planeta-imen.narod.ru/litonomastika/main.html> (дата обращения 01.04.2017).
20. *Абузяров И.А.* Курбан-роман: рассказы. М.: Центр книги ВГБИЛ им. М.И. Рудомино, 2009.
21. *Абузяров И.* О нелюбви. Казань: Идель, 2016.
22. *Аmineва В.Р., Набиуллина А.Н.* Жертвенность и жертвоприношение в прозе И. Абузярова: деконструкция мифологических сюжетов // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* 2017. № 8 (74). В 2 ч. Ч. 2. С. 10—12.

Финансирование:

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Татарстан (проект № 16-14-16010).

История статьи:

Поступила в редакцию: 26.10.2017

Принята к публикации: 27.12.2017

Модератор: О.А. Валикова

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Аmineva V.P., Nabiullina A.N. Номинация как способ идентификации персонажа в прозе И. Абузарова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2018. Т. 15. № 1. С. 98—109. DOI 10.22363/2312-8011-2018-15-1-98-109

Сведения об авторах:

Аmineva Венера Рудалевна — доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Казанского (Приволжского) федерального университета. E-mail: amineva1000@list.ru

Набиуллина Аделя Наилевна — аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Казанского (Приволжского) федерального университета. E-mail: scar-sky@rambler.ru

NOMINATION AS THE WAY OF IDENTIFICATION OF A CHARACTER IN I. ABUZYAROV'S PROSE

V.R. Amineva, A.N. Nabiullina

Kazan Federal University
18, Kremlyovskaya str., Kazan, 420008, Russian Federation

The study is devoted to the work of the contemporary Russian writer I. Abuzarov, whose prose reveals the interaction of the traditions of Russian, European and Eastern cultures. This interaction is shown at the level of the world created in works of an image, their subject and composite structure, the existential and subject organization, figurative system, etc. The problem of interaction of different national traditions in an esthetic field of Russian-speaking literature which status causes discussions in modern literary criticism, is up to date.

The research is in a context of the ideas of transculturality and productive cultural “hybridism” which are actively developed in foreign and Russian literary criticism. Theoretically significant and not studied in the concrete historical plan aspect — research of the sphere of characters and system of their nominations is chosen. Two main ways of designation of the characters used by the writer which correspond to two concepts of the personality are defined and come from the genre nature of works and the principles of the organization of their subject sphere.

Key words: modern Russian prose, cultural border zone, poetic onomastics, cultural codes, concept of the personality

REFERENCES

1. Leiderman, N.L. 2005. Russkoyazychnaya literatura — perekrestok kul'tur [Russian-Language Literature as a Crossroads of Cultures]. *Russkaya literatura XX—XXI vekov: napravleniya i techeniya* 8: 48—59. (in Russ.)
2. Sultanov, K.K. 2016. Russkoyazychnaya literatura kak kul'turnyi fenomen i ob"ekt issledovaniya [Russian-Language Literature as a Culture Phenomenon and the Object of Study]. *Stephanos* 3 (17): 154—162. (in Russ.)
3. Burtseva, Zh.V. 2014. Russkoyazychnaya literatura Yakutii: khudozhestvenno-esteticheskie osobennosti pogranich'ya [Russian-Language Literature of Yakutiya: Artistic and Aesthetic Features of the Borderland]. Novosibirsk: Nauka. Print. (in Russ.)
4. Moskvин, E. 2011. Pesni na bolote [Songs on the Swamp]. *Khronos. Vsemirnaya istoriya v internete.* <http://www.hrono.info/text/2011/moskv0411.php> (Date of access: 01.04.2017). Web. (in Russ.)
5. Pomerantsev, D. 2012. Prigorshnya zhemchuzhin [Handful of Pearls]. *Literaturnaya Rossiya.* <http://www.litrossia.ru/archive/item/5542-oldarchive> (Date of access: 01.04.2017). Web. (in Russ.)
6. Uffel'man, D. 2017. Igra v nomadizm, ili Postkolonial'nost' kak priem (sluchai II'dara Abuzyarova) (per. s angl. N. Stavroginoi) [II'dar Abuziarov's. Postcolonial Play with Nomadic Masculinity]. *Novoe literaturnoe obozrenie. 2.* <http://www.nlobooks.ru/node/8411> (Date of access: 01.06.2017). Web. (in Russ.)
7. Berry, E., and M. Epstein. 1999. *Transcultural Experiments: Russian and American Models of Creative Communication.* New York: St. Martin's Press. Print.
8. Bakhtin, M.M. 1986. *Estetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of Verbal Creativity].* 2-nd ed. Moscow: Iskusstvo. Print. (in Russ.)
9. Lotman, Yu.M. 2002. *Istoriya i tipologiya russkoi kul'tury [History and Typology of Russian Culture].* St. Petersburg: Iskusstvo—SPB. Print. (in Russ.)
10. Genette, G. 1982. *Palimpsestes, La littérature au second degré.* Paris: Seuil. Print.
11. Kristeva, J. 1980. *Desire in Language: A Semiotic Approach to Literature and Art.* New York: Columbia University Press. Print.
12. Semenenko, I.S. 2003. *Globalizatsiya i sotsiokul'turnaya dinamika: Lichnost', obshchestvo, kul'tura [Globalization and Socio-Cultural Dynamics: Personality, Society, Culture]* *Polis* 3: 5—23. Print. (in Russ.)
13. Tlostanova, M.V. 2004. *Postsovetskaya literatura i estetika transkul'turatsii. Zhit' nikogda, pisat' niotkuda [Post-Soviet Literature and Aesthetics of Transculturation. To Live Never, To Write from Nowhere].* Moscow: URSS. Print. (in Russ.)
14. Bhabha, H. 1990. *Nation and Narration.* London; New York: Routledge. Print.
15. Bhabha, H. 1994. *The Location of Culture.* New York. Print.
16. Derrida, J. 1980. *The Law of Genre.* *Critical Inquiry.* 7(1): 55—81. Print.
17. Lacan, J. 1998. *The Language of the Self: The Function of Language in Psychoanalysis.* Trans. by Anthony Wilden. Baltimore: Johns Hopkins University Press. Print.
18. Isakova, I.N. 2011. *Literaturnyi personazh kak sistema nominatsii [Literary Character as a System of Nominations].* Moscow: MAKS Press. Print. (in Russ.)
19. *Poeticheskaya onomastika [Poetic Onomastics].* <http://planeta-imen.narod.ru/litonomastika/main.html> (Date of access: 01.04.2017). Web. (in Russ.)
20. Abuzyarov, I.A. 2009. *Kurban-roman: rasskazy [Kurban-novel: short stories].* Moscow: Tsentr knigi VGBIL im. M.I. Rudomino. Print. (in Russ.)
21. Abuzyarov, I. 2016. *O nelyubvi [About Non-Love].* Kazan': Idel'. Print. (in Russ.)
22. Amineva, V.R., and A.N. Nabiullina. 2017. *Zhertvennost' i zhertvoprinoshenie v proze I. Abuzyarova: dekonstruktsiya mifologicheskikh syuzhetov [Sacrifice and Immolation in Abuzyarov's Prose: Deconstruction of Mythological Plots].* *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki.* Tambov: Gramota. 8 (74): 10—12. Print. (in Russ.)

Funding:

The study was carried out with the financial support of the RFBR grant and the Government of the Republic of Tatarstan (Project No. 16-14-16010).

Article history:

Received: 26.10.2017

Accepted: 27.12.2017

Moderator: O.A. Valikova

Conflict of interests: none

For citation:

Amineva, V.R., and A.N. Nabiullina. 2017. "Nomination as the Way of Identification of a Character in I. Abuzyarov's Prose". *RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices*, 15 (1), 98–109. DOI 10.22363/2312-8011-2018-15-1-98-109

Bio Note:

Amineva Venera Rudalevna is a Doctor in Philology, Associate Professor at the Department of Russian and Foreign Literature of Kazan Federal University. E-mail: amineva1000@list.ru Senior Researcher at

Nabiullina Adelya Nailevna is a Post-Graduate Student at the Department of Russian and Foreign Literature of Kazan Federal University. E-mail: scar-sky@rambler.ru

DOI 10.22363/2312-8011-2018-15-1-110-117

УДК 81

НОВАЯ СЕТЕВАЯ ПОЭЗИЯ КАК ПРОСТРАНСТВО ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ

Ю.В. Бартош

Витебский государственный университет им. П.М. Машерова
Республика Беларусь, 210038, Витебск, Московский проспект, 33

В статье рассматривается языковая игра в пространстве сетевой поэзии. Цель работы — выявить наиболее распространенные виды языковой игры, реализуемые на морфологическом уровне языка. В фокусе исследования находятся модификации морфологических норм в сетевых поэтических текстах, размещенных на сайтах со свободной публикацией Stihi.ru и Графоманам.NET. На основании полученных данных среди наиболее частотных трансформаций были выделены контекстуальное изменение морфологических характеристик слова, замена категориальных признаков, создание атипичных неморфологических словообразовательных моделей.

Ключевые слова: сетевая поэзия, пространство языковой игры, механизмы создания языковой игры, намеренные отступления от норм

1. ВВЕДЕНИЕ

В последнее время языковая игра прочно вошла в повседневную жизнь: яркие рекламные ролики, необычные названия теле- и радиопередач, запоминающийся стиль журналистов, удачные шутки юмористов — все эти врезающиеся в память «коктейли из слов» и образов созданы благодаря «определенному типу речевого поведения, основанному на преднамеренном (сознательном, продуманном) нарушении системных отношений языка, т.е. на деструкции речевой нормы с целью создания неканонических языковых форм и структур, приобретающих в результате этой деструкции экспрессивное значение и способность вызывать у слушателя/читателя эстетический и, в целом, стилистический эффект» [1. С. 657]. Словесное экспериментирование уверенно вошло в повседневную жизнь, а это подразумевает, что пространство языковой игры расширяет границы и практически соизмеримо с коммуникативным пространством в целом.

Под пространством языковой игры мы понимаем коммуникативную среду/речевую ситуацию, в рамках которой говорящий/пишущий, креативно «модифицируя» нормы языка, находит понимание у говорящего/читающего, обладающего достаточными знаниями, чтобы оценить творческое усилие автора. При этом в рамках данной среды обязательно присутствует понимание: адресант видит, что его творческое усилие понято и оценено адресатом. В статье ставится цель

выявить наиболее распространенные виды языковой игры, реализуемые на морфологическом уровне языка в сетевых поэтических текстах, размещенных на сайтах со свободной публикацией Stihi.ru и Графоманам.NET. Мы ставим следующие задачи: исследовать намеренные отступления от морфологических норм, выявить наиболее частотные из них, а также изучить механизмы наделения слов несвойственными им морфологическими характеристиками.

2. ОБСУЖДЕНИЕ

В связи с появлением моды на языковую игру в заголовках газет, рекламных текстах на билбордах, в блогах, в речи телеведущих и даже в повседневной речи (с намеком на неординарность) грань между «ошибкой» и «другой нормой» начинает стираться, понятие грамотности становится относительным, что усугубляется влиянием интернета на образовательное пространство. В этом ключе важно исследовать все существующие механизмы создания языковой игры, чтобы учесть и подкорректировать нюансы обучения орфографии в образовательном процессе.

Существует немало работ, в которых анализируются целенаправленные отступления от норм (труды Н.Д. Арутюновой, Т.А. Гридиной Е.А. Земской, Б.Ю. Нормана, С.Ж. Нухова, В.З. Санникова и др.). Однако, как правило, они посвящены анализу наиболее продуктивных типов языковой игры (чаще встречающихся, из которых впоследствии легко выстраивается «игрообразовательная» модель), в то время как редко используемые (экспериментальные, нетипичные) случаи остаются малоисследованными, что делает нашу работу актуальной.

Языковая игра имеет свои особенности в разных типах дискурса. Так, рекламные тексты, к примеру, пишет специалист с соответствующим образованием, используя выработанные образцы-алгоритмы, связанные с наиболее легко воспринимаемыми видами языковой игры. В поэтических же текстах языковая игра наблюдается на всех уровнях языка и алгоритмы создания асимметрии языковых знаков более разнообразны. Особенно это касается потенциалов морфологических характеристик слов. На драматическом фоне поглощения грамматики коммуникацией следует принять ее самоценность при порождении языковой игры.

Морфолого-синтаксический способ словообразования — переход одной части речи в другую — происходит в современном русском языке по строго определенным моделям. В поэтических текстах интернет-авторов наиболее частотен контекстуальный переход слова в другую часть речи, который можно объяснить не словообразовательными процессами, а ситуативным изменением морфологических характеристик слова в конкретном контексте: «Ты теряешь часы *на смирение*, я — *на пожить*» («Солнце кровью из носа заляпало весь небосвод», Саша Бес). Здесь предлог «на», употребленный перед инфинитивом, свидетельствует о субстантивации, в большей степени характерной для отглагольных существительных, чем для неопределенной формы глагола. Однако синтаксический параллелизм в сочетании с предлогом «на» способствует восприятию инфинитива «пожить» в качестве существительного в данном контексте. Морфологические отступления

могут проявиться и в том, что сочетание нескольких слов становится именем собственным, ср. у Руслан Глюк-Фонарь в «Ктой»:

Ктой, что звала не мя
На свет луны.
Ктой — где страна из снов
И страха моего.
Так не этом...
Девять ступеней. Подъезд.
Ищи дурака, *Ктой*.
Ищи, как ловила ветра в поле.
Ищи, *Ктой!* [2].

В словосочетаниях, связанных согласованием, порой опускается главное слово, зависимое получает роль главного (чаще всего существительного), благодаря этому текст приобретает необычайную образность, экспрессивность и емкость. Недосказанность заставляет читателя домыслить недостающее; этим приемом пользуется Фло Мастер в большинстве стихотворений. Приведем несколько строк из «Психоскопии» [2]:

Ты не хочешь быть на *четырнадцатой* в моем паспорте,
висеть на *безымянном*, а просто властвовать,
строить, выравнивать меня вплоть до электронов,
а я мечтаю быть *твоим*. Единственным стоп-кодоном...

Без слов «странице», «пальце», «мужем» смысл остается понятным, однако употребление «четырнадцатой», «безымянном», «твоим» в роли существительных создает особое напряжение, языковая игра здесь носит не комический, а экспрессивный характер. Аналогичный пропуск наблюдается у И-Юль в «беспроводное»:

И нет звонков, ни от кого, но ведь и от тебя.
Перекину *наплевательское* — за плечи [2].

Намеренный пропуск существительного «отношение» обращает наше внимание на несоответствие предложно-падежного управления в словосочетании «перекинуть через плечо», и появляется дополнительный оттенок: «за плечами — только наплевательское отношение».

По такому же принципу происходит пропуск слова «полосу» в «брюссельском синдроме» автора с ником Сид Вэйн (соавтор — Сапай Ким): «гносно. / я не шучу. / мне нужно / *разделительную* / срочно. / вглубь. / в голову. / точно»; слова «пальцами» у Олеси Первушиной в «Я свидетель, я поправляю очки»: «ни метронома пульса в побелевших кончиках ногтей / на *указательном* и *большом*»; слова «ребро» у Эмили Тэйлор в «память стирает границы, я не актриса, я за кулисами»: «я пред тобою, боже / *левое* всегда тревожит и спать не дает»; слова «день» у автора Дара Ветерв «про пятницу»: «Я бы е*ашила, как трудоголик, а на *седьмой* / Печали топила в мешке, как слепых котят»; слова «путешествие» у Дэлунa в “*friture morte*” (в *кругосветное* собралась / халва) и т.д. [2].

Тем не менее эллиптированный элемент не всегда восстанавливается легко, нередко возникают две ассоциации, как, например, в «брюссельском синдроме» (Сид Вэйн, соавтор — Сапай Ким):

...В одной позе.
не реагируя на *внешние*,
внутренних-то нет.
Абсолютное спокойствие.
Идеальная защита от всех [2].

Как минимум прилагательные «внутренние» и «внешние» устойчиво сочетаются с существительными «раздражители» и «обстоятельства» (существительные «фактор», «сила» исключаются ввиду несовпадения по валентности с глаголом «реагировать»). В результате пропуска появляется подтекст: обстоятельства являются раздражителями.

Данный материал позволяет нам сделать следующее обобщение: интернет-авторы используют атипичную (ситуативную) модель морфолого-синтаксического способа словообразования в языковой игре для создания экспрессивности, образности. «Рваный» текст, эллиптирование синтагматически значимого слова и, как следствие, принятие зависимым словом на себя несвойственных морфологических (вкуче с синтаксическими) функций заставляют читателя «спотыкаться» при чтении и воспринимать образ объемно.

Но этим использование морфологических свойств слова в интернет-поэзии не ограничивается. Наблюдаются случаи, когда морфологическая характеристика слова искажается. Например, автор может употребить в форме множественного числа существительное *singularia tantum* («люк открыл и в люди / вышел в космос всяческих *ерунд*» у Галы Цзы Глюк в стихотворении «осень», «и я тону / в слоях своих бесцетных *кож*» у Чайка Чурсина, «В *небы* — Месяц, / как с ветки — зяблик» у Палада, «Какие ужасные *кИны* мы видим по наш тиливизер!» у Сирожа Боцманков, «Даже звезды *эскимами* тают» у Д.В. Коваленко и др.); поэт иногда намеренно изменяет род существительного: «бедный фортепьян» у Barry Vershov, «*Села* задом на песок / *Кенгура*» у Константина Терещенко, «.../43 осколка мыслей медленно кладутся на асфальт / Каждая *осколка* помнит.. больше, / Чем все те, что перестали заезжать» («Заметно. 44», Руслан Глюк-Фонарь), у Francis Irwin в «Хармсобострениии» солнце относится к ж.р.:

выходила солнце утром
в переулках на дыбы
во дворишке пела утлом
белокаменной избы [3].

Интернет-автор может добавить слову «чужую» морфологическую характеристику. В частности, наблюдается наделение слова сравнительной степенью, которой в литературном языке у него не существует: у относительного прилагательного (Анна Брандт: «И нет петровской бронзы *бронзовее*», Ольга Силаева: «Сентябрит. Все — грустней и *золоче*»), у модальных слов (Константин Потапов: «то что было нельзя / с каждым днем *нельзяй*», Мельников В.И.: «можно и *можнее*»),

у числительного (ВОЈ: «да дважды два и щяс четыре / но раньше было *четырей*»), у наречия:

Выкричи мне молчание свое в прощанье искренне
потоскливей крикни
поласковой
пожуравлей [2].

Степенью сравнения может быть наделено даже существительное, и оно, в свою очередь, начиная восприниматься как прилагательное в сравнительной степени, усиливает метафору, связанную с лексемой «новорожденной» формы слова. Например, у автора Собака Павлова-Леха Недлинский в «Лексикология как средство психотерапии» «стать морее» означает «стать ближе к морю, узнать больше о морской тематике» («олбанская» орфография сохранена):

Это дураковалянье —
Просто умственное средство
Стать на чуточку *морее*
В Гугле выеснив про вант [3].

Наши наблюдения показывают, что данный тип языковой игры достаточно популярен среди сетевых авторов, так как для его понимания читателям не требуется дополнительных лингвистических знаний, природное языковое чутье подсказывает читателю, что перед ним — языковая аномалия, причем специально созданная.

Помимо сравнительной степени, сетевые авторы могут «лжеобразовывать» и другие формы. Например, автор с ником Эээ-Какеготам из существительного «создал» деепричастие, воспользовавшись созвучностью с квазиомоформой:

...Под окном белеют
кости батареи
ребра *батарея*
требуют тепла...
(батарея в данном случае
деепричастие («Козяфка»)) [2].

Наречия тоже подвергаются изменениям: теряют свой главный признак — неизменяемость, отчего читатель воспринимает их как существительное с разговорным и/или комическим оттенком: «Мы уходили *не в туду*», «Но понимали — *не в туды!*» у Хоть Горшком Назови в «Мы уходили не туда», вследствие чего последний вариант изменений наречия «туда/оттуда» — «Мы уходили *оттудось!*» — также воспринимается как элемент языковой игры. Или же у Михаила Марусина в «С утра» модальное слово «нельзя» субстантивируется и получает окончание родительного падежа существительного:

А мы с утра пойдем в музей
больших и маленьких *нельзей* [3].

Реже встречаются иные морфологические отклонения: глагол, не имеющий в современном языке формы повелительного наклонения, может «приобрести» ее

в определенном контексте; существительное может получить несвойственный ему падеж или вовсе из нулевого склонения перейти в одно из трех традиционных; прилагательное / причастие получает нехарактерную для него полную / краткую форму (Francis Irwin, «Перу»):

...НО
вы поутру
увезите меня в Перу
улетите, уйдите меня на чем-нибудь
<...>
профилем мать Тереза
фасом пейзаж пасторальный
(если бы..)
во мне метастазы-метаморфозы
заборы во мне, занозы
заразы, даже за несколько раз,
занос, зауши, зарты и заглаз ...[3].

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Поскольку морфология — наиболее консервативный уровень языковой системы, именно игра с ее формами способна придать наиболее экспрессивную окраску, породить особый комический эффект, привлечь внимание и к форме, и к содержанию поэтического текста, равно как и к их взаимной асимметрии. При этом не все авторы, размещающие свои поэтические тексты на сайтах со свободной публикацией, владеют мастерством и техникой языковой игры на морфологическом уровне. Более того, человек, воспринимающий такого рода языковую игру, должен обладать значительными языковыми знаниями, иначе адресат не заметит отклонения от нормы как минимум и как максимум не установит его мотивированность.

Среди множества разновидностей языковой игры, которые используют сетевые авторы, намеренные морфологические отклонения малоупотребительны (даже эпизодичны), встречаются ощутимо реже остальных видов и у достаточно ограниченного круга авторов (Саша Бес, Francis Irwin, Фло Мастер, Дан Кешон, Евгений Журавли и некоторые другие). При детальном изучении были выявлены такие модификации морфологических норм, как контекстуальное изменение морфологических характеристик слова, искажение категориальных признаков, создание атипичных неморфологических словообразовательных моделей.

© Бартош Ю.В., 2017

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Стилистический энциклопедический словарь русского языка [электронный ресурс] / под ред. М.Н. Кожиной. 2-е изд., стереотип. М.: Флинта; Наука, 2011. URL: <http://uchitel-slovesnosti.ru/slovari/10.pdf> (дата обращения: 06.04.2017).
2. Стихи.ру. URL: <http://www.stihi.ru> (дата обращения: 06.04.2017).
3. Графоманам.НЕТ . URL: <http://grafomanam.net> (дата обращения: 06.04.2017).

История статьи:

Поступила в редакцию: 25.12.2017

Принята к публикации: 09. 01.2018

Модератор: О.А. Валикова

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Бартош Ю.В. Новая сетевая поэзия как пространство языковой игры // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2018. Т. 15. № 1. С. 110—117. DOI 10.22363/2312-8011-2018-15-1-110-117

Сведения об авторе:

Бартош Юлия Васильевна — аспирант Витебского государственного университета им. П.М. Машерова. E-mail: lulka8bar86@mail.ru

NEW INTERNET POETRY AS A SPACE OF LANGUAGE GAMES

Ju.V. Bartosh

Vitebsk State University named after P.M. Masherov
33, Moskovskij prospect, Vitebsk, 210038, Republic of Belarus

The article deals with a word game phenomenon in the space of the Internet poetry. The aim of the paper is to identify the most common types of word (in general — language) games that affect the morphological level of language. In the focus of our study are different modifications of morphological norms in the Internet poetry texts posted on Stihi.ru and Graphomanam.NET (free publication sites). On the basis of the obtained data, the most frequent transformations are identified, including contextual change in the word morphological characteristics, distortion of categorical features and creation of atypical non-morphological word-building models.

Key words: Internet poetry, the space of a word game, mechanisms of word game, intentional deviations from language norms

REFERENCES

1. Stilisticheskij enciklopedicheskij slovar russkogo jazyka [Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language] Ed.by. *M.N. Kozhina*. The 2-nd ed. Moscow: Flinta; Nauka, 2011. Web. URL: <http://uchitel-slovesnosti.ru/slovari/10.pdf> (data obrashhenija: 06.04.2017).
2. *Stihi.ru* [Poems]. URL: <http://www.stihi.ru> (data obrashhenija: 06.04.2017) [Stihi.ru. Available at: <http://www.stihi.ru> (accessed 6 April 2017)].
3. *Grafomanam.NET*. URL: <http://grafomanam.net> (accessed 6 April 2017) [Grafomanam.NET. Available at: <http://grafomanam.net> (accessed 6 April 2017)].

Article history:

Received: 25.12.2017

Accepted: 09. 01.2018

Moderator: O.A. Valikova

Conflict of interests: none

For citation:

Bartosh, Ju.V. 2018. “New Internet Poetry as a Space of Language Games”. *RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices*, 15 (1), 110—117. DOI 10.22363/2312-8011-2018-15-1-110-117

Bio Note:

Бартош Юлия Васильевна — аспирант Витебского государственного университета им. П.М. Машерова. E-mail: lulka8bar86@mail.ru

DOI 10.22363/2312-8011-2018-15-1-118-127

ВИТАЛЬНОСТЬ РУССКОГО ЯЗЫКА И РУССКОЯЗЫЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

И.Д. Тодорова

Российский университет дружбы народов
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

В статье осуществлена попытка осмысления витальности/жизнеспособности русского языка сквозь призму русскоязычной (транслингвальной) литературы, создаваемой нерусскими по происхождению авторами. Под витальностью мы понимаем способность языка к выживанию, развитию, сохранению своих системно-типологических свойств. По мнению социолингвистов, витальность языка поддается измерению, в процессе которого учитывается ряд параметров: социально-политические, социально-демографические, собственно лингвистические, социально-функциональные, национально-культурные. Настоящая работа сосредоточена на особом параметре измерения витальности русского языка — русскоязычной литературе. По нашему убеждению, русскоязычная литература (альтернативная дефиниция — транслингвальная литература) представляет собой сложное взаимодействие двух (или более) языковых систем, продуцируя семантически и структурно обогащенное смысловое поле. Корпус транслингвальных художественных текстов, в свою очередь, представляет собой базу данных, аккумулирующих и развивающих потенции русского языка. Основные методы: дедуктивный и оценочно-описательный (дескриптивный).

Ключевые слова: витальность языка, параметры измерения витальности языка, русскоязычная (транслингвальная) литература

1. ВВЕДЕНИЕ

Подвергая изучению тему витальности (жизнеспособности) русского языка, исследователь прежде всего обратится к специальным словарям в поисках наиболее полного определения термина. Из трех словарей (Словарь социолингвистических терминов. Москва, 2006; Словарь социолингвистических терминов. Астана, 2007; Словарь терминов межкультурной коммуникации. Москва, 2013), к которым обратился автор настоящей статьи, наиболее расширенное толкование содержит словарь, изданный в Астане в 2007 году [1].

Витальность языка в данном словаре определяется как «жизнеспособность (жизненность), выживаемость, устойчивость, способность языка к выживанию и развитию», которая измеряется совокупностью объективных и субъективных параметров [1. С. 298].

К наиболее важным параметрам измерения жизнеспособности языка социолингвисты относят следующие: социально-политические; социально-демографические; собственно лингвистические параметры; социально-функциональные; национально-культурные.

Среди **социально-политических параметров** группа известных казахстанских ученых — авторов данного словаря (Э.Д. Сулейменова, Н.Ж. Шаймерденова, Ж.С. Смагулова, Д.Х. Аканова) выделяют следующие: осуществление целенаправленной языковой политики в области статусного планирования языка и корпусного планирования языка; наличие государственных программ поддержки и развития языка, развитие социальной инфраструктуры полноценного функционирования языка (образовательные учреждения, органы печати, радиосеть, телекомпании и телепрограммы, книгоиздание и т.п.) и др.

К **социально-демографическим параметрам** ученые относят число носителей конкретного языка в отношении с общей численностью данной этнической группы, число носителей языка (как родного языка) среди младшего поколения, соотношение числа билингвов и монолингвов (носителей данного языка), степень двуязычия среди носителей конкретного языка и др.

Собственно лингвистические параметры подразумевают наличие литературного языка, степень разработанности и стабильности языковой нормы как совокупности унифицированных, устойчивых и обязательных реализаций, внутрисктурные параметры (скорость распространения языковых инноваций, устойчивость языка к иноязычному влиянию, наличие отраслевых терминологий, динамика развития лексикона и др.), наличие диалектов и их отношение к литературному языку и др.

К категории **социально-функциональных параметров** социолингвисты относят количество функций языка и интенсивность его использования в наиболее важных сферах жизни общества, прежде всего в образовании (основной сфере формирования языковой компетенции), науке (гуманитарной и естественно-технической), СМИ, административной деятельности и делопроизводстве, судопроизводстве, промышленных предприятиях и других сферах производства.

Среди **национально-культурных параметров** выделяют национальное искусство, театр, кино, религию, различные виды литературы (художественной, лексикографической, религиозной, деловой, учебной, терминологической и пр.), традиционные промыслы и др. [1. С. 298—299].

Как видим, в некоторых пунктах косвенно затрагиваются те или иные стороны (книгоиздание; билингвы, степень двуязычия) особого параметра, которому посвящена настоящая работа, а именно феномену так называемых билингвальных и/или транслингвальных поэтов/писателей, создающих русскоязычную литературу.

В настоящей работе под русскоязычной литературой понимается совокупность художественных текстов (проза, поэзия, драма, в том числе автоперевод), созданных нерусскими авторами на русском языке, т.е. та литература, которая практически не подпадает под определение «национальная литература». Как представляется, эту литературу следует рассматривать как особый параметр измерения витальности русского языка.

2. ОБСУЖДЕНИЕ

До сих пор ученые и литераторы, писатели и критики не пришли к единому взгляду на данный феномен. Русскоязычная литература после 1991 года довольно

часто определяется в работах филологов как *билингвальная* или *транслингвальная*. В трудах некоторых ученых, например М.М. Ауэзова, русскоязычная литература дефинируется как *русскоязычная ветвь национальной литературы*. Опираясь на исторические факты, в частности англоязычную литературу ирландского этноса («К примеру, ирландский этнос, давший англоязычной литературе таких писателей, как Свифт, Гольдсмит, Лоренс Стерн, Оскар Уайльд, Бернард Шоу, Джордж Мур, Джеймс Джойс, вот уже несколько столетий не имеет литературы на ирландском языке» [2. С. 111]), М.М. Ауэзов отмечает, что подобные исторические факты свидетельствуют о формировании *особого типа личности* — «*маргинальной*». Подобный тип личности способен к восприятию культуры как изнутри, так и извне, в крупном масштабе; он предрасположен к целостному пониманию этнической культуры, ее состояния и перспектив в соотношении с другими культурами. «Благодаря этому качеству маргинальные личности неоднократно исполняли в истории роль активных деятелей как в развитии одной, отдельно взятой культуры, так и в процессе ее взаимосвязей с другими культурами» [2. С. 108].

С точки зрения известного южно-осетинского ученого Н.Г. Джусойты (1925—2017), русскоязычную литературу нельзя назвать национальной ни по языку, ни по этническому происхождению автора, т.е. раз и навсегда прикрепить ее к русской (национальной) литературе или литературе другого народа, к которому принадлежит писатель по праву рождения [3]. Так или иначе эта литература создается на русском языке.

До распада единой советской культурно-исторической общности (1991) русскоязычная литература исследовалась в контексте многонациональной советской литературы, в том числе в рамках *теории ускоренного развития младописьменных литератур* (Г.Д. Гачев и др.). После 1991 года, несмотря на то, что понятия «многонациональная советская литература», «ускоренное развитие младописьменных литератур» постепенно забывались, круг исследователей этого объекта не сузился, а, напротив, расширился (В.Р. Аминева, М.М. Ауэзов, У.М. Бахтикиреева, О.А. Валикова, Г.Г. Гамзатов, С.А. Гринберг, М.М. Джусупов, Н.М. Джусупов, Е.И. Зейферт, И.Т. Какильбаева, Е.Н. Кремер, З.А. Кучукова, Н.Л. Лейдерман, А.В. Подобрий, А.И. Смирнова, М.В. Глостанова, Р.О. Туксаитова, А.Б. Туманова, И.С. Хугаев, Г.Т. Хухуни, Э.Ф. Шафранская и др.).

Исследуя истоки русскоязычной литературы, У.М. Бахтикиреева в своей монографии подробно останавливается на трудах разных авторов, посвятивших свои работы данной проблематике (А.С. Пушкин, Г.Д. Гачев, В.Д. Оскоцкий, Н.Л. Лейдерман, Ш. Мазанаев, Т. Толстая и др.). Так, в монографии У.М. Бахтикиреевой отмечается, что Г.Д. Гачев начинал активно исследовать феномен русскоязычной литературы с 1970-х годов. «На периферии российского региона, как и на периферии античного: Эллады и Рима, — их культурой и языком воспользовавшись, складывается и растет-крепнет могучая культура — творчество. Она — на русском языке, но и *сверх-русская* (или «*недо-русская*», как иные считают пуристы?...). Использовал мировой Дух (Гегеля если схемой воспользоваться) для своих целей русский язык и его великую литературу — и пошел сим Словом орошать и плодотворить; а новообращенные в него свою живую кровь и Эрос вливают... Так что

русский язык перестал совпадать с Россией. И давно уже этот процесс идет...» (выделено нами. — И.Т.) [4. С. 39].

Ученый подчеркивает, что такая литература «таит в себе как бы двуплановое содержание, и выявить его целиком можно лишь, если рассматривать его одновременно в двух рядах: в ряду: 1917—1961 и в ряду: начало истории человечества — 1961» [цит. по: 4. С. 39].

Начало истории человечества (человечности — прим. авт.), о котором писал Г.Д. Гачев, очевидно, связано с национально-освободительным движением стран-колоний Азии, Африки и Латинской Америки. Это движение сопровождалось многочисленными встречами разного уровня, посвященными в том числе и осмыслению художественной литературы этих стран, созданных на языке метрополии («языке колонизатора»). Такие форумы проходили и в СССР.

Спустя десятилетие Г.Д. Гачев отмечает, что сосуществование в советском обществе литератур, отражающих художественные образы иных культур, не наблюдалось «ни в одной стране в мире». Осмысление и описание этого объекта необходимо уже потому, что оно способствует более глубокому пониманию закономерностей литературы в целом [4].

Распад Советского Союза стал своего рода бифуркационной точкой. Исследования русскоязычной литературы «старого образца» уступают место новым эпистемологиям. Стали появляться работы, в которых прежнее понятие «советская литература» подвергалось критическому осмыслению (например, «монстр, гибрид, “советской литературы”» (Т. Толстая).

Как и бывает при смене культурно-исторических эпох, произошел сдвиг в осмыслении этого «гибрида» — русскоязычной (нерусской, «ничейной») литературы. Известный писатель Т. Толстая в середине 1990-х характеризовала русскоязычную литературу как «странный и небывалый сплав», который стал пониматься как часть советской литературы.

Создававшаяся нерусскими по происхождению авторами литература на русском языке вызывала вопросы и острые дискуссии. “Despite the exponential growth of transcultural/translingual studies in recent decades, phenomenon of literary translingualism is still open to question. Specifically, it has been suggested that translingual practices in literature are equivalent to a “cultural bomb” that make minority ethnic groups forget their “names”. Translinguism is as old as the mythical Babylon itself. But if in the usual communication the translingual practices are evaluated rather positively (as the strategy of cooperation with the Other, the pledge of communicative luck), so from the point of view of the creative discourse the opinions of both writers and researchers are ambiguous” [5. P. 391].

Распадавшаяся на «этнодома» советская культурно-историческая общность находилась в процессе подъема национального самосознания, что не могло отразиться на литературе и непосредственно на оценке ее. Вопрос соотношения художественных текстов русских и русскоязычных писателей с той или иной национальной культурой был одним из самых актуальных в тот период. Так, дагестанский исследователь писал, что, несмотря на точность А. Бестужева-Марлинского, «автора произведений на дагестанскую тематику “Акмаллат-Бек”»,

«Мулла-Нур» и т.д. — он не может считаться национальным писателем Дагестана» [6].

По мнению Ш. Мазанаева, достаточно много споров вызывают произведения русскоязычных писателей нерусского происхождения. Армянка Мариэтта Шагинян, грузин Булат Окуджава, кореец Анатолий Ким, еврей Эммануэль Казакевич, татарин Михаил Львов, башкир Анатолий Генатуллин в восприятии читателя — русские писатели, хотя в их произведениях ярко ощущаются следы нерусского происхождения — как на уровне языка и стиля, так и в специфике выбора тем, проблем и изображения характеров [6].

Известный литературовед и критик В.Д. Оскоцкий, отмечает, что сближение с инонациональными литературами и культурами, соприкосновение с ними, вхождение и погружение в них наложили неустранимую печать и на творчество русских писателей, а значит, на саму русскую литературу. Сожалея о сужении переводческой деятельности после распада советской общности, В.Д. Оскоцкий отмечает, что расширение читательской аудитории стало одним из стимулов национального литературного процесса, выработав свои закономерности, отличительные параметры и свойства. Советская литература не представляла собой сумму слагаемых литератур, а была явлением намного более сложного порядка [7].

В начале нового века в «Мире русского слова» появляется статья известного и авторитетного ученого — литературоведа Н.Л. Лейдермана (1939—2010), посвятившего большое количество работ феномену русскоязычной литературы. Ученый, как нам представляется, с большим сожалением пишет о том, что «мы даже не умеем ценить то великолепное культурное явление, которое родилось на почве духовного сообщения разных народов, что волею судьбы были собраны в российском государстве. Я имею в виду так называемую “русскоязычную литературу”; поразительный феномен, подобно которому нет, кажется, в мире» [8. С. 61—62].

Представленные позиции являются достаточно репрезентативными для понимания феномена русскоязычной литературы, исследуемой в настоящее время практически во всех постсоветских странах (исключая страны Балтии). Дискуссионной остается данная проблематика для исследователей внутри Российской Федерации, в ее субъектах. Об этом свидетельствуют как научные труды (монографии, книги) последних двух десятилетий (Г.Д. Гачев, Н.Г. Джусойты, Н.Л. Лейдерман, М.В. Тлостанова, И.С. Хугаев и др.), так и диссертационные исследования и отдельные работы (В.Р. Аминова, У.М. Бахтикиреева, О.А. Валикова, Г.Г. Гамзатов, Е.И. Зейферт, Е.Н. Кремер, А.Б. Цырендоржина и др.).

В исследовательских работах современных филологов определяются истоки русскоязычной литературы [9], русскоязычное творчество нерусских авторов рассматривается как актуальная междисциплинарная проблема (У.М. Бахтикиреева) [10].

В контексте представленных выше позиций важным представляется отметить особую точку зрения русского ученого-системолога к данной проблематике. Речь идет о Г.П. Мельникове, обратившем внимание на необходимость изучения русскоязычных текстов нерусских авторов. Феномен создания русскоязычной литературы представлялся ученым уникальным явлением, в частности, «не будучи русским», писатель приобщал русских к «образности и переживаниям, мироощу-

щению» других народов. Совмещение двух языковых стихий, двух разных систем образов порождает особый текст, в процессе создания которого нерусский автор «находит из еще ненайденных русских средств такие, которые приспособлены для выражения образов» иных культур» [4. С. 4–5].

Иными словами, русскоязычный автор, четко разграничивая особенности двух культур и языков, их обслуживающих, использует язык творчества для передачи значений, важных с точки зрения этнического языка.

При сравнении способов выражения одного и того же образа, элемента окружающей действительности русскоязычный писатель различает систему значений данных языковых культур, семантические характеристики языковых единиц двух различных систем.

Речь идет о специфической и целенаправленной коммуникативной деятельности, которая, как любой другой вид деятельности, регулируется определенной моделью поведения [4]. Создаваемые русскоязычными авторами художественные тексты отражают особый лингвокреативный способ осмысления окружающей действительности, своеобразное мироощущение ментальности, синкретизировавшее в себе архетипы культуры этноса, к которому он принадлежит по праву рождения (этнокультурный код нации) и возможности русской языковой системы, способной передавать этнокультурный код иного народа.

Русскоязычные тексты можно рассматривать как богатейший материал для более глубокого понимания особой функции русского языка в историческом процессе — быть одним из средств выражения образов иных культур [4]. Благоприятным материалом для этого служит заимствования из этнического языка русскоязычного автора, лексика с национально-культурным компонентом семантики, безэквивалентная и относительно безэквивалентная лексика, использованная в русскоязычном тексте. При этом семантические или стилистические изменения, приносимые этими лексическими группами, не влекут за собой изменений, способных существенно повлиять на диахроническую трансформацию информационного кода русского языка.

Как видим, лингвисты (а не только литературоведы) считают, что в русскоязычной художественной литературе запечатлен особый русский язык, который следует подвергать исследованиям. Кроме того, как показывают работы лингвистов, русскоязычные художественные тексты доказывают своим существованием *высокую степень кодифицируемости русской языковой системы* [4. С. 241].

В последние годы в некоторых российских научных журналах отмечается, что интерес к текстам и литературе, в целом написанной на языке метрополии, все более актуализируется.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Русскоязычная литература — совокупность художественных текстов (проза, поэзия, драма, в том числе автоперевод), созданной не русскими авторами на русском языке. Это литература не национальная, а транснациональная и транслингвальная: “The significance of the term ‘translingualism’ indicates a new quality of texts (including literary texts) that cannot be identified as ‘bilingual’ or ‘monolingual’.

Translingual text implies a lack of clear boundaries between the contacting languages, as well as specific integration of linguistic resources within the literary whole thing” [11. P. 222]. Как полагают исследователи [5], это само измененное состояние глобальной семиосферы, вызванное мощными информационными потоками в обществе. Если рассматривать транс как защитный механизм коллективной психики, благодаря которому происходит «внутреннее переконструирование» образов мира, то «транс» культуры — это способ ее самосохранения, «растяжения» и усиления границ одновременно. Это предполагает следующее.

1. Локальные культуры, находящиеся под давлением культур «глобальных» (и их языков), функционируют в «смешанном дискурсе», внутри которого циркулируют элементы различных языковых и культурных систем.

2. Локальные культуры зачастую уходят в интроспекцию, в этническое воображаемое, память народа, архетипический субстрат этноса, чтобы противостоять вынужденной унификации со стороны глобального социума. При этом средством вербальной трансляции этнокультурного содержания нередко становится более широкий в функциональном отношении язык-посредник (английский, русский и др.). В подобных условиях и зарождается транслингвальная литература.

3. Кризис «конца локальности» (о котором рассуждают Делез, Глаттари, Баба, Глостанова) индуцирует переход мыслящих субъектов эпохи постмодерна в «пространство вненаходимости», внедомности, «культурной ловушки». Это ощущение можно описать формулой «ни тут, ни там» (А. Шмидт), когда личность занимает промежуточное положение на «перекрестке культур», не входя ни в одну из них как в среду своего обитания» [5].

Можно говорить о том, что русскоязычная литература относится почти ко всем параметрам измерения витальности русского языка: *социально-политический параметр* — книгоиздание; *социально-демографический параметр* — билингвизм, степень двуязычия; *собственно лингвистические параметры* — внутрискруктурные параметры (скорость распространения языковых инноваций, устойчивость языка к иноязычному влиянию, динамика развития лексикона и др.); *социально-функциональные параметры* — количество функций языка (высокая степень кодированности русского языка) и интенсивность его использования в образовании (основной сфере формирования языковой компетенции), науке (гуманитарной и естественно-технической); *национально-культурные параметры* — различные виды литературы (художественной).

Эту литературу можно рассматривать как особый параметр измерения витальности русского языка. В русской языковой «оболочке» воссозданы художественные образы иных «видений» национальных картин мира.

© Тодорова И.Д., 2017

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сулейменова Э.Д., Шаймерденова Н.Ж. и др. Словарь социолингвистических терминов. Алматы: Қазақ университеті, 2007.
2. Ауэзов М.М. Иппокрена. Хожение к колодцу времен. Алматы: Жибекжолы, 1997.
3. Джусойты Н. О национальном стиле и национальном языке // Литературная газета. 1957. 17 октября.

4. *Бахтикиреева У.М.* Творческая билингвальная личность (особенности русского текста автора тюркского происхождения). Изд. 2-е доп. Астана: ЦБО и МИ, 2009.
5. *Bakhtikireeva U., Valikova O.* Among the Wor(l)ds: Post-Soviet Translingual Literature // SGEM 2017 Conference Proceedings 4-th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Scitences and Arts. 24—30 August, 2017. Albena Co., Bulgaria Volume II. Pp. 391—398.
6. *Мазанав Ш.* Многоязычие в мировой литературе // Литературный Дагестан. Приложение № 14. 14.01.2003.
7. *Оскоцкий В.Д.* От какого наследства мы не отказываемся (Заметки полемические, ностальгические...) // Вопросы литературы. 2001. № 6. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2001/6/oso-pr.html>
8. *Лейдерман Н.Л.* Спасать литературу — спастись литературой (о статусе предмета «Литература» в российской школе) // Мир русского слова. № 3 (11). 2002. С. 58—66.
9. *Бахтикиреева У.М., Валикова О.А.* Истоки транслингвальной русскоязычной литературы // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. Т. XIV. Вып. 1. 2017. С. 18—23.
10. *Бахтикиреева У.М.* Русскоязычие как актуальная междисциплинарная проблема // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2015. № 1 (45). С. 92—97.
11. *Valikova O., Bakhtikireeva U.* Literary Crossover: On the Problem of Literary Translingualism // Analele Universității din Craiova. Seria Științe Filologice. Lingvistică. No. 1-2. 2017. Pp. 218—230.

История статьи:

Поступила в редакцию: 24.10.2017

Принята к публикации: 27.12.2017

Модератор: В.П. Синячкин

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Тодорова И.Д. Витальность русского языка и русскоязычная литература // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2018. Т. 15. № 1. С. 118—127. DOI 10.22363/2312-8011-2018-15-1-118-127

Сведения об авторе:

Тодорова Ивелина Димитрова — аспирант кафедры русского языка и межкультурной коммуникации факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов. E-mail: eve_li@mail.ru

VITALITY OF THE RUSSIAN LANGUAGE AND RUSSIAN-LANGUAGE LITERATURE

I.D. Todorova

Peoples' Friendship University of Russia
6, Miklukho-Maklay str., Moscow, 117198, Russian Federation

With this article we attempt to understand the vitality/viability of the Russian language through the prism of Russian-language (translational) literature, created by non-Russian origin authors. By vitality,

we mean the language's ability to survive, develop, maintain its systemic-typological properties. According to sociolinguists, the vitality of any language is measurable. There is a number of parameters: socio-political, socio-demographic, linguistic, socially-functional, national-cultural. The present work is focused on a special parameter for measuring the vitality of the Russian language — Russian-language literature. In our opinion, Russian-language literature (alternative definition — translational literature) is a complex interaction of two (or more) language systems, producing a semantically and structurally enriched literary field. The corpus of translational art texts is a database that accumulates and develops the potencies of the Russian language. Main methods: deductive and evaluation-descriptive.

Key words: language vitality, parameters of the vitality measurement of the language, Russian-language (translational) literature

REFERENCES

1. Sulejmenova, Je.D., Shajmerdenova, N.Zh. et al. 2007. Slovar' sociolingvističeskikh terminov [Dictionary of Sociolinguistics Terms]. Almaty: Қазақ университети. Print. (in Russ.)
2. Aujezov, M.M. 1997. Ippokrena. Hozhdenie k kolodcu vremen [The Path to the Well of Times]. Almaty: Zhibekzholy. Print. (in Russ.)
3. Dzhusoĵiy, N. 1957. O nacional'nom stile i nacional'nom jazyke [On National Style and National language]. Literaturnaja gazeta. Print. (in Russ.)
4. Bahtikireeva, U.M. 2009. Tvorčeskaja bilingval'naja ličnost' (osobnosti russkogo teksta avtora tjurksskogo proishozhdenija) [Creative Bilingual Personality]. Izd. 2-e dop. Astana: CBO i MI. Print. (in Russ.)
5. Bakhtikireeva, U., and O. Valikova. 2017. Among the Wor(1)ds: Post-Soviet Translingual Literature // SGEM 2017 Conference Proceedings 4-th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts. 24—30 August, Albena Co., Bulgaria Volume II. Pp. 391—398.
6. Mazanaev, Sh. Mnogojazyčhie v mirovoj literature [Polylinguaging in a World Literature]. Literaturnyj Dagestan. Prilozhenie № 14. Access: 14.01.2003.
7. Oskockij, V.D. 2001. Ot kakogo nasledstva my ne otkazyvaemsja (Zametki polemicheskie, nostal'gicheskie...). Voprosy literatury 6. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2001/6/oso-pr.html>
8. Lejderman, N.L. 2002. Spasat' literaturu — spasat'sja literaturoj [To Save Society Saving Literature] (o statuse predmeta «Literatura» v rossijskoj shkole). Mir russkogo slova 3 (11): 58—66.
9. Bahtikireeva, U.M., and O.A. Valikova. Istoki translingval'noj russkojazyčnoj literatury [The Origins of Translingual Literature]. Social'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke. 14 (1): 18—23.
10. Bahtikireeva, U.M. 2015. Russkojazyčhie kak aktual'naja mezhdisciplinarnaja problema [Russian-Linguaging as a Perspective Interdisciplinary Problem]. Social'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke. 1 (45): 92—97.
11. Valikova, O., and U. Bakhtikireeva. 2017. Literary Crossover: On the Problem of Literary Translingualism. Analele Universităţii din Craiova. Seria Ştiinţe Filologice. Lingvistică. No. 1-2: 218—230.

Article history:

Received: 24.10.2017

Accepted: 27.12.2017

Moderator: V.P. Sinyachkin

Conflict of interests: none

For citation:

Todorova, I.D. 2018. “Vitality of the Russian Language and Russian-Language Literature”. *RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices*, 15 (2), 118–127. DOI 10.22363/2312-8011-2018-15-1-118-127

Bio Note:

Todorova Ivelina Dimitrova is a Postgraduate Student at the Department of Russian Language and Intercultural Communication of Peoples’ Friendship University of Russia. E-mail: eve_li@mail.ru

DOI 10.22363/2312-8011-2018-15-1-128-165

КОД СЛОВА

**О.О. Сулейменов, У.М. Бахтикиреева, М.М. Джусупов, О.И. Валентинова,
С.В. Дихтяр, М.Э. Дубровина, О.А. Валикова, Г.М. Исмаилов**

Настоящее обсуждение состоялось 3–6 декабря 2017 года в Карловых Варах. Его инициатором стал фонд «Культура» во главе с О.О. Сулейменовым, известным поэтом и признанным мыслителем современности. Участниками полилога выступили ученые из РУДН (д.ф.н., проф. Бахтикиреева У.М., д.ф.н., проф. Валентинова О.И., директор ИГБиТ Дихтяр С.В., PhD Валикова О.А.), Узбекского государственного университета мировых языков (д.ф.н., проф. Джусупов М., к.ф.н., старший научный сотрудник Исмаилов Г.М.), Восточного института Санкт-Петербургского государственного университета (к.ф.н., доц. Дубровина М.Э.). Центральной темой обсуждения стала концепция О.О. Сулейменова о новом подходе к этимологии как науке. На примере нескольких временных срезов автор реконструирует маршруты передвижения, фонетических модификаций (в некоторых случаях — трансформаций) и ресемантизации слов, приводя иллюстрации и аргументы из собственных многолетних исследований и наблюдений.

1. ВВЕДЕНИЕ

В истории лингвистических учений неоднократно менялись научно-исследовательские парадигмы. Сравнительно-исторический метод, давший лингвистике большую, чем когда-либо, доказательную базу, постепенно сменился структуралистским направлением, сосредоточенным на внутренней жизни языка как замкнутой и самодостаточной системы. На рубеже XX—XXI веков Человек был провозглашен альфой и омегой исследовательского интереса; в науке наступила эра антропоцентризма. Лингвистика начала изучать язык в его тесном взаимодействии с внутренним и внешним бытием человека, его биологией, социологией, культурой. Изменился подход к Слову. Из комплекса архисем, дифференциальных и потенциальных сем оно по праву стало рассматриваться как свидетель человеческой истории со всеми ее коллизиями. «По названиям местностей, рек, гор, островов можно проследить и маршруты передвижения языков по материкам и океанам. Если мы научимся читать Слово. Поэтому вырастает роль этимологии» [1. С. 6].

Данная дискуссия, состоявшаяся в Карловых Варах в период с 3 по 6 декабря 2017 года, представляет широкому читателю новый взгляд на этимологию как науку о происхождении слова. Автор этой концепции — знаменитый поэт, исследователь и общественный деятель Олжас Омарович Сулейменов, впервые в языкознании предложивший рассматривать слово в его генетической связи с графическим знаком-первоиероглифом.

По ходу беседы читатель уяснит для себя несколько важных тезисов, в том числе:

— любая письменность в истории человечества зарождалась как знаковая система, в первую очередь выражающая религиозную идеологию;

— древнейшие религии (муническая и соляная) были «запечатлены» в про-тоиероглифах, спустя тысячелетия породивших символические и рисованные иероглифы и — впоследствии — образную письменность;

— до наступления первого постписьменного периода первописьмо играло языкообразующую роль в жизни человека;

— все языки вышли из диалектов единого языка «малого человечества», промежуточной прародиной которого стало Древнее Средиземноморье.

Более полувека О.О. Сулейменов посвятил исследованию этой онтологически значимой проблемы (подробнее см. [1–4]). Результатом многолетней работы стала возможность реконструкции базовых правил первой грамматики древнейших диалектов. Наш полилог — попытка пригласить к обсуждению читателей разных стран, потому что реализация масштабного проекта «Универсальный этимологический словарь “1000 и 1 слово”» возможна лишь при совместных усилиях народов, объединенных общей целью: проникнуть вглубь палимпсеста эпох, узнать о своем прошлом, расширив тем самым диапазон восприятия настоящего.

Представленный Вашему вниманию текст является расшифровкой стенограммы. Видеоматериалы дискуссии будут доступны на нашем сайте.

2. ОБСУЖДЕНИЕ

В.Г. Толмачев, вице-президент фонда «Культура»:

От имени фонда «Культура» мы рады приветствовать всех участников нашей дискуссии в Карловых Варах. Обсуждение, которое состоится сегодня между участниками встречи, имеет важное социальное, научное и культурное значение. Олжас Омарович расскажет о том, как происходил поиск нового этимологического метода — метода, который позволил бы ученому пойти дальше фонетических совпадений в корневых морфемах в словах разных языков и глубже, чем позволяет «поверхностная этимология». После основного выступления Олжаса Омаровича ожидаются развернутые комментарии наших участников; далее состоится общее обсуждение. Олжас Омарович, Вам слово.

О.О. Сулейменов:

Я начинал сразу с Шумера, потом искал тюрков в древнеегипетских словарях, в древнекитайском языке. Иногда находил. Но все это было несерьезно — мне уже казалось так и самому, потому что академики убеждали меня, что это случайные лексические совпадения, не более того. Тогда я затеял проект. Я решил узнать об изначальном происхождении человека и, будучи представителем Казахстана в ЮНЕСКО в течение 12 лет, я занимался этой темой — выхода человека из Африки и его расселения по планете. Этот проект я предложил назвать «Великие миграции в доистории и в ранней истории». В «доистории» — значит до Шумера (IV тыс. до н.э.), тогда условно начинается наша история — с первых письменных памятников.

Вид *Homo sapiens* зарождается примерно 100 000 лет назад в экваториальной зоне Восточной Африки (Кения, Мозамбик). Об этом свидетельствуют данные археологов и палеоантропологов. Когда я добился реализации этого проекта, в 2008 году мы провели *первую международную научную конференцию в Париже*, по

итогам которой издали первый сборник. На этой конференции были даны предварительные сведения о выходе человека из Африки (приблизительный исторический период) и его предположительных маршрутах и средствах передвижения. *Homo sapiens* — почему я говорю именно об этом виде? Потому, что *Homo erectus* существовал на Земле более 2 млн лет и вышел из Африки намного раньше.

Комментарий редакции. Биологический род *Homo* зародился в Восточной Африке примерно 2,5 млн лет назад как ответвление более древнего рода *Australopithecus*. 2 млн лет назад часть из них покинула Восточную Африку и расселилась в Северной Африке, Европе и Азии. Человеческие популяции развивались сообразно ареалу своего обитания. В Европе и Азии закрепился *Homo neanderthalensis*; в тропическом климате острова Ява осел *Homo soloensis*; в Азии долгое время (примерно 1,5 млн лет) жил *Homo erectus*. Африка дала жизнь еще нескольким видам людей, в том числе *Homo rudolfensis*, *Homo ergaster* и *Homo sapiens*. Одна из новейших археологических находок при раскопках Денисовой пещеры в 2010 году позволила ученым говорить о существовании еще одного вида, который условно назвали *Homo denisova*. Подробнее о происхождении человека читайте в [5].

Примерно 45 тыс. лет назад человек оказался в Австралии. Были элементарные «плавсредства». Размышляя, мы пришли к выводу, что штормы могли выносить людей к новым берегам на обычных бревнах — одного, другого, третьего; выживающих выбрасывало на какой-либо остров, где они приживались, и появлялась новая разновидность первичного этноса. То есть не было экспедиций, была историческая случайность, из-за которой расходились первичные языки и культуры.

Комментарий редакции. Существует теория, что 45 тыс. лет назад сапиенсы с Индонезийских островов освоили технику базового судостроения, что помогло им добраться до Австралии и закрепиться там. Доказательства этой гипотезы косвенны, но все же убедительны. После расселения по Австралии сапиенсы сумели колонизировать океанические острова, находящиеся в сотнях километров от суши. Имеются и доказательства налаженной морской торговли между островами [6].

Вторая конференция прошла в 2011 году в Нью-Йорке. Ее тема — «Заселение Америки». Мы прослушали устоявшиеся мнения исследователей о том, что племена из Юго-Восточной Азии добирались до Камчатки, а оттуда до Аляски. Коллеги считали, что люди сначала заселили Северную Америку, потом дошли до Центральной и спустились в Южную. Но каким образом можно сопоставить культуры америндов Севера и Юга? На Севере обитали охотники и рыболовы, жившие в вигвамах. И вдруг, пройдя в Южную Америку, они начинают возводить миллионные города, как это делали майя. Причем со ступенчатыми пирамидами, как в Шумере. То есть они мгновенно — в историческом масштабе — дошли от вигвама до ступенчатых пирамид? Нет. Следует искать и другой маршрут заселения Южной Америки. Северный подходит лишь для северных индейцев.

В 2013 году мы провели **третью конференцию в Сеуле**. Все эти конференции проходили на базе крупных университетов. В Америке это был Колумбийский университет, в Сеуле — университет Ханьянг. Там я высказал предположение: возможно, некоторые племена пошли в Америку напрямую через океан из Юго-Восточной Азии. Пошли те, кто знали культуру Древней Передней Азии.

Четвертая конференция прошла в Испании, в Гранаде — «Заселение Европы». Все эти конференции были «примерочными», они обозначали направления общей темы, пробные маршруты. Мы узнали, что и Европа пережила несколько «поток» заселения.

В 2015 году **в Иерусалиме прошла пятая конференция** — «Заселение Древней Передней Азии». Шестую конференцию наметили в Турции, но она была отменена в силу политических факторов. В декабре 2016 года **в Париже состоялась конференция «Заселение Малой Азии»**. В августе этого же года прошла мировая конференция гуманитарных наук в Брюсселе. Однако она носила исключительно абстрактный характер. Не обозначила ни одной новой конкретной темы, что, на мой взгляд, могло свидетельствовать об общем упадке гуманитарной научной мысли в нашем зацифрованном мире.

Что я вынес из этих конференций как автор идеи и постоянный участник? Гипотезу, которая объясняет многие наши заблуждения, накопившиеся в истории и лингвистике. Я, думаю, определил одну из промежуточных прародин человечества — регион, откуда большая часть этносов с наработанной сообща культурой однажды двинулась на Восток. Это было Древнее Средиземноморье.

Когда в среднем палеолите к Средиземноморью из Африки подошли племена вида *Homo sapiens*, это были уже десятки этносов лунопоклонников.

Комментарий редакции. О том, что с древнейших времен религия «вела» человечество вперед, свидетельствуют многие памятники, в том числе монументальный комплекс Гебекли-тепе, возраст которого превышает 9 тыс. лет. Помимо тотемических изображений на стенах сооружения присутствуют *абстрактные символы*. Некоторые исследователи полагают, что именно возведение культовых сооружений определило будущую аграрную революцию: это требовало длительного времени и скооперированного труда тысяч людей, которые нуждались в пополнении запасов пищи. Возобновляемым пищевым ресурсом смогла стать пшеница [7]. Религия, таким образом, определяла сам жизненный уклад коллектива, а потому предположение О.О. Сулейменова о том, что первые иероглифы наполнялись сакральным содержанием, более чем убедительно.

Лунопоклонничество зародилось на экваторе; солнце еще не почитали там — оно было слишком жарким, знойным, напоминало больше Дьявола, нежели Бога. Когда племена подошли к северным берегам Средиземноморья, они начали уважать теплое светило. И там возникли тайные храмы — палеолитические пещеры, в которых скрывались приверженцы новой веры. Они, конечно, преследовались лунопоклонниками, и их отношения, борьба отражены на стенах этих тайных пещер. Мы видим, как рождаются знаки борьбы с луной ☾: ее зачеркивали, на нее накладывали знак копья ☿☿. Как в письме появились зачеркивания? Это, думаю, знак оружия (копья, стрелы), символизирующий уничтожение предмета, который изображен, — зачеркнутая луна. Первая форма изображения Бога — луна-лодочка; такой она предстает человеку только на экваторе. Древние племена стали почитать Быка как земного представителя Луны: его рога своей формой напоминали ночное светило. Бык «назвал» Луну — она не могла назвать себя сама. Быка, в свою очередь, жрецы первых двух племен называли, вслушиваясь в его самоназвание: в одном — «Муун», в другом — «Буун». Эти два первых племени

усвоили название Быка и присвоили имя знаку Луны — муун, буун. И каждое племя отстаивало свою форму имени тысячелетиями.

В Древнем Средиземноморье собрались почитатели Луны, некоторые из них уже становилась солнцепоклонниками. Убивая Луну — убивая Быка — люди признавали Солнце. Эта традиция до сих пор сохранилась в Испании. Убийство Быка — это отказ от лунопоклонничества, признание Солнца. Тавромахия родилась там и там доживает свои последние годы. Поразительно, но коррида существует уже 50 тыс. лет. Шпага должна пройти строго между рогами Быка прямо в сердце. Все эти знаки сохранились, воплощаясь в обряде. Отрицанием Луны, «пронзенной Луной», стал знак Солнца. Сначала , а затем . Следующие поколения жрецов не знали этой логики и гадали: это «солнце с лучом не похоже на небесное Солнце». И нашли гениальный выход, начав изображать не копье в Луне, а рану от копья — красную точку. Круг с красной точкой в Древнем Средиземноморье станет самым распространенным символом Солнца . В письме точка почернела — это видно уже в египетском письме Ra — «Бог Солнца». Все толкования этого знака, сохранившиеся в словарях, говорят о том, что когда-то точка была красной. Я убедился в этом на примерах из древнесемитских, германских, славянских. Только японцы сохранили ее первичный цвет — красное пятно в центре белого флага.

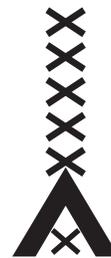
В III тысячелетии до н.э. при толковании красной точки в круге жрецы пришли к выводу, что она не что иное, как «солнышко в чреве луны». Луна перестала быть врагом, трансформируясь в образ матери Солнца.

И некоторые племена пошли на Восток на поиски родины Солнца — туда, где Луна рождает маленькое Красное Солнце. Одни племена дошли до Индии, остановившись там, считая, что именно здесь восходило Солнце. Другие пошли дальше, иногда останавливаясь на века. Следующие поколения продолжали идти на Восток, потому что вера не угасала. Китайцы дошли до Тихого океана (а вместе с ними и японцы, корейцы, малайцы, индонезийцы, часть тюрков — огузы). Там они и остановились, вероятно, поняв, что это и есть край земли, хотя горизонт не приблизился. В те времена люди не представляли, что Земля — это шар. Но майя, инки и другие продолжили свое странствие — искать родину Солнца за океаном. Возможно, они, достигнув берега Утреннего континента, продолжили путь, пересекли и Америку в поисках края земли. Они успели принести в Америку культуру Древней Передней Азии, Индии, Древнего Египта, Шумера, Вавилона — даже лексику. Когда нынешние восточные народы появились на последних местах обитания? Об этом можно судить, датируя первые памятники культуры Homo sapiens на пути от Средиземноморья до Тихого океана. Индийские памятники — III тыс. до н.э., Китая — II тыс. до н.э. Более ранних памятников у океана не обнаружено.

Теперь я понимаю, почему слова оказываются «мигрирующими», — объяснение этимологии древнекитайских слов я нахожу, например, в германских источниках. В определенный исторический период лексический фонд был общим в силу общности промежуточной прародины — Средиземноморья. Сейчас я излагаю лишь общую схему, которая подтверждает, что мы вправе рассматривать

лексические и грамматические совпадения разных языков — западных и восточных — не как поздние заимствования, а как самые ранние.

Слово живет не 2 тыс. лет, как считают наши академики. Недавно ушел из жизни Вяч. Вс. Иванов, с которым я имел небольшой диспут в 1964 году. Когда я показал ему свои первые шумерские штудии, он ответил, что это невозможно. Шумер — 6 тыс. лет назад, а тюркские языки возникли лишь 1,5 тыс. лет назад. Более 2 тыс. лет слово не живет. Поэтому шумерский иероглиф **tu** («родить») — иероглиф рожаящей женщины и тюрко-кипчакское **tu** — «роди», «родись» — это, по мнению специалистов, случайные совпадения. Не верю этому мнению достаточно долго. На протяжении 12 лет работая в Париже, я приходил к Эйфелевой башне. Убежден, что Эйфель был знаком с опубликованным в конце XIX века изображением шумерских иероглифов, где он увидел идеальную архитектурную модель под названием «ту». *Tour* по-французски значит «башня» (р почти не произносится). Я думаю, этот знак увидел не только Эйфель, но и древние семиты, которые воздвигали свой город — Вавилон — вокруг строящейся Вавилонской башни. Косой крестик — Бог входит в пирамидальные врата. «Вавилон» («Бабили») — это «Врата Бога». Башня не сохранилась. Описание недостроенной башни не сохранилось. Но ее название «Врата Бога» позволяет предположить ее форму. Ее форма олицетворяет рожаящую женщину. Ее руки высоко подняты: она держится за ветвь; ноги разведены в стороны, она рождает — **tu**. Так Майя родила Будду в тропическом лесу, держась за сук дерева. Когда я был геологом, на берегу Каспийского моря наш отряд задержался около чабанской стоянки, и я стал свидетелем того, как рожала женщина. Она так же держалась руками за аркан, протянутый под куполом юрты. Ее держали за ноги и кричали: «Ту!» А ведь это 1957 год. Слово, как и письменный знак, живет десятки тысяч лет. Когда мы поверим в данную возможность, можно будет составить словарь долгоживущих слов. Ведь даже славянское слово «Бог», возможно, восходит к одному из древнейших названий Луны и Быка, о котором мы говорили. А противоположное — НЕ бог, «небо». Опрокинутый Бог становился небом (☪ bog; ☽ ne bog > nebo(g). Сравните: Спаси бог! > Спасибо!). И таких примеров набралось множество. «Наш Бог бег», — говорил Маяковский. Готов предложить редактуру — «Бык». Но все рядом.

Лингвистам не хватает этого большого базового знания о происхождении человека, его расселения по Земле. Это знание надо пытаться восполнить. Думаю, РУДН может стать в этом смысле пионером. Данную конференцию будем считать выездной сессией РУДН.

Итак, во 2 тыс. до н.э. у океана появились китайские иероглифы. Раньше их не было, как и других памятников культуры в этом регионе. Это письмо было принесено с Запада. Совпадение форм, значений и названий с западными письмами уже доказуемо. В Южной Америке появление памятников культуры относится к началу н.э. Мы выдвигаем версию, что человек пошел на Восток из Средиземноморья в IV—III тыс. до н.э. Важно обозначить данную гипотезу, чтобы в дальнейшем подтвердить ее или опровергнуть множеством исследований археологов, антропологов, культурологов, лингвистов. Когда я вывел для себя

закон развития (опираясь на данные словарей) носового согласного Н в плавное Л и Р (НЛР), который объясняет массу сходств в словарях, прояснилось многое. В древнесемитском «шамал» — «север». Это же слово с арабами пришло к тюркам, трансформировавшись в «самал» — «прохлада». В арамейском «север» — «самар». Теперь понятно, что «Самарканд» — большой северный город. Вот почему большой русский город на севере — это Самара. Древнейшую форму «шаман» — «север» унесли с собой из промежуточной прародины майя, унесли за Тихий океан. Вот что такое лингвистика и закон НЛР. И таких примеров тысячи в мировых языках. И они многое доказывают: кроме прочего — распространение этносов, взаимодействие культур. Мы начинаем догадываться, какое значение в ранней истории имели арамейцы: «Кент» — это «маленький город», «Кант» — «большой». Шымкент, Ташкент — были маленькие городки. Самарканд, Коканд, Сарканд — большие. Но идем дальше: kent — kelt — kert (керт — «городок» в армянском языке). Вот что такое великие миграции народов, культур, слов, о чем можно судить и по схемам фонетического развития согласных Н—Л—Р.

Мы приступаем к периоду обобщений, которому предшествовал длительный период накопления знаний и закономерностей. Пришла пора выходить на большое понимание взаимозависимости истории языков, письменности, культур, религий. Мы привыкли рассматривать лишь верхний пласт истории — с I тыс. н.э., заглядывая в латынь и древнегреческий. В XIX веке приоткрылись древнесемитские источники III—II тыс. до н.э., но и они малопонятны без тех пластов, которые мы осмысливаем сейчас, т.е. без фундамента, способного пояснить и высветить верхние слои истории. В «самой верхней истории» мы знаем лишь одну миграцию, названную Великим переселением народов. Во II—III вв. н.э. произошли «подвижки» племен в Евразии. Кто-то ушел в Европу, кто-то в Иран. В Европе появились гунны. Отчего это все произошло?

Мы будем рассматривать ту программу, которая и вызвала эти перемены в верхнем пласте истории — Великий шелковый путь.

Китайцы, дошедшие до Тихого океана, принесли шелк из Древней Передней Азии, как и грамматику, цифры, иероглифическую письменность. Они ушли до возникновения буквенного письма, которое возникло в конце II тыс. до н.э. Они нуждались в возобновлении контактов с Западом. Через Евразию с приручением лошади, верблюда в первые века I тыс. н.э. пошли караваны с шелком, фарфором, порохом, бумагой. Так как путь пролегал через заселенные территории, где караваны грабились, императоры вынуждены были нанять тюрков, обитавших в Монголии, которые согласились сопровождать торговые караваны. Тюрки в итоге так увлеклись этим делом, что стали вычищать маршруты, освобождать путь шелку от аборигенов, чтобы дорога для караванов стала предельно спокойной. Они вытесняли местное население и расселялись по освобожденным территориям сами. Это было выгоднее, чем воевать с Китаем, воздвигшим против них Китайскую стену. Не так ли происходило Великое переселение народов? Вероятно, один из китайских императоров — и документы, подтверждающие это, необходимо найти, в том числе договоры, контракты — нанял тюрков на службу, отдавая им десятину с каравана. Образовалось несколько маршрутов. Один из них уже сейчас

можно по словарям прорисовать. Тюрки доводили караваны до Черного моря. В Крыму эстафета передавалась германцам. Там, думаю, образовалась «китайская территория» — Го ту («Го» — «государство», «ту» — «земля», «государственная земля»). Это, вероятно, была перевалочная база с конюшнями, складами, казармами. Тюки погружали на корабли, и караван отбывал по Черному морю в сторону Балкан — там, вероятно, был приемный пункт, где товары принимали также готы-германцы и везли их сухопутными путями до Андалузии. Так в историю попадают готы — истготы в Крыму и вестготы в Европе. Не так ли возник самый древний германский этноним — готы? Древние германцы, обитавшие и служившие на важных пунктах Великого шелкового пути, — Го Ту.

В готском языке сохранено самое точное название китайского товара. До сих пор этимологи пытаются понять, с чем связаны несколько западных названий шелка. И есть ли среди них исходное? В первую очередь этимологам нужно было бы вспомнить, что шелк производился в Китае. Изучить китайские словари. Увидеть, что в них есть *Si* — «шелк» и *Sidi* — «шелковый». Сделанный из шелка товар называли *Sidi*. Готы сохраняют наименование *Sidi*, но переносят его не на изделия из шелка, а на материал. В Андалузии, где готы выгружают свой товар, испанцы называют его уже *sede*. Испанцы везут шелк морем во Флоренцию, и в итальянском языке, основанном на флорентийском диалекте, «шелк» звучит как *seda*. Шелк впервые пришел в Италию кружным путем — морем из Андалузии. В Рим шелк пришел другим путем и от других посредников, именовавших себя *serik*. Это, по-видимому, были тюрки, сопровождавшие караваны по другому маршруту. Римляне назвали шелк «серикус», как и самих китайцев. А что означает «серик» в тюркских языках? «Сопровождающий», «напарник», «ординарец», «охрана». Войска сопровождения и называли «серик». Этот термин стал в попутных лексиконах основанием для слов со значением «войско», «армия» (*сирик*, *черик*, *щерик*, *сара*). Маршруты слов способны рассказать о маршрутах народов. Латинский термин «серикус», как убеждены западные этимологи, стал основой английского слова *silk*. Но, на наш взгляд, происхождение слова объясняется иначе. Тюрки разложили слово «сиди» и заменили суффикс прилагательного на собственный (-лик): силик. Именно этот вариант дошел до Англии в форме слова *silk*. Все это необходимо тщательно прописать. Многое объяснится, и прежние заблуждения науки прояснятся. Мы инициируем данный проект ради общей гуманитарной истины; если же при этом возрастет значение тюркского языка (ср.: в древнетюркском: *silik kuz* — «красавица», буквально «шелковая девушка»; в казахском *žibek* — «шелк», и эпическую красавицу назвал народ *Kuz Žibek*; далее *silik* > *sirik* > *serik*...), языкознанию убытка от этого не будет.

М.М. Джусупов:

Прежде всего хочу сказать большое спасибо за организацию конференции в этом прекрасном месте Европы. Представленные темы удивительно актуальны. Шелковый путь, по которому везли драгоценные товары, всегда сопровождался письмом. Когда в XIX веке европейские ученые расшифровали древнеиндийский язык, обнаружив его сходство с западноевропейскими, в частности, германскими

и романскими языками, появился исторический метод языкознания; это стало величайшей вехой в истории лингвистики, которая отделилась в самостоятельную науку. Не менее значительным открытием может стать и сходство, обнаруженное Вами между тюркскими языками и шумерским. К сожалению, стереотипы мышления и идеологические подходы во многом определяют принятие или неприятие той или иной концепции. Концепция Олжаса Омаровича имеет право на жизнь. Теперь по поводу сегодняшнего выступления.

По поводу сходства географически удаленных друг от друга языков, например, индейских и тюркских: исследования в этой области ведутся. Написана книга Ахмедова. В этом русле работают наши азербайджанские коллеги. Слово живет более, чем 2 тысячи лет. Возьмем слово «курт» («башкурт» — «главный волк») — слово, которое дошло до нас, несмотря на появление синонимов. Иной вопрос — сохранение или утрата семантического объема слова или его фонетические трансформации. Например, слово «шамал» («самал»), обозначающее север и — вместе с тем — ветер, вместе с которым приходили холода. Или слово «кант», прежде несущее значение «большой город», а на уровне синхронии синонимически тождественное слову «кент» — «городок», «маленький город». У слова «серик» в современном казахском языке есть синонимы «жолдас», «жолаушы» («спутник», «товарищ»). *Серик* — «сопровождающий», *сери* — «витязь, воин». Корень *сер-*. В всех тюркских языках корень всегда имеет значение. Если внутренняя форма корня не эксплицируется, значит, слово заимствовано. Интересно происхождение слова «жан», структурного элемента таких слов, как «Азербайджан» и прочих. Во всех современных тюркских словарях происхождение объясняется персидским «душа», «дух», «живой», «обладающий жизнью». Возникает вопрос о связи этого слова с китайским «жень» — «человек». Китайское «жень» и заимствованное тюрками из персидского «жан» — фонетические модификации одного и того же слова? Какова тогда траектория его перемещения — из китайских языков в иранские, а оттуда — в тюркские, или наоборот?

Я согласен с Вами и по поводу закона чередования НЛР. Мы ведь говорим *Албания* и *Алмания*; переход звука в иное качество доказан состоянием современного казахского и узбекского языков. Я считаю, что нужно теперь искать и перекрестные маршруты других слов. Думается, что нужно будет издать словарь, где Ваши изыскания были бы объединены.

О.И. Валентинова:

Мы сталкиваемся сейчас с феноменом в истории науки. Всегда, когда появляется личность, которая пытается преодолеть разрыв между науками, возникает скандал. Прецеденты, связанные с преодолением этого разрыва, были в истории науки. Можно вспомнить личность Л.Н. Гумилёва, Г.П. Мельникова. То, что делает Олжас Омарович, тоже связано с преодолением разрыва в науках естественных и гуманитарных и между различными отраслями гуманитарных наук. Я хотела бы привести здесь уникальную работу Стивена Толмэна «Человеческое понимание». Он исследует историю развития естественных наук, где можно экспериментально подтвердить свою гипотезу. Но даже там появление нового стал-

живается с мощнейшим сопротивлением окружения. Квантовую теорию агрессивнее всего воспринял Эйнштейн, который «только что» пережил неприятие своей собственной теории относительности. То, что было предложено нам для обсуждения Олжасом Омаровичем, должно решаться серьезным научно-исследовательским институтом, потому что речь идет не только о том, чтобы создать сравнительную палеоархеологию, палеографию, палеолингвистику, но и о том, чтобы результаты этого сравнения привести в соответствие с теми знаниями, что уже накоплены наукой, и сократить разрыв. Мы абсолютизируем условность, забывая о том, что она когда-то была принята для удобства анализа. Разделив синтетическое знание на отдельные науки, мы подошли к такой ситуации в познании, когда стремление синтезировать информацию встречает сопротивление. Как человек традиционной исследовательской мысли, я пользуюсь логическим мышлением. Но мы знаем, что существует мышление образное, и оно работает тогда, когда бессильно мышление логическое. Образ помогает преодолеть то, что недоступно логическому мышлению. Есть мистическое прозрение, есть святые, которые воспринимают информацию, недоступную другим людям. Но есть и особый тип мышления, синтетический, сочетающий поэтическое, интуитивное и логическое. Это то, что делал В. Хлебников (не облекая, правда, слова в научную форму) и то, что делает сейчас Олжас Омарович. Эти интуитивные связи дают пищу для логической науки. Это сложнейшая работа. Существование системы гипотез должно быть, мы должны смотреть, какая из гипотез, имеющая право на существование, требует дальнейшего подтверждения и аргументации. У нас ведь нет даже сравнительного атласа миграции человечества, чтобы видеть, какие миграционные пути опираются на данные археологии, какие находятся на стадии гипотетических и какова при этом доказательная база. Должна вестись колоссальная работа учеными разных специализаций. Что касается той протопроблемы, с которой Вы начали свое выступление. Для человека с абстрактным мышлением знак условен. Для него условно и произвольно и соотношение знака и значения. В конце концов, всегда может быть создан контекст, где любому произвольному знаку может быть подобрано соответствующее значение. Но совершенно очевидно, что чем исторически, хронологически отдаленнее эпоха, тем безусловнее и сакральнее будет связь между акустическим и графическим, между значением, поведенческими знаками и т.д. Эту связь надо восстанавливать. Конечно, поначалу она будет гипотетической. Но, на мой взгляд, неслучайно отобраны обозначения животных и актуализирована их связь со светилами. Олжас Омарович, Вы относите их к новокаменному веку? Ведь в древнекаменном веке были живописные наскальные изображения. У В. Микушевича, поэта и переводчика, есть интересные наблюдения по этому поводу. Он говорит о том, что живописные наскальные изображения животного (например, быка) возникают тогда, когда человек не ощущает разрыва между собой и животным (как продолжением себя) до такой степени, что просит его согласия на добровольное жертвоприношение и прощения за то, что животное было убито. В новокаменном веке идет схематическое изображение животного, и в финикийском алфавите изображение быка «достраивается» по первой букве алеф.

О.О. Сулейменов:

В древнекаменном веке быка тоже изображали через деталь — рога. Этому по-
мог месяц на небе экватора.

О.И. Валентинова:

Вы считаете, что уже тогда была подобная схематизация?

О.О. Сулейменов:

Месяц увиделся, как золотые рога черного небесного быка.

О.И. Валентинова:

Тогда эта связь становится еще более органичной.

О.О. Сулейменов:

Изначально я полагал, что первично натуралистическое. Теперь я считаю, что
путь человеческого восприятия шел и от символического к жизнеподобному.

О.И. Валентинова:

Здесь важно правильно идентифицировать время, и к такой работе нужно при-
влечь специалистов. Сегодня устанавливают хронологию изображения — симво-
лического, натуралистического и других. Работают и химики, и многие другие
эксперты.

О.О. Сулейменов:

В пещере древнекаменного века в Средиземноморье изобразили «убийство
Луны» ☽☽☽. Это же замечательно. Круг, пораженный копьем, — образ, данный
трижды, как клятва: «Убивая Луну, признаю Солнце!». Это ближе к новокамен-
ному веку.

М.Э. Дубровина:

С чем Вы связываете тот факт, что поклонение Луне появилось раньше, чем
солнцепоклонничество?

О.О. Сулейменов:

Прежде всего с климатом. Люди жили тогда на Экваторе, где прохладное ноч-
ное светило почиталось Богом. На Экваторе можно жить только ночью. Это спо-
койствие, свет, прохлада. А Солнце — это раскаленный Дьявол, Демон, а не Бог.
Знак Луны (☽) был первичнее знака Солнца (☿☿☿) — это несомненно.

О.И. Валентинова:

Любое исследование, которое связано с доказательством неслучайности, долж-
но в науке развиваться и закрепляться. Нужно менять точки отсчета.

О.О. Сулейменов:

Исследователь сложных графем и звуковых сочетаний должен быть готов от-
личать случайные комбинации от неслучайных, грамматических. Например, эти-

мология слова «шелк». *Cu* — это шелк. *Cudu* — шелковый. Появляется тюркский вариант прилагательного *silik* > *sirik*. Название товара переходит на отряды сопровождения. Шелк — армия сопровождения шелка — армия — войско. По этой линии уже можно строить историю взаимоотношения тюрков, монголов, германцев, славян, прибалтов. Такова схема.

Самое главное — в истории слов сохраняется история этносов, взаимоотношения народов, маршруты их переселений, сам характер их отношений.

О.И. Валентинова:

Можно реплику? Меня всегда восхищала судьба словаря Фасмера. Ведь перевод его на русский язык лучше, чем исходный словарь. При переводе в каждую статью добавляли все гипотезы, существующие в науке в то время. Как можно представить лексикографически то, что Вы делаете? Если бы словарная статья давала возможность посмотреть на ход мысли автора и сравнить его с другими предположениями, научная информативность такого издания дала бы возможность сравнения, сопоставления, обсуждения; это было бы очень востребовано.

О.О. Сулейменов:

За эти десятилетия я изучил множество этимологических словарей. Все они касаются поверхности истории слова. Ни один этимологический словарь не нашел, к сожалению, истоков слова. Этимологический словарь должен быть связан с образным письмом, с письменным обозначением слова. С появлением алфавита эпоха словотворчества прекратилась. «1001 слово» — это не этимологический словарь какого-то национального языка. Это — универсальный словарь, объясняющий генезис слов, созданных до появления буквенных систем в Древнем Средиземноморье и ближайших к нему регионах. Я согласен, что начальные статьи нашего словаря «1001 слово» необходимо публиковать в сравнительном режиме.

Предлагаю в завершение нашей беседы новеллу «Утро этимологии» (она будет дана в Приложении), где приведу 2-3 примера определения генезиса слов, сопоставляя их с предположениями Макса Фасмера.

О.И. Валентинова:

Маковский ищет содержание слова в том числе в букве. У него много исследований по этому поводу.

О.О. Сулейменов:

Матерь слова — это, конечно, протоиероглиф. Чистое изображение предмета без фонетических добавок и утяжелений. Название первого иероглифа становится словом после того, как образ толкуется. Это словарь будущего, когда все письменные знаки будут восстановлены. Этимологии, с которыми мы имеем дело, касаются лишь фонетических вариаций и семантических угадываний первоформы слова. Мы стоим у истоков настоящей этимологии. Фасмер замечательный, но о происхождении европейских названий шелка у него не прочесть. Как не прочесть об этом ни у кого другого. Только у нас — новых этимологов.

У.М. Бахтикиреева:

Дорогие коллеги, я хотела бы остановиться вот на чем. Мы присутствуем на удивительном мероприятии. Рядом с нами находится человек, которого можно назвать Вселенной. Вы гений, гениальный человек, чаляби — человек чувственного ума. Вот эта книга — первое издание «Аз и Я», и я верю, что это издание дойдет до моих внуков, и они будут читать ее, как настольную книгу. Прошло 42 года, а некоторые ее места продолжают оставаться для меня загадкой. Несмотря на то, что тип научной рациональности изменился (а сейчас принято говорить о постнеклассическом типе знания; о том, что в качестве метода можно привлекать и интуицию, и догадку; о том, что единичное нельзя отбрасывать, а локальная истина каждого очень значима; что все мы «контекстуально обусловлены»), мир увеличивается в численном отношении, соответственно, увеличивается и число исследователей, ученых и истин, и мы зачастую друг друга не слышим. Мы живем в эпоху перехода, который не можем осмыслить изнутри и посмотреть на него извне. Происходит мощный парадигмальный сдвиг в сознании человечества, который мы пока не можем осмыслить. Что делать? Я согласна с тем, что говорят философы. Когда человечество перешло на письменное осмысление окружающей действительности, этот процесс сопровождался чудовищной деградацией общественной памяти. С другой стороны, сейчас мы до сих пор не понимаем, что делать с нанобиоинфокогнитивной революцией. Интеллектуалы понимают, что без данных, наработанных гуманитаристикой, эта революция способна уничтожить человека как вид. Меняется онтология, меняются гносеологические основания науки. Мы говорим о смене эпистемологической позиции исследователей, о том, что мы можем оставаться пристрастными (как говорит глава Московской психолингвистической школы Е.Ф. Тарасов), что исследователь в рамках постнеклассической рациональности не может не быть пристрастным.

Сейчас много говорят о трансдисциплинарном подходе как о наиболее конструктивном, так как он предполагает исследование комплексных проблем на нескольких уровнях. Принцип такой организации знания основан на взаимодействии дисциплин, и связанный с этим типом постнеклассической рациональности постулат гласит, что знания неотделимы от субъекта. Если субъект генерирует, развивает, транслирует знания, то он исходит из собственного опыта. Но насколько субъект — исследователь, лингвист, гуманитарий — готов это понять, осмыслить и донести до своего адресата? Несмотря на все трудности, с которыми мы сталкиваемся в образовательном процессе в высших учебных заведениях, мы должны транслировать это знание. У меня тоже возникает «журавлиный косяк вопросительных знаков». Много вопросов о том, КАК это сделать. Мы стараемся в аудитории увлечь своих студентов. В последние 10—15 лет много говорим о трансдисциплинарном подходе, а в «Аз и Я» это было сказано 42 года назад. Нехватка знаний не означает, что не следует и пытаться идти дальше.

То, что Вы говорили о великих миграциях, о глобализации, десять лет назад говорил ректор университета ООН Ганс ван Гинкель, называя эти процессы так же, как Вы. Он так же приходит к выводу, что гунны дошли до Европы, что культуры не «приходят готовыми», а находятся в вечном процессе взаимодействия и

синтеза. Глобализация не является приметой нашего времени. И гунны — глобализация, и Великий шелковый путь — глобализация. Я заканчиваю свое выступление тем, что на страницах «Вестника» мы сделаем это обсуждение серьезной дискуссионной площадкой. Думаю, необходима серия статей, которая бы обрисовывала Вашу концепцию, ее нужно популяризировать. Вы — ризома.

Передаю Вам привет от руководства нашего университета и лично от Н.С. Кирабаева. В рамках проекта его службы мы попытаемся еще раз осмыслить Ваш подход к науке, создать контекст-площадку в нашем журнале. К сожалению, не смог приехать М.А. Рыбаков. Осмысление творческого и научного наследия Олжаса Омаровича мы начинали с С.Ю. Преображенским. Надеюсь, мы сможем выработать алгоритм для дальнейшей работы.

О.О. Сулейменов:

Это может стать хорошим проектом для РУДН. Вяч. Вс. Иванов — последний из представителей старой школы индоевропеистики, которая уже перестает существовать. Изжила себя. Ничего нового не породила. А то старое, что пытается развиваться, не имеет смысла.

Я долго думал над тем, как на Апеннинах появились латины в VII веке до н.э. Что этому предшествовало? В Малой Азии случилась засуха. Корабли разведчиков отправились во все стороны света с миссией найти землю, где нет засухи. В те времена они назывались еще хеттами. Некоторые отряды дошли до Северной Индии в начале I тыс. до н.э. Они пришли туда со своей верой в Бога-отца (Deūs Piter). Они насаждали эту веру, для чего был создан язык — санскрит. Многие слова латинского языка и санскрита совпадают, отсюда возникла индоевропейская теория. От берегов Средиземного моря туда, в Индию, прибыли предки латинян, принесшие своего Бога. Diavus-pitar — Бог-отец. В одном случае слово «Бог» прочитывается как Deūs, в другом, самом древнем — Ju (сохранилось в легендарном Ю-питер — «Бог-отец»). Еще без показателя мужского рода -us. Когда шло насаждение иных ценностей вместе со словами, санскрит стал языком индийских священных книг. Я задался вопросом, откуда произошло слово «санскрит»? Этимологизацию этого термина можно было провести очень давно. Оно происходит от латинского “san scriptum” («священное писание»). Миссионерами религии Deūs Piter (Diavus-pitar), по-видимому, были проитальянцы (хетты). Только итальянец произнесет латинское sanct scriptum > sanscritto. Спросите любого школьника на улицах Рима.

С.В. Дихтяр:

Я хотела бы вернуться к выступлению Олжаса Омаровича и привести несколько примеров. Очень интересной мне показалась этимологизация слова «шелк». Впервые представлена версия, благодаря которой можно восстановить два маршрута перемещения товаров вместо общепринятого одного. Аналогична ситуация с другим товаром — чаем. Исходная точка его распространения — также Китай. Мы имеем две «ветки» распространения товара по миру и, как следствие, два варианта произношения его номинации («ча» и «ти»). Название «Великий шел-

ковый путь» (1877 г.). В IV веке уже встречается название «Большой путь торговли шелком», в том числе и слово *serikum*. Мне кажется интересным проследить эти пути и сверить уже открытые маршруты.

Когда я была в Индонезии, я обнаружила, что узоры на местной ткани — тнун и кат — повторяют знаменитые абровые узоры Ферганской долины. В Эквадоре, в Музее экватора, я увидела ту же ткань с тем же названием — тнун и кат. Эквадор, Индонезия, Средняя Азия. Меня поразила эта траектория, близкая тому, о чем Вы сегодня рассказывали. Еще один пример связан с культом Быка. Индонезия, остров Суматра, где до сих пор на части острова сохранился матриархат. Там есть народ минангкабау. Крыши домов этого народа сделаны в форме рогов буйвола. В этих домах живут до сих пор.

О.О. Сулейменов:

Это не рога, это луна. Знак Бога.

С.В. Дихтяр:

А сейчас несколько слов о том, как реализуется проект «Шелковый путь» в области туризма. Мы понимаем Великий шелковый путь как передвижение людей, товаров, идей с территории современного Китая в Европу. Его условные исторические границы — II в. до н.э. — XV в. н.э., протяженность — около 12 тыс. км. Аналогов этому явлению в мире нет. В 1994 году Всемирная туристская организация обратилась к наследию Великого шелкового пути. Отправной точкой стал Самарканд, где была подписана Самаркандская декларация о поддержке проекта «Великий шелковый путь». В настоящее время он объединяет 33 государства, включая Китай, Среднюю Азию, Европу. Выделяется морской путь. Страны объединяют свои усилия, чтобы использовать наследие этой великой трассы. Что могут сделать специалисты нашего направления для обозначенной сегодня проблемы? Туризм междисциплинарен. Историки, археологи и другие специалисты работают сообща. В 2017 году при поддержке Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества начат большой образовательный и научно-исследовательский проект, участие в котором принимают семь государств СНГ: Армения, Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан и Россия. Мы пытаемся объединить исследователей для решения вопросов культурно-исторического наследия Великого шелкового пути. В октябре на базе РУДН мы провели большой симпозиум, где все команды представили результаты своей работы. Мы планируем продолжать этот проект. Что должно стать следующим шагом? Хотя мы не рассматривали собственно языковое наследие, нематериальное духовное наследие все же входит в круг наших исследовательских интересов. Возможно, на следующем этапе мы сможем сместить акценты. Результаты, полученные объединенными усилиями студентов разных стран, позволят нам продвигать проект в дальнейшем и в это направлении.

О.О. Сулейменов:

Можно разработать несколько маршрутов Великого шелкового пути, основываясь на представленных лингвистических данных о распространении названия

шелка. Например, «готский маршрут» от Крыма до Андалузии. Из Андалузии — морем — до Флоренции. Второй маршрут — «силик» — приведет к Британским островам. Этот маршрут пролегал через Северную Европу до Британии. Оттуда он распространялся в Восточную Европу, превращаясь в «шелк». «Силик» постепенно превращается в «серик» и доходит до Рима (*sericus*), что на латинском означает и «шелк», и «китаец».

С.В. Дихтяр:

Интересно, что Великий шелковый путь проходил и через территорию России. Вы уже упомянули Крым, но есть еще и Дагестан, Ингушетия.

О.О. Сулейменов:

Думаю, это уже был морской путь, проходивший через Малую Азию; *seric* трансформировался в *черик*, *челик* — армию сопровождения. Из Малой Азии судно с шелком могло дойти и до Рима. Необходимо найти, где это слово сохранилось по пути в Рим. Невероятный масштаб. Мощь империй — Восточной и Римской... Их взаимодействие, давшее толчок последующим великим переселениям. В XV веке начались обратные процессы — завоевание Востока, поиски морских путей в Китай и Индию, колонизация...

М.Э. Дубровина:

Я тюрколог, занимающийся тюркскими языками. Все это время я думаю над тем, насколько значима в истории сила личности. Любая наука консервативна; мысли, отличной от традиционной, очень сложно пробиться наружу. Более 20 лет изучая тюркологию, я сталкиваюсь с вопросами, ответов на которые наука не предлагает. Нельзя заниматься наукой — как и любой областью человеческой деятельности — в отрыве от исторического контекста. Сегодня встал вопрос о необходимости рассматривать доисторическую эпоху в развитии человечества (то есть глубже, чем за 5 тыс. лет существования письменной культуры). Не всегда археологические находки дают объяснение многим фактам. Теперь я понимаю, почему китайская письменность возникает позже шумерской (XIII в. до н.э.). Я исхожу из теории моногенеза письма: письмо возникло в одном географическом секторе и впоследствии распространилось по миру (в отличие от теории полигенеза). Эта концепция хорошо накладывается на Вашу гипотезу о Средиземноморье как промежуточной прародине человека. Можно хронологически восстановить «продвижение» иероглифической письменности на Восток. На очень многие вопросы лингвистики мы могли бы ответить, руководствуясь этим пониманием. Ученые спорят о разрозненных идеях, не имея перед собой целостной картины. 95 процентов людей мыслит стандартно. Оставшиеся пять — нестандартны. Нестандартный взгляд на известные вещи нам и следует продвигать. Вы убедили меня как человека извне, а это тоже очень важно: посмотреть, насколько концепция доступна. Мы должны ее материально оформить и сделать доступной для общественности. Идея продвигается единомышленниками. Несмотря на то, что я профессионально никогда не касалась этимологии, я поддерживаю Вашу концепцию глобально. Этот подход логичен и, в отличие от многих существующих, не надуман.

Слово может попасть в иной язык и культуру самыми разными путями. Необходимо об этом писать и поддерживать эту идею. Спасибо организаторам за возможность приобщения к ней.

О.А. Валикова:

Присоединяясь к словам, сказанным Маргаритой Эмильевной, отмечу, что нам следует вооружиться принципом “Ignoramus”, с которого началась эпоха великих географических открытий. Если мы вспомним, как выглядели карты до XV века, мы увидим, что мир на них изображался как познанный. Если участки Terra Incognita и существовали, графически они всегда заполнялись различными условными элементами (в том числе мифическими), чтобы создавалась иллюзия познанности. В XV веке появляются лакунарные карты; все пространство вокруг признается неизведанным, и это становится импульсом к дальнейшему познанию мира. Сегодня таких пятен по-прежнему множество. Расшатывается само наше понимание теории глоттогенеза. Мы привыкли полагать, что праиндоевропейстика делит языки на ностратические и афразийские, которые гетерогенны по системе, структуре, типу. Однако если посмотреть на проблему с позиции предложенного Вами подхода, картина будет представляться иначе. Предположим, что человеческий вид (а именно *Sapiens*, потому что существовало как минимум шесть видов человека, и только *Sapiens* выжил в процессе биологической эволюции) зародился 100—140 тыс. лет назад. 70 тысяч лет назад произошла первая когнитивная революция, результатом которой — по разным причинам, одной из которых биологи называют историческую случайность, — у *Homo sapiens* развиваются центры Брока и Вернике, и он обретает способность говорить и *делиться* своим знанием с себе подобными. Язык начинает развиваться (существует теория «Там лев у реки» — по Н.Ю. Харари, когда сородичей нужно было предупреждать об опасности, и теория сплетен, согласно которой язык служил инструментом укрепления внутрисоциальных связей). Ученые полагают, что человек выжил благодаря своей способности воображать то, чего нет, и верить в это в том числе и благодаря языку. Об этом свидетельствуют многие артефакты культуры, в частности найденные «химерические» статуэтки (такие, как человек-лев). Попытка установить корреляцию между божеством и знаком очень органична. Человек был способен воспринимать целое через часть и наоборот, то есть мыслить метонимически. Приведенные Вами примеры того, как лунопоклонничество сменилось солнцепоклонничеством в контексте новых климатических обстоятельств, демонстрирует, как может наполняться новым содержанием уже существующая форма знака и как реализуется принцип отрицания и принцип отрицания отрицания. Все, что было сказано, представляет собой сюжетную схему, но разворачивалась она на протяжении 68 тыс. лет — до того периода, когда произошла аграрная революция и человеческие коллективы начали оседать на более-менее стабильных территориях. Аграрная революция была связана с освоением земельного участка. Если принять за точку отсчета предположение, что язык зародился у единого первичного этноса, который впоследствии мигрировал и разрастался, то мы приходим к выводу, что у человечества и единая языковая первооснова. Тогда и на теорию транскультурации можно будет посмотреть с новой стороны и подойти к

ней более аргументированно. А это важно не только с точки зрения объективации исторической истины, но и с точки зрения нашего нынешнего жизненного положения — «здесь и сейчас». У нас очень гетерогенное по своему составу сообщество, которое пытается, с одной стороны, доказать свою автохтонность, «которая была всегда», а с другой — интегрироваться в глобальный социум. Теория транскультурации помогает нам понять, что мы едины и в процессе исторического (в том числе языкового) контактирования обретали свойства, которые нельзя назвать просто химерическими. Очень интересно будет посмотреть, как слова реагировали на различные исторические обстоятельства, а вместе с ними видоизменялись и способы когниции. Мы ведь заимствуем не только слово, но и всю его палимпсестную природу (и даже дериватологическую модель). И здесь ожидаются самые интересные результаты.

У.М. Бахтикиреева:

«Нет в науке проблем неразрешимых, но есть неразрешенные» (О.О. Сулейменов).

Г.И. Исмаилов:

Ваша этимология охватывает древние пласты человеческой культуры. Вы исследуете истоки человеческого языка через понятие предмета и его обозначение в графике и в языке; каким слово дошло до сегодняшнего дня, в каком фонетическом варианте? Современные этимологические словари не дают нам этой информации, так как написаны в другой методологии. У них другие задачи и цели. Теперь необходимо подготовить этимологическую часть отдельно. Возможно, следует подготовить учебное пособие для широкой аудитории. Введением к такому пособию может служить «Код слова», дающий обширную информацию, несмотря на свой малый объем.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

О.О. Сулейменов:

Для меня важно, чтобы ваши студенты поняли, с чего начиналось искусство Словотворения. Жрецы — первая интеллигенция — создавали первые слова. Человек пришел в мир с одним — уже утраченным — звукосочетанием, как и все другие млекопитающие. Но он отличался от братьев по природе своей способностью подражать; он называл их по именам, которыми они сами себя называли. Первый этап создания человеческого языка — *звуконеподражательный*. Когда человек назвал всех звучащих животных, развил свой речевой аппарат, научился мычать, шипеть, блеять, лаять — тогда он начал называть и немые предметы. А как назвать их иначе, кроме как по подобию? Так он рога быка сравнил с месяцем и назвал месяц бычьим именем. Начался этап *знакоподражания*. Этот период языкотворения оказался самым протяженным; он дошел до буквенного письма. Это совершенно необходимо знать всем лингвистам. На этой базе и возможно развитие филологии. Студенты должны с самого начала понимать, как появлялся язык. Одна из первых баз создания языка — Древнее Средиземноморье.

Знаки, возникшие там, древнее шумерских. Знаки Солнца, принесенные в Шумер предками тюрков, возникли в *другом* месте. Из этого же региона вышла культура майя, в которой сохранилось название луны — U. Потом мы находим это свидетельство в латинском алфавите (V в. до н.э.). В Древней Передней Азии сохранился северный вариант начертания месяца, что говорит о пришельцах с более северных широт. На знаках луны (южной и северной) выстраиваются впоследствии знаки солнца, которые, возникнув на северных берегах Средиземного моря, дошли до Тихого океана и дальше — до Южной Америки.

Все эти вопросы могут быть решены только совместными усилиями.

WORD CODE

**O.O. Suleimenov, U.M. Bakhtikireeva, M.M. Dzhusupov, O.I. Valentinova,
S.V. Dikhtyar, M.E. Dubrovina, O.A. Valikova, G.M. Ismailov**

This discussion took place on December 3—6, 2017 in Karlovy Vary. Its initiator was the foundation “Culture”, headed by O.O. Suleimenov, a well-known poet and authoritative thinker of our modernity. Participants of the Polylogue were scientists from the Peoples’ Friendship University of Russia (Doctor in Philology, Professor Bakhtikireeva U.M., Doctor in Philology, Professor Valentinova O.I., Director of the Institute of Hospitality and Tourism Dikhtyar S.V., PhD in Philology Valikova O.A.), Uzbek State University of World Languages (Doctor in Philology, Professor Dzhusupov M., Ph.D., Senior Researcher Ismailov G.M.), Eastern Institute of St. Petersburg State University (PhD in Turkology Dubrovina M.E.). The central theme of the discussion was the concept of O.O. Suleimenov about a new approach to etymology as a science. On the example of several time slices, the author reconstructs the routes of movement, phonetic modifications (in some cases — transformations) and word resemantization, citing illustrations and arguments from his own researches and observations.

1. INTRODUCTION

Scientific-research paradigms have changed many times in the history of linguistic doctrines. The comparative-historical method, which gave to linguistics more than ever, the evidence base, was gradually replaced by a structuralist direction, focused on the inner life of language as a closed and self-sufficient system. At the turn of XXI century Man was proclaimed as the A and W of research interest; In science, an anthropocentrism element has come. Linguistics began to study the language in its close interaction with the inner and outer being of Human, his biology, sociology, culture. The approach to the Word has changed. From the complex of archi-, differential and potential semes, it rightfully began to be regarded as a witness of human history with all its collisions. “Routes of the movement of languages along the continents and oceans can be traced by the names of places, rivers, mountains and islands. If we learn to read the Word. Therefore, the role of etymology grows” [1. P. 6].

This discussion, held in Karlovy Vary from December 3 to 6, 2017, presents a broader reader with a new view of etymology as the science of the origin of the word. The author

of this concept is the famous poet, researcher and public figure Olzhas Omarovich Suleimenov, who, for the first time in linguistics, proposed to consider the word in its genetic connection with the graphic sign — the first character.

In the course of reading the Reader will understand several important theses, including:

— any writing in the history of mankind was born as a sign system, primarily expressing religious ideology;

— the most ancient religions (lunar and solar) were “imprinted” in protohieroglyph, which after millennia gave rise to symbolic and painted hieroglyphs and, subsequently, figurative writing;

— before the first post-written period, the first written language played a linguistic role in a human life;

— all the languages become of the dialects of the single language of the Lesser World, the intermediate ancestral home of which was the ancient Mediterranean.

Suleimenov O.O. has devoted to the study of this ontologically significant problem for more than half a century (for more details, see [1–4]). The result of years of work was the possibility of reconstruction of the basic rules of the first grammar of the ancient dialects. Our Polylogue is an attempt to invite the readers of the different countries to this discussion, because the implementation of the large-scale project “Universal etymological dictionary ‘1000 and 1 word’” is possible only with the joint efforts of peoples, united by a common purpose: to penetrate deep into the rescript of the epochs, to learn about our history, expanding thus the range of perception of the present.

The text presented for your attention is a transcript. Video discussion materials will be available on the our website.

2. DISCUSSION

V.G. Tolmachev, Vice-President of the “Culture” Foundation:

On behalf of the Foundation “Culture” we are welcome all the participants of our discussion in Karlovy Vary. The discussion that today will take place between the participants of the meeting has an important social, scientific and cultural implication. Olzhas Suleimenov will tell you about the search of a new etymological method — the method that would allow a scientist to go beyond the phonetic coincidences in the root morphemes in words of different languages and deeper than “surface etymology” allows. After the main speech of Mr. Suleimenov, the detailed comments of our participants are expected; then a general discussion will take place. Olzhas, You have the floor!

O.O. Suleimenov:

I started immediately with Sumer, I was looking for Sumer in the ancient Egyptian dictionaries, in the ancient Chinese. I was looking for Turcisms. Sometimes I found it. But all of these things was not serious — I thought so myself, because all the sorts of academics convinced me, that these are lexical coincidences and nothing more. Then I started the project. I decided to learn about the origin of a man and, being a representative of Kazakhstan in UNESCO for 12 years, I was engaged in this problem — the exodus of a man from Africa and diffusion on the planet. I propose to name this project “Great Migration in the Prehistory and in the Early History”. “Prehistory” means before the

Sumer (4000 BC), then our history begins conditionally — from the first written monuments.

Homo Sapiens originates approximately 100,000 years ago in the equatorial zone of East Africa (Kenya, Mozambique). This is evidenced by the archaeologists and paleoanthropologists. When I achieved this project, in 2008 we held the first scientific conference in Paris, following which the first collection was published. At this Conference, preliminary information was provided on the man's exodus from Africa (the approximate historical period) and his alleged routes and means of travel. Homo Sapiens — why am I talking about this species? — because Homo Erectus exist on the Earth for 2 million years and become from Africa much earlier.

Editor's comment. The type genus Homo originated in the East Africa about 2.5 million years ago as a branch of the more ancient genus Australopithecus. 2 million years ago some of them left East Africa and settled in North Africa, Europe and Asia. Human populations developed in accordance with the geographic range of their habitat. Homo neanderthalensis settled in Europe and Asia; Homo soloensis settled in the tropical climate of the Java island; Homo erectus lived in Asia for a long time (about 1.5 million years). Africa open doors for several other species, including Homo rudolfensis, Homo ergaster and Homo sapiens. One of the newest archaeological finds during the excavations of the Denisova Cave in 2010 allowed scientists to talk about the existence of another species, which was conditionally called Homo denisova. Read more about the anthropogenesis here: [5].

Approximately 45 thousand years ago, a man come to Australia — probably, afloat. There were primitive “floatages”. Discussing, we came to the conclusion that storms could leaved people to the new shores on the ordinary logs — one, the other, the third; survivors washed ashore on any island where they took root, and a new kind of a primary ethnos appeared. That is, there were no expeditions, there was only a historical accident, because of which primary languages and cultures expanded.

Editor's comment. There is a theory that 45,000 years ago, sapiens from the Indonesian islands mastered the technique of the basic shipbuilding, which helped them to get to Australia and gain a foothold there. Evidence for this hypothesis is indirect, but still compelling. After settling in Australia, Sapiens managed to colonize the oceanic islands, located hundreds of miles from land. There are also evidences of established maritime trade between the islands [6].

The second conference was held in 2011 in America. It was called “America's settlement”. We listened to the established opinions of researchers that humanity from the Southeast Asia reached Kamchatka, and from there, along the Bering Strait to Alaska. There were no other versions. Even then we began to argue. Colleagues believed that people first settled in North America, then reached Central and descended to South. But how can we compare their cultures? Hunters and fishermen, who lived in the teepee, dwell the North. And suddenly, descended to South America, they begin to build cities with a multimillion population, as it Maya done? Moreover, with the step-pyramids, as in Sumer? So, they instantly — on a historical scale — progressed from the teepee to the step-pyramids? No. We should look for another route. North is suitable only for the northern Indians.

In 2013, we held a third Conference in Seoul. All these conferences took place on the basis of megaversities. In America, it was Columbia University, in Seoul — Hanyang

University. There I suggested: perhaps some tribes went to America directly from the South-East Asia. Went those who knew the culture of ancient Western Asia.

The fourth Conference was held in Spain, in Granada. All these conferences were “trial”, they denoted the theme of the problem, the first title. So we learned that Europe has also experienced several “streams” of population. In 2015, the fifth conference was held in Jerusalem — “Settlement of Ancient and Western Asia”. The sixth conference was scheduled in Turkey, but it was canceled because of political factors. In December 2016 in Paris the Conference “Settlement of Asia Minor” was held. In August of the same year, the world conference of the humanities in Brussels was held. However, it was only theoretical. Seventh Conference is still in the plans. What did I take from these Conferences as the author of this idea and the first participant?.. My hypothesis explains all my misconceptions at the beginning of the research journey. I have identified one of the “points” of the intermediate ancestral home of mankind, one of the possible areas of human settlement. It was the ancient Mediterranean.

When tribes of Homo Sapiens approached the Mediterranean, there were already dozens of ethnoses — moon worshipers.

Editor’s comment. Many monuments, including the monumental complex G bekli-tepe, whose age exceeds 9 thousand years, suggest that religion “led” humanity forward down the ages. There are *abstract symbols on the walls of the construction in addition to the totemic images*. Some researchers believe that it was the erection of religious buildings that determined the future agrarian revolution. it required a long time and a cooperative labor of thousands of people who needed replenishment of food supplies. Wheat could become a renewable food resource [7]. Thus, religion defined the lifestyle of the collective, and therefore Mr. Suleimenov’s assumption that the first hieroglyphs were filled with sacred content is more than convincing.

Moon-admiring originated at the Equator; the Sun was not revered there — it was too hot, sultry, it reminded more the Devil than God. When the tribes approached the northern latitudes, they began to respect the warm luminary. And there secret temples have arisen — Palaeolithic caves, in which the neophytes of the new faith hid. They were persecuted by moon-worshipers, and their relationship and struggle are reflected on the walls of these secret caves. We see how the signs of the struggle against the moon are born: ☾ it was crossed out, a spear was placed on it ☾☞. Where did the strikethrough appear? It’s a sign of weapons, spears, arrows, symbolizing the destruction of the object, which is depicted — like a knockout moon. The first form of the image of God is the moon-boat; this it appears to man only at the equator. This is the first form of the image of God. The ancient tribes honored the Bull as the earthly representative of the Moon: his horns resembled the Orb of Night in its form. And the Bull “named” the Moon — she could not name herself. The Bull, in turn, people called on the basis of his self-designation: “Moon”, “Buun”. These two tribes *adopted* the name of the Bull and *appropriated* the name of the Moon sign — moon, buun. In the ancient Mediterranean, the Moon worshipers gathered, some of whom were already sun worshipers. Killing the Moon — killing the Bull — people recognized the Sun. (This tradition is still preserved in Spain. Murder of the Bull is a rejection of Moon admiring, recognition of the Sun. Tauromachy was born there and there lives its last years. It’s amazing, but the bullfight exists already 50 thousand years. The sword must pass between the Bull horns right in the heart. All these signs were preserved in live condition.) The sign of the Sun became the negation

of the Moon, it became the “stricken Moon” — and then . The next generation of priests didn't know this logic (what does it mean — the sun with the ray?). They found an ingenious way, starting to portray not a spear, but a wound from a spear — red dot. Circle with a red dot is the most common sign of the Sun . In writing, the dot turned black — it can be seen already in the Egyptian writing. All the interpretations of this sign indicate that the point was once red . Only the Japanese retained its initial color.

In the third millennium BC, when interpreting the red dot, the priests came to the conclusion that this dot is nothing else but the sun in the womb of the moon. The Moon ceased to be an enemy, transforming into the image of the Sun's Mother. Some tribes went to the East in search of the Motherland of the Sun — where the Moon gives birth to a small Red Sun. Some tribes reached India, Iran, staying there and believing that the Sun rose here. Others went on, sometimes staying for centuries. Next generations continued their way, because faith was not faded. In the 2000 BC, the Chinese reached the Pacific (and with them the Japanese, the Koreans and part of the Turks — Oguzes). There they remained, realizing that there was no ends of the earth: the horizon is not approaching. In those days, people did not realize that the Earth was round. But the Mayans, the Incas, and others continued their journey. Perhaps they crossed America in search of the end of the earth; they managed to bring to America the culture of ancient Asia, India, Egypt, Sumer, Babylon — even vocabulary.

Now I understand why words turn out to be “migratory” — I find the explanation of the etymology of ancient Chinese words, for example, in German sources. In a certain historical period, the lexical fund was common because of the commonness of the intermediate ancestral home, the Mediterranean. Now I present only the general scheme, which confirms that we are entitled to consider the lexical and grammatical coincidences of the different languages — Western and Eastern — not as late borrowings, but as the earliest. The word lives not 2 thousand years, as our academicians consider. Recently Mr. Ivanov, with whom I had a small debate in 1964, passed away. When I showed him my first Sumerian studies, he replied that it was impossible. Sumer existed 6 thousand years ago, and Turkic languages arose only 1,5 thousand years ago. The word does not live more than two thousand years. Therefore, the Turkism “tu”, the hieroglyph of a birthing mother and the name “tu” — “give birth to” — is, in experts' opinion, an accidental coincidences. I believed this opinion long enough. For 12 years I came to the Eiffel Tower. I am convinced that Eifel was familiar with the published project of Sumerian hieroglyphs, where he saw the ideal architectural model called “tu”.

And “Tu” means “tower” in French. I think this sign was seen not only by the Eifel, but also by the ancient Semites who erected Babylon and the Tower of Babel. “Babylon” is “Hardwar”. The tower did not survive, only its description reached us. Its shape represents the birthing mother. Her hands are up, she clings the twig; her legs apart, she is in labor. So Maya gave birth to Buddha in the rainforest, holding on to the twig. When I was a geologist, our detachment stayed near the shepherds' encampment on the shore of the Caspian Sea, and I witnessed how woman gave birth. She also kept her hands on the noose, stretched under the dome of the yurt. She was held at her feet and shouted: “Tu!”. It was in 1957. The word, like the written sign, lives tens of thousands of years. When

we start to develop this theory, it would be possible to compile a dictionary of long-lived words. Indeed, even the word “God” goes back to one of the oldest names of the Moon, we were talking about. And the opposite word is NOT God, “the heaven”. Overturned God became heaven. And we had a lot of such examples. “Our God is a bull”, said Mayakovsky. But everything is close. Linguists lacked this great basic knowledge about the origin of man, his settling on the Earth. And we try to make up this knowledge. I think that the Peoples’ Friendship University of Russia can become a pioneer in this sense. This conference is a visiting session of Peoples’ Friendship University of Russia.

All this is ancient migration, to history and early history. Why do I believe that Man did not reach the Pacific Ocean and did not cross it before 2000 BC? 2000 BC Chinese characters appears. Before, they did not exist, as there were no other cultural monuments in this region. In South America, the appearance of cultural monuments refers to the beginning of the Common Era. In India — 3000 BC We set our leads that man went to the East from the Mediterranean in the 3000 BC. It is important to outline this hypothesis in order to further confirm it with a variety of studies of archaeologists, anthropologists, culturologists, linguists. When I deduced the law of development (relying on the dictionaries data) of the nasal consonant “N” in the smooth “L” and “R” (NLR), which explains a lot of similarities in dictionaries, much has been cleared up. In the language of the ancient Maya there is the word “shaman”, that means “north”. In the ancient Semitic “shamal” — is the “north”. The Sumerians had a word that the Maya took for the Pacific Ocean. The same word came to the Turks with the Arabs, transformed into a “samal”. In Aramaic, the word “north” is “samar”. Now it is clear why “Samarkand” is a big northern city. That’s why the big Russian city in the north is Samara. That is, what is linguistics and the law of NLR. And there are thousands of such examples in the world languages. And they prove a lot: expansion of ethnic groups, interaction of cultures. We begin to guess how important the Aramaic people were. “Kent” is a small city, “Kant” is a big one. Samarkand, Kokand, Sarkand. Shymkent, Tashkent. Now we go on: Kent — Celt (name of the tribe) — Kert (a small town in Armenian). That’s what the great migration of peoples, cultures, words.

We start the period of generalization, which was preceded by a period of accumulation of knowledge and regularities. It’s time to go on a great understanding of the history of languages, cultures, and writing. A Man considers only the upper layer of History — from 1000 AD, looking into Latin and Ancient Greek. In the 19th century, the ancient Semitic sources were slightly opened, but they are also incomprehensible without the layer that we are touching now — without a foundation, that can explain and illuminate the upper layers of history. After the great migrations of the prehistory in the “upper story” we know only one “great” one. In the 2-3 centuries AD, there were “shifts” of tribes in Eurasia. Someone went to Europe, someone to Iran. Europe suffered: there were Huns. Why did this happen?

We will consider the basis that caused changes in the upper layer of history — the Silk Road.

The Chinese, who reached the Pacific Ocean, brought silk from the ancient Western Asia, as well as grammar and writing. They needed contacts with the West. Caravans with silk, porcelain and gunpowder went through Eurasia. As the route passed through populated areas, where the caravans were plundered, merchants had to turn to the Turks

who lived in Mongolia, who agreed to accompany these caravans. They began not only to accompany the caravans, but also purge the routes so that the trajectory of the caravans remained calm. The Turks drove out the local population and settled on the territories themselves. It was more profitable than make war with China, which raised the Chinese wall against them. Probably, one of the Chinese Emperors — and documents confirming this, incl. contracts, — hired the Turks for service, giving them tithes from the caravan. Several routes were formed. The Turks brought caravans to the Black Sea. In the Crimea, the relay was handed over to the Germans. In the Crimea, there was a “Chinese territory” — Go tu (“Go” — “state”, “tu” — “land”, “state land”). It was a staging area with stables, warehouses, barracks. The bales were loaded to the ships, and the caravan departed along the Black Sea towards the Balkans — there was probably a reception point, where the goods were taken by the Germans and carried them by land to Andalusia. Thus, the Goths — the East Goths in the Crimea and the West Goths in Europe — left mark in history.

Gothic saved the most exact name of the Chinese product. Etymologists are still trying to understand what is associated with the western name of silk. First of all, it is necessary to understand where silk was manufactured: in China. Learn Chinese dictionaries. To see that they have the name “Si” — “silk” and “Sidi” — “silk”. Made of silk goods called “Sidi”, but not “Si”. Goths keep the name “Sidi”, but transfer it to SILK. The Spaniards called its sede. The Spaniards take silk to Florence, and in Italian, based on the Florentine dialect, “silk” sounds like “seder”. Silk came to Italy by a “roundabout way”. In Rome, silk came with another way and from other mediators who called themselves as “serik”. These are the Turks, who accompanied caravans along the overland route. The Romans called silk as “sericus”. And what does “serik” mean in Turkic languages? Accompany, partner, orderly, guard. Accompany troops were called “serik”. This word became the basis for words meaning “army” (*cherikh, serik, cherik, sherik, yany cherik*). That’s what the History means through the history of words. Routes of words are able to tell about the routes of peoples. The word “sericus”, as many experts are convinced, became the basis of the word silk. But, in our opinion, the origin of the word has a different way. The Turks expanded the word SIDI (seeing the root and suffix) and replaced the suffix with its own (-lik). SiLIK. It was version, that reached England in the form of “silk”. All of this must be prescribed. Much will be explained, and the former errors of science will clear up. We initiate this project for the simple truth; If, however, the significance of the Turkic language increases, there will be no loss of this.

M. Dzhusupov:

First of all, I want be thankful so much for organizing the Conference in this beautiful place in Europe. Presented themes are surprisingly relevant. Silk Road, which transported precious goods, was always accompanied by writing. When European scholars deciphered the ancient Indian language in the 19th century, finding its similarity to Western European, in particular Germanic and Romance languages, a historical method of linguistics appeared. It was the greatest milestone in the history of linguistics, which separated into an independent science. A similar discovery found between Turkic and Sumerian, can also be a great one. Unfortunately, stereotypes of thinking and ideological approaches largely determine the acceptance or non-acceptance of a particular concept. As pointed

out at the last Supreme Council, the concept of Mr. Suleimenov had the right to life. Now, regarding today's speech.

As for the similarity of languages that are geographically remote from each other — for example, Indian and Turkic: studies in this area are ongoing. Akhmedov's book is written. Our Azerbaijani colleagues work in the same vein. The word lives more than 2 thousand years. Let's take the word "kurt" ("bashkurt" — "the main wolf"), a word that came to us despite the appearance of synonyms. Another problem is the preservation or loss of the semantic volume of a word or its phonetic transformation. For example, the word "shamal" ("samal"), denoting at once the north and the wind, with which came the cold. Or the word "kant", which used to mean "big city", but synonymously synonymous with the word "kent" — "town", "small town".

The word "serik" in the modern Kazakh language has synonyms "zholdas", "zholausy" ("companion", "comrade"). Serik — "accompanying", "seri" — a knight, a warrior. The root is "ser". The root always matters in Turkic languages. If the inner form of the root is not explicated, then the word is borrowed. It is interesting to know the origin of the word "jan", the structural element of such words as "Azerbaijan" and others. In all modern Turkic dictionaries, the origin is explained by the Persian "soul", "spirit", "alive", "possessive of life". The question arises about the relationship of this word with the Chinese "zhen" — "man". Chinese word "zhen" and borrowed by the Turks from the Persian "jan" are they phonetic modifications of the same word? And what, then, is the trajectory of its movement—from Chinese to Iranian, and thence to Turkic, or, vice versa?

I agree with you and about the law of alternation of NLR. We pronounce Albania and Almania; the transition of sound to a different quality is proved by the state of modern Kazakh and Uzbek languages. I believe that now we need to look for a cross-routes of other words. It seems that it will be necessary to publish the Dictionary, where your research would be combined.

O.I. Valentinova:

Now we are faced with a phenomenon in the history of science. Always, when a person appears that is trying to bridge the gap between the sciences, a scandal arises. The precedents connected with overcoming this gap were already in the history of science. We can recall such personalities as Lev Gumilev, George Melnikov. What the author does is also connected with bridging the gap in the natural and humanitarian sciences and between the various branches of the humanities. I would like to cite as an example the unique work of Stephen Toulmin — "Human understanding". He explores the history of the development of natural sciences, where you can experimentally confirm your hypothesis. But even there the appearance of the new is confronted with the most powerful resistance of the environment. Quantum theory was most aggressively adopted by Einstein, who "just" experienced an aversion to his own relativity theory. What was proposed to us for discussion should be decided by a serious research institute, because it is not just about creating comparative paleoarcheology, paleography, paleolinguistics, but also to bring the results of this comparison into line with that knowledge, which is already accumulated by science, and bridge the gap. We absolutize convention, forgetting that it was once adopted for the convenience of analysis. Having divided synthetic knowledge into separate sciences, we approached such a situation in cognition, when the desire to synthesize information meets resistance. As a man of traditional research thought, I use

logical thinking. But we know that there is a visual thinking, and it works when logical thinking is weak. The image helps to overcome what is not available to logical thinking. There is a mystical insight, there are saints who perceive information that is inaccessible to other people. But there is also a special type of thinking, synthetic, combining poetic, intuitive and logical. This is what Mr. Khlebnikov did (just not clothe his words in scientific form) and what Mr. Suleimenov is doing now. These intuitive connections provide the stuff for logical science. This is an incredibly difficult job. The existence of a system of assumptions is necessary, we must evaluate which of the hypotheses having the right to exist requires further confirmation and argumentation. We don't even have a comparative atlas of the migration of mankind in order to see which migration routes are based on the data of archeology, which are at the hypothetical stage and what is the evidence base. There must be an enormous job by the scientists of different specializations.

As for the proto-problem with which You began your speech. For a person with abstract thinking, the sign is conventional. For him, the relationship between the sign and the value is also conventional and arbitrary. At long last, a context can always be created, where any arbitrary sign can be matched with a corresponding value. It stands to reason that the more historically, the more chronologically the epoch is distant, the more unconditional and sacred will be the connection between acoustic and graphic, between the meaning, behavioral signs, etc. This connection needs to be restored. Of course, at first it will be hypothetical. But, in my opinion, it is not accidental that the designations of animals are selected and their connection with the luminaries is actualized. O.O., do you refer them to the New Stone Age (Neolithic)? After all, in the Early Stone Age there were picturesque petroglyphs. Vladimir Mikushevich, the poet and translator, has interesting notices on this matter. He says that picturesque petroglyphs of an animal (for example, a bull) arise when he does not feel a rupture between himself and the animal (as an extension of himself) to such an extent that he asks his consent to a voluntary sacrifice and forgiveness for the fact that the animal was killed. In the Neolithic there is a schematic representation of the animal, and in the Tyrian alphabet the image of the bull is “completed” according to the first letter of Aleph.

O.O. Suleimenov:

In the Early Stone Age, the bull was also depicted through a detail: “horns”.

O.I. Valentinova:

Do you think that even then there was such a schematization?

O.O. Suleimenov:

Certainly.

O.I. Valentinova:

Then this connection becomes even more organic.

O.O. Suleimenov:

Initially, I believed that it was primarily naturalistic. Now I believe that the journey of human perception went from symbolic to lifelike.

O.I. Valentinova:

It is important to identify the time correctly, and such work needs to attract specialists. Today the chronology of the image is established — symbolic, naturalistic and others. Chemists and many other experts work.

O.O. Suleimenov:

In the Early Stone Age, the “killing of the Moon” was depicted. That’s great. Circle struck by a spear is an image given three times ♀♀♀. I recognize the Sun as a refusal from the Moon. It’s closer to the Neolithic.

M.E. Dubrovina:

How do you explain the fact that the moon worshipers were the first?

O.O. Suleimenov:

With the climate. They lived then in the area where the cool star was worshiped by God. At the Equator, you can live only at night. This calmness, light, coolness. The Sun is the red-hot Devil, the Demon, but not God.

O.I. Valentinova:

Any study that is connected with the proof of definiteness, should be developed and consolidated in science. It is necessary to change the starting point.

O.O. Suleimenov:

The etymology of the word silk. *Si* is silk. *Sidi* is made of silk. *Silik* is a Turkic version of the adjective. Silk — army of support of silk — army — troops. On this line, it is already possible to build a history of the relationship of the Turks, Mongols, Germans, Slavs, Balts. This is the scheme. *Sidi, Seda, Seder*.

The most important thing is that the history of words confirms the history of ethnic groups, the mutual relations of peoples, the routes of their migrations, the nature of their relations.

O.I. Valentinova:

May I comment? I was always fascinated by the fate of the Vasmer’s dictionary. After all, its translation into Russian is even better than the original dictionary. When translated, every article was supplemented by all the hypotheses that existed in science at that time. How can we imagine what you are doing lexicographically? If the dictionary article provided an opportunity to look at the author’s thinking and compare it with other assumptions, the scientific informative nature of such a publication would give the possibility of comparison, discussion; this would be in demand.

O.O. Suleimenov:

I’ve learned a lot of etymological dictionaries during these decades. They touch the surface of the history of the word. Unfortunately, no ET has found the origins of the word. ET should be associated with a figurative writing, with a written word designation. Alphabetic writing did not give the nature and content of the word.

O.I. Valentinova:

Mayakovsky is looking for the content of the word, including the letter. He has a lot of studies on this point.

O.O. Suleimenov:

The mother of the word is, of course, a proto-hieroglyph. A pure image of an object without phonetic additions and weightings. The name of the first hieroglyph becomes a word after the image is interpreted. This is the dictionary of the future, when all written signs will be restored. The etymologies with which we are dealing, relate only to phonetic variations and semantic guesses of the initial form of the word. We are stand at the origins of this etymology. Vasmer is wonderful, but he didn't write about the origin of silk. When the Chinese call an object, that is unfamiliar to themselves, they add the determinative "zhen", pointing to the fact that it is a person in front of them, and not another form of life. "Mukhamedzhen", "Lukashen". The Turks and the Slavs — "Mukhametzhan", "Lukashenko". Much depended on writing: hence the Armenian "Yan".

What is the origin of the Chinese "Zhen"? I believe that from the ancient sign "gen". All this originated not in China, but in the ancient Mediterranean. Only in 2000 BC this sign was in China. Imitating this sign, the Chinese began to bow, holding two hands in front of oneself: thus the Chinese bow was formed, the ritual of recognizing one's own.

The settlement of Albans originated on the border with China, on the western shore of the Caspian Sea. This is the former territory of Azerbaijan. All these are the routes of the great Silk Road. And an Albanian in Chinese is *Azerbaijani*. That is the origin of the word *Azerbaijan*. You just need to follow the movement of words.

U.M. Bakhtikireeva:

Dear colleagues, I would like to focused on that we are present at the amazing event. We are with a man who can be called the Universe. This is a rare intellectual and human chance. We are proud of this and will carry it through our lives. You are a genius, brilliant man, Chialabi — a man of the sense-mind. This book is the first edition of "Az i Ya", and I believe that this edition will reach my grandchildren, and they will read it as a handbook. 42 years have passed, and some of its places still remain an enigma for me. Despite the fact that the type of scientific rationality has changed (and now it is customary to talk about the post-nonclassical type of knowledge, that intuition and guess can be involved as a method, that the individual can not be discarded, and the local truth of everyone is very significant, and that all of us are contextually conditioned), the world increases in numerical terms, accordingly, the number of researchers, scientists and truths also increases, and we often do not hear each other.

We live in the era of transition, which we can not comprehend from the inside and look at it from the outside. There is a powerful paradigm shift in the consciousness of humanity, which we can not understand yet. What shall we do? I agree with what philosophers say. When humanity switched to written comprehension of the surrounding reality, this process was accompanied by a monstrous degradation of the social memory. On the other hand, now we still don't understand what to do with the nanobioinfocognitive revolution. Intellectuals understand that without the data, developed by the humanities,

this revolution can destroy a person as a species. The ontology changes, the epistemological foundations of science also changes. We are talking about a change in the epistemological position of researchers, that we can remain partial (as the head of the Moscow psycholinguistic school Eugene Tarasov says), that the researcher within the framework of post-non-classical rationality can not help but be biased. Always, when we meets, when I read your writings, I understand how I am an amateur. I have never been in Libraries in which you were; I did not read as much literature as you read. Against all the odds, the degree does not reflect much. The impending pluralism of post-non-classical rationality keeps us from professional amateurism, and I do not feel ready myself to talk about etymology. I have a slightly different direction. But it's surprisingly fascinating. When at the Conference in 2008 you gave our students a task about "monshak" ("beads"), we collected a lot of material. But the process did not go any further: probably, we don't have enough creative thinking, the further intellectual sweep. I think, and the student has changed. The younger generation, which now comes to the higher school, has a qualitatively different from our thinking. We can't always meet their requirements — or they to ours.

I would like to refresh an excerpt from the book "Az i Ya" (p. 192), "The Right to Make a Mistake". I always knew it is Mr. Ivanov, although you do not mention his name.

Now much is said about the transdisciplinary approach as the most constructive, because it involves the study of complex problems at several levels. The principle of such organization of knowledge is based on the interaction of disciplines, and the postulate related to this type of post-nonclassical rationality says that knowledge is inseparable from the subject. If the subject generates, develops, translates scholastic attainments, then the subject proceeds from his own experience. But how much the subject (the researcher, the linguist, the humanist) is ready to understand this, to comprehend and inform? Despite all the difficulties that we face in the higher educational process, we must broadcast this knowledge. I also have a "crane jamb of question marks".

There are a lot of questions about HOW to do it. We try to engage our students still in the classroom. In the last 10—15 years we have talked a lot about the transdisciplinary approach, and in the "Az i Ya" it was said 42 years ago. Lack of knowledge does not mean that you should not try and go further. I give you kind regards from the leadership of our University and personally from Kiribaev Nur Serikovich. As a part of his project, we will try to rethink your approach to science, create a contest site in our mag. Unfortunately, Mr. Rybakov could not come, and on June 22, Sergei Y. Preobrazhensky died, together with whom we began to comprehend the creative and scientific heritage of O.O. I hope we can develop an algorithm for the further work.

What you said about the great migrations and globalization, the same was said by the rector of the UN University Hans van Ginkel ten years ago, calling these processes just like you. He also concludes that the Huns reached Europe, that cultures is not "come ready", but are in the eternal process of interaction and synthesis. Globalization is not a sign of our time. And the Huns is globalization, and the Great Silk Road is also globalization. I conclude my speech by saying that we will make this discussion as a serious forum on the pages of the Bulletin. I think we need a series of articles that outline your concept, which we need to popularize. You are rhizome. We are proud and happy that we are side by side and are trying to discuss today.

O.O. Suleimenov:

It can be a good project for the PFUR. Mr. Ivanov is the last of the representatives of the old school of Indo-Europeanism, which already ceases to exist.

I thought for a long time about how Latin appeared in the Apennines in the 7th century BC. What preceded it? There was a drought in Asia Minor. Ships of scouts went to all the directions with the mission to find a land where there is no drought. In those days they were called the Hittites. Some groups reached Northern India in the early 1st Millennium BC. They came there with their faith in God-the-Father (Deus Piter). They planted this faith, for which the Sanskrit language was created. Many Latin words are similar to Sanskrit, hence the theory that the Europeans become of India. It was vice versa. The ancestors of the Latins, who brought their God, came there from the shores of the Mediterranean Sea. In one case this combination reads as Deus, in another Jus — Jupiter. But this is not a Sanskrit word, it's a Latin one. When there was a planting of other values together with words, Sanskrit became the language of the Holy Writ. I was wondering where the word "Sanskrit" came from. This is the Italian pronunciation of "san scriptum" ("Holy Writ"). Latin is one of the Old Italian derivatives.

Ancestors perceived the letter as a hieroglyph and interpreted it figuratively. What could the Turks see in the sign gov, kov? Коп. Sign of sets. Hence the Russians "save — kopit", "buy — kupit", "collect — sovokupit" and so on. Writing directly affects the language.

O.I. Valentinova:

This is a valuable comment, able to fill lacunarity in the interpretations of the Tyrian alphabet. It is a pity that there is no paleography in the classical education.

O.O. Suleimenov:

The reconstruction of the ethnonym "Goths" in the plot about the Silk Road is especially important. We believe that it is directly connected with the Great Silk Road and Chinese dictionary, the Chinese policy of "receiving stations". All of Eurasia was a chain of transitional points, and we should remember it.

S.V. Dikhtyar:

I would like to begin with Olzhas Omarovich's speech and give some examples. The etymologization of the word "silk" seemed very interesting to me. For the first time was introduced version, thanks to which it is possible to restore two routes of moving goods instead of the generally accepted one. With tea, is a similar situation. The starting point of its expansion is also China. We have two "branches" of goods expansion around the world and, as a consequence, two variants of the pronunciation of its nomination ("cha" and "tea"). The name of the Great Silk Road (1877). In the 4th century the name "Great way of silk trade" already exists, including the word serikum. It seems to me interesting to follow these ways and verify the routes already opened.

When I was in Indonesia, I found that the patterns on the local cloth — tnun and kat — repeat the famous abro designs of the Fergana Valley. In Ecuador, in the Museum of Equator, I saw the same cloth with the same name — tnun and kat. Ecuador, Indonesia, Central Asia. I was amazed by this trajectory, close to what you talked about today. Another

example is associated with the cult of the Bull. Indonesia, Sumatra, island, in part of which there is still matriarchy. There are Minangkabau people there. The roofs of the houses of this people are made in the form of buffalo horns. They still live in these houses.

O.O. Suleimenov:

It's not horns, it's the Moon. The sign of God.

S.V. Dikhtyar:

And now a few words about how the Silk Road project is being implemented in the field of tourism. We understand GSR as the movement of people, goods, ideas from the territory of modern China to Europe. Its conventional historical borders are the 2nd century BC — 15 century AD, the length is about 12000 km. There are no analogues to this phenomenon in the world. In 1994, the World Tourism Organization appealed to the legacy of the GSR. The starting point was Samarkand, where the Samarkand Declaration on the support of the GSR project was signed. At present, it unites 33 states, including China, Central Asia, Europe. There is also a sea route. Countries join their efforts to use the legacy of this great route. What can our experts do for the problem identified today? Tourism is interdisciplinary. Historians, archaeologists and other specialists work together. In 2017, with the assistance of The Intergovernmental Foundation for Educational, Scientific and Cultural Cooperation, was launched a large educational and research project, involving seven CIS countries: Armenia, Azerbaijan, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Uzbekistan, Tajikistan and Russia.

We are trying to unite researchers to address the issues of cultural and historical heritage of the GSR. In October we held great Symposium hosted by PFUR, where all the teams presented the results of their work. We plan to continue this project. What should be the next step? Although we did not considered the actual linguistic heritage, the intangible spiritual heritage is still a part of our research interests. Perhaps at the next stage we will be able to shift the focus. The results obtained by the combined efforts of students from the different countries will allow us to advance the project further and in this direction.

O.O. Suleimenov:

It is possible to develop several routes of the GSR, based on the linguistic data on the expansion of the name of silk. For example, the “Gothic route” from the Crimea to Andalusia. From Andalusia — by sea — to Florence. The second route — “silik” — will lead to the British Isles. This route ran through Northern Europe to Britain. From there it expanded to Eastern Europe, turning into “silk”. “Silik” gradually turns into a “serik” and comes to Rome (sericus) — which means “silk” and “Chinese” in Latin.

S.V. Dikhtyar:

It is interesting that the GSR passed through the territory of Russia. You have already mentioned the Crimea, but there is also Dagestan, Ingushetia.

O.O. Suleimenov:

I think it was already a sea route passing through Asia Minor; “serik” was transformed into a *cherik or chelik* is a support army. A vessel with silk from Asia Minor could reach

Rome. It is necessary to find where this word was saved on the way to Rome. Incredible scale. The power of empires — Eastern and Roman... Their interaction, which gave impetus to the great migrations. In the 15th century, reverse processes began — the conquest of the East, the search for sea routes to China and India, colonization...

M.E. Dubrovina:

Being here is a big commotion for me. I'm a Turkologist who studies Turkic languages. All this time I think about how important is the strength of the individual in history. Any science is conservative; for thought, which is different from the traditional, it is very difficult to break out. Studying Turkology for more than 20 years, I come across the questions, answers to which science does not offer. It is impossible to pursue science in isolation from the historical context, like any field of human activity.

Today the question about the necessity to consider the prehistory in the development of mankind came up (that is, deeper than for 5 thousand years of the existence of written culture). Not always the archeological findings give an explanation to many facts. Now I understand why Chinese writing arose later than the Sumerian (13th century BC). I judge from the theory of monogenesis of writing: writing originated in the one geographical sector and subsequently expand throughout the world (in contrast to the theory of polygenesis). This concept is well superimposed on your hypothesis about the Mediterranean as an intermediate human ancestral home. We can chronologically restore the “advancement” of writing to the East. We could answer many questions of linguistics, guided by this understanding. Scientists argue about the disjointed ideas, not having a “clear overview”. 95 percent of people think standardly. The remaining five are non-standard. We should popularize an unconventional view of certain things. You convinced me as an outsider, and it is also very important: to see how the concept is available. We must materialize it and make it public. The idea is popularized by like-minded people. Despite the fact that I have never set aside with etymology professionally, I globally support your concept. This approach is logical and, unlike many existing ones, is not contrived.

The word can get into a different language and culture in a number of ways. It is necessary to write it about and support this idea. Thanks to the hosts for the opportunity to join it.

O.A. Valikova:

Joining the words spoken by Margarita Emiliyevna, I would like to note that we should arm ourselves with the principle of “Ignoramus”, from which the Age of Discovery began. If we remember how the geographical maps looked before the 15th century, we will see that the world on them was depicted as known. If Terra Incognita sites existed in reality, graphically they were always filled with various conventional elements (including mythical ones) to create the illusion of cognition. In the 15th century lacunary maps appeared; all the space around is recognized as unexplored, and it becomes an impulse to the further knowledge of the world. There are a lot of such “clouds” today. Our understanding of the theory of glottogenesis begin to falter. We are used to believe that the Proto-Indo-European study divides languages into Nostratic and Afrasian languages, which are heterogeneous in system, structure, and type.

However, if we look at the problem from the position of the approach, proposed by you, the picture will be different. Suppose that the human species (namely *Sapiens*, because there were at least six species of man, and only *Sapiens* survived in the process of the biological evolution) originated 100–140 thousand years ago. 70 thousand years ago there was the first cognitive revolution, the result of which — for various reasons, one of which biologists name a historical accident — the Broca's and Wernicke's center develop in *Homo Sapiens*, and he acquires the ability to speak and *share* his knowledge of his own kind. The language begins to develop (there is a theory “there is a lion near the river” according to Yuval Noah Harari, when relatives have to warn about the danger, and the theory of gossip, according to which language served as a tool to strengthen the internal social relations). Scientists believe that a man has survived due to his ability to imagine non-existence, and believe in this, including thanks to language. This is evidenced by the many artifacts of culture, including found “chimerical” figurines (such as Narasimha).

The attempt to establish a correlation between the deity and the sign is very seamless. Man was able to perceive the whole through a part and vice versa, that is, to think metonymically. The examples you cited of how lunar worship changed to sun worship in the context of new climatic circumstances, demonstrates how the already existing form of the sign can be filled with the new content and how the principle of negation and the principle of “negation of negation” are realized. All that you say is a narrative scheme, but it took place for 68 thousand years — until the period when the agrarian revolution took place and the human collectives began to settle in the more or less stable areas. The agrarian revolution was connected with the development of agriculture. If we assume for the reference point the assumption that the language originated from a single primary ethnos, which subsequently migrated and expanded, we come to the conclusion that humanity has a single linguistic basis. Then the theory of transculturation can be viewed from a new angle and approach it more reasonably. And it is important not only from the point of view of objectifying historical truth, but also from the point of view of our present life situation “then and there”. We have a very heterogeneous community, which, on the one hand, tries to prove its autonomy, “which was always”, and with another one — to integrate into the global society.

The theory of transculturation helps us to understand that we are at one and in the process of historical (including linguistic) contacting we have acquired properties that can not be called simply chimerical. It will be very interesting to see how the words reacted to various historical circumstances, and with them the ways of cognition were also modified. We borrow not only the word, but its entire rescript nature (and even the derivational model). And here the most interesting results are expected.

U.M. Bakhtikireeva:

“There are no unsolvable problems in science, but there are unresolved” (O. Suleimenov).

G. Ismailov:

Your etymology covers an ancient layers of the human culture. You will explore the origins of the human language through the concept of the subject and its designation in

graphics and in language; in what form did the word come to our days, in which phonetic variant? Modern etymological dictionaries do not give us this information, because they written in a different methodology. They have other tasks and goals. Now it is necessary to prepare the etymological part separately. Perhaps, it is necessary to prepare a manual for the wide audiences. An introduction to such guide can be the “Code of the word”, which provides extensive information despite its small volume.

3. SUMMARY

O.O. Suleimenov:

It is important for me that you understand what the art of the Word should begin with. It is in the middle of things. The priests — the first intellectuals — created the first words. A man came into the world with one — already lost — sound combination of two or three sounds. But he differed from his brothers in nature by his ability to imitate; he called them by the names that they called themselves. The first stage of the human language is onomatopoeic. When a man called all the sounding animals, developed his vocal apparatus, learned to mumble, hiss, bleat, bark — then he began to call the mute objects. And how to call them differently, except by the likeness? So he compared the bull with the Moon and named it with the bullish name. Thus began the stage of the sign imitation. This period was the longest; the man subsequently reached the alphabetic writing. It is absolutely necessary to know all the linguists. The development of philology is possible on this basis. Students should understand how the language appeared ab ovo. One of the first bases of the language is the Mediterranean. The signs that appeared there are ancient than Sumerian ones. The signs of the Sun, brought to Sumer by the ancestors of the Turks, arose in the *another* place. Maya’s culture came out of the same region, in this culture remain the name of the moon — U. Then we find these relics in Latin (5th century BC). In the Ancient and Western Asia the northern version of the moon inscription was remained. Subsequently, signs of the sun are built on the signs of the moon. As a result, the Maya were on the other side of the Pacific Ocean.

All these issues can be solved only by joint efforts.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сулейменов О.О. Код слова. Азия. Алматы: Литературный Альянс, 2013.
2. Сулейменов О.О. Язык письма. Алматы; Рим: San Paolo, 1998.
3. Сулейменов О.О. Пересекающиеся параллели. Алматы; Рим, 1998—2004.
4. Сулейменов О.О. Тюрки в доистории. Алматы: Атамұра, 2002.
5. *Harari Yu.N.* Sapiens. Краткая история человечества [A Brief History of Humankind]. М.: Синдбад, 2017.
6. *O’Connel J.F., Allen J.* Pre-LGM Sahul (Pleistocene Australia — New Guinea) and Archeology of Early Modern Humans’, in *Rethinking the Human Revolution: New Behavioural and Biological Perspectives on the Origin and Dispersal of Modern Humans*, ed. Paul Mellars. Cambridge: McDonald Institute for Archeological Research, 2007. Print.
7. *Heun M. et al.* Site of Einkorn Wheat Domestication Identified by DNA Fingerprints. *Science* 278: 5341, 1997.

REFERENCES

1. Sulejmenov, O.O. 2013. Kod slova [Word Code]. Azija. Almaty: Literaturnyj Al'jans. Print. (in Russ.)
2. Sulejmenov, O.O. 1998. Jazyk pis'ma [Language of Scripts]. Almaty; Rome: San Paolo. Print. (in Russ.)
3. Sulejmenov, O.O. 2004. Peresekajushhiesja paralleli [Intersecting Parallels]. Almaty; Rome. Print. (in Russ.)
4. Sulejmenov, O.O. 2002. Tjurki v doistorii [Turks in a Protohistory]. Almaty: Atamyra. Print. (in Russ.).
5. Harari, Yu.N. 2017. Sapiens. Kratkaja istorija chelovechestva [A Brief History of Humankind]. Moscow: Sindbad. Print. (in Russ.)
6. O'Connel, J.F., and J. Allen. 2007. Pre-LGM Sahul (Pleistocene Australia — New Guinea) and Archeology of Early Modern Humans', in *Rethinking the Human Revolution: New Behavioural and Biological Perspectives on the Origin and Dispersal of Modern Humans*, ed. Paul Mellars. Cambridge: McDonald Institute for Archeological Research. Print.
7. Heun, M. et al. 1997. Site of Einkorn Wheat Domestication Identified by DNA Fingerprints. *Science* 278: 5341.

Благодарности и финансирование:

Редколлегия журнала благодарит О.О. Сулейменова и фонд «Культура» за организацию конференции и возможность опубликовать ее результаты на страницах журнала «Вестник РУДН: Вопросы образования: языки и специальность».

Проект осуществлен при финансовой поддержке фонда «Культура».

Acknowledgments and funding:

The Editorial Board thanks O.O. Suleimenov and the “Culture” Foundation for organizing the meeting and the opportunity to publish its results on the pages of the journal .

The project was implemented with the financial support of the “Culture” Foundation.

История статьи:

Запланирована: 03.12.2017

Принята к публикации: 27.12.2017

Модератор: О.А. Валикова

Article history:

Planned: 03.12.2017

Approved for publication: 27.12. 2017

Moderator: O.A. Valikova

Конфликт интересов: отсутствует

Conflict of interest: none

Для цитирования:

Сулейменов О.О., Бахтикиреева У.М., Джусупов М.М., Валентинова О.И., Дихтяр С.В., Дубровина М.Э., Валикова О.А., Исмаилов Г.И. Код слова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2018. Т. 15. № 1. С. 128—165. DOI 10.22363/2312-8011-2018-15-1-128-165

For citation:

Suleimenov, O.O., Bakhtikireeva, U.M., Dzhusupov, M.M., Valentinova, O.I., Dikhtyar, S.V., Dubrovina, M.E., Valikova, O.A., and Ismailov, G.M. 2018. "Word Code". *RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices*, 15 (1), 128—165. DOI 10.22363/2312-8011-2018-15-1-128-165

Сведения об авторах:

Сулейменов Олжас Омарович — поэт, общественный деятель, посол Казахстана в ЮНЕСКО. E-mail: info@culturefund.kz

Бахтикиреева Улданай Максutowна — профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Российского университета дружбы народов, специалист в области би- и транслингвальных исследований в России. E-mail: uldanai@mail.ru

Джусупов Маханбет — доктор филологических наук, профессор Узбекского государственного университета мировых языков. E-mail: mah.dzhusupov@mail.ru

Валентинова Ольга Ивановна — доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов. E-mail: ovalentinova@yandex.ru

Дихтяр Светлана Васильевна — директор Института гостиничного бизнеса и туризма Российского университета дружбы народов. E-mail: hbti@pfur.ru

Дубровина Маргарита Эмильевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры тюркской филологии Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: maggydu@rambler.ru

Валикова Ольга Александровна — доктор философии (PhD) в области филологии, научный сотрудник кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Российского университета дружбы народов. E-mail: vestnik_valikova@mail.ru

Исмаилов Гулом Мирзаевич — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института узбекского языка и литературы при Ташкентском государственном университете узбекского языка и литературы. E-mail: gulom1208@gmail.com

Bio Note:

Suleimenov Olzhas Omarovich is a Poet, Public figure, Ambassador of Kazakhstan to UNESCO. E-mail: info@culturefund.kz

Bakhtikireeva Uldanai Maksutovna is a Professor, Doctor in Philology, Professor of the Russian Language and Intercultural Communication Department of Peoples' Friendship University of Russia, a specialist in bi- and translational researches in Russia. E-mail: uldanai@mail.ru

Dzhusupov Mahanbet is a Doctor in Philology, Professor of the Uzbek State University of World Languages, Uzbekistan. E-mail: mah.dzhusupov@mail.ru

Valentinova Olga Ivanovna is a Doctor of Philology, Professor of the Department of General and Russian Linguistics of the Philological Faculty of the Russian University of Peoples' Friendship. E-mail: ovalentinova@yandex.ru

Dikhtyar Svetlana Vasilievna is a Director of the Institute of Hospitality and Tourism of Peoples' Friendship University of Russia. E-mail: hbti@pfur.ru

Dubrovina Margarita Emiliievna is a Candidate in Philology, Associate Professor of the Department of Turkic Philology of St. Petersburg State University. E-mail: maggydu@rambler.ru

Valikova Olga Aleksandrovna is a Doctor of Philosophy (PhD) in Philology, Researcher of the Department of Russian Language and Intercultural Communication of Peoples' Friendship University of Russia. E-mail: vestnik_valikova@mail.ru

Ismailov Gulom Mirzaevich is a PhD, Senior Scientific Researcher of Research Institute of Uzbek Language and Literature, Tashkent State University of Uzbek Language and Literature. E-mail: gulom1208@gmail.com

DOI 10.22363/2312-8011-2018-15-1-166-168

УТРО ЭТИМОЛОГИИ (NOVELLO)

О.О. Сулейменов

Для прояснения предлагаемой студентам темы «Новая этимология — уточнение истории языков» хочу на двух-трех конкретных примерах наглядно продемонстрировать действенность метода знаковой («зрячей») этимологии. Показать, чем он отличается от фонетико-семантического («слепого») метода, который применен во всех этимологических словарях. Интересно, например, посмотреть, как в Этимологическом словаре русского языка Макса Фасмера исследуется генезис слова **утро**, сохранившегося в этой форме только в русском и болгарском, в большинстве остальных представлена лексема **jutro**, **ютро**, которая и выведена в качестве исходной: «Этимология затруднительна. ***Jutro** сближают с лит. **jau** — “ужé”. С другой стороны, пытались связать слав. ***jutro** — первоначально якобы “время запрягать” со шв. диалектным **ökt** — “определенная продолжительность работы между одной едой и другой”».

И далее на целую страницу приводятся догадки исследователей этого слова, подобные приведенным, еще более отдаленные фонетически и семантически от «праформы» ***jutro** (Фасмер, IV т., стр. 176).

...Я отыскал в шумерском письме первоиероглиф **ut(ud)** — «солнце», от которого, думаю, и произошло славянское **utro (utra)** и древнетюркское **utra** — «время».

Но к этой графеме мы придем в следующем рассказе, а пока обратимся к древнеегипетскому иероглифу **Ra** — «бог Солнца», более известному научному миру. Именно он стал исходной площадкой для создания целого ряда славянских терминов с корнем **pa-**. Этой возможности еще не знают нынешние этимологи. Фасмер, например, так пытался определить происхождение лексемы **рано** — «утро» (чеш.), от которой происходит **ранок** — «утро» (укр.) и русское слово **рано** с похожим значением: «Трудно поддается этимологии. Пытаются установить родство первонач. исход. ***rāi** с лит. **rytas**, лтш. **rits** — “утро”» (Фасмер, III, стр. 442).

Священный египетский иероглиф, видимо, был распространен в Древнем Средиземноморье, где жрецы многих иноязычных племен толковали этот сложный знак, выделяя главную, по-видимому, смыслонесущую деталь — Точку. И я убедился, что Точка эта первоначально была красного цвета, что подтверждается названиями этой детали, полученной жрецами в нескольких этносах Средиземноморья. Древние семиты именовали знак египетского бога Солнца **Ru**, а точку называли **Ru-ben (Rubin)** — «**Ru** — сын» («Солнце-сын», т.е. Солнышко).

Но это сакральное значение не дошло до латинского словаря, где осело слово **rubin** — «драгоценный камень ярко-красного цвета».

Древние евреи для названия Точки использовали корень слова с другим гласным: **Ra-bin** — «Солнца-сын», «Солнышко», которое, вероятно, обрело еще более переносный смысл — стало обозначать священнослужителя — ныне в русском — раввин.

В германской среде это древнееврейское слово испытало воздействие фонетического закона — качественной регрессивной ассимиляции. Если в заимствованном германцами слове конечный звук мягкий, то при освоении слова смягчаются и предыдущие звуки. Так, древнееврейское ***rabin** — «священник» в идиш — **rebi**.

В славянский (русский) еврейское название точки в знаке солнца поступает из германской среды уже со смягченным согласным корня: ***рябин** и становится названием: 1) красной лесной ягоды (рябина); 2) красной язвы на лице, после которой остается шрам в виде выемки на коже (рябина, рябь). (Предлагаю для сравнения посмотреть в Словаре Фасмера этимологию этих русских слов.)

II

В других этносах Точку называли не образно, как в семитских, но используя грамматическое правило сложного первоиероглифа: «Чтобы наименовать деталь сложного знака, отрицая общее название».

В германских диалектах Древнего Средиземноморья внешней флексией отрицания, вероятно, был суффикс ***-di (-ti)**, который в конце германских слов утрачивал гласное окончание, превращаясь в **-d (-t)**.

⊙ **Ru (Ro)**. Точка — ***Rudi (*Roti)**. В результате всех дальнейших системных фонетических преобразований произошли слова **rot** — «красный» (нем.), **reed** — «красный» (англ.). Здесь сказалась регрессивная ассимиляция по качеству конечного звука, перед тем как ему сократиться. И во фр. **rouge** — «красный» (ruʒ), и в итал. **rosso** — «красный» ощущается консонантизм прагерманского названия Точки.

...В славянских диалектах того времени и того региона действовал аффикс отрицания **-no (-ni, -na)**.

⊙ **Ra**. Точка — **Rano (Rani** — «рань»). И в одном праславянском диалекте проявилось самое раннее значение красной точки — **Rana** — «рана». Красный след от удара копьем (стрелой). Именно это значение можно назвать первичным: **рана** — это самое художественно убедительное отрицание письменной луны, превращающее ее в свою противоположность — солнечный знак.

(Слепым методом (фонетико-семантическим) невозможно сблизить слова **рано** и **рана**.)

Механизмы знако-фонетико-семантического метода позволяют допустить, что священный иероглиф, опредмеченный в каменном, металлическом, керамическом диске, вместо **точки** содержал **отверстие**: потому что изображалась рана. И если предмет имел название, выполненное слоговым письмом, то в зависимо-

сти от направления письма могло появиться слово **Rano** или **noRa** сначала в одном значении, но потом физическое отличие точки от отверстия должно было сказаться на семантике слова.

...Тюрки увидели этот египетский иероглиф, писанный на папирусе, уже с черной точкой. Чтобы назвать ее, применили отрицающий префикс ***ha**: **Ra**. Точка — ***ha-Ra**. Значения слов: **gara (kara)** — «черный» (общетюркское), **kara** — «смотри» (тюрко-кипчакские языки), **karaq** — «значок» (в тех же языках). Жрецы приняли весь сложный знак за изображение ока.

III

И вот теперь, когда благодаря древнеегип. **Ra** мы узнали происхождение чеш. **rano** — «утро», мы можем более уверенно рассмотреть судьбу шумерского иероглифа **ut(ud)** — «солнце» и его антизнака **jut (jud)**, которые помогут выяснить генезис слов **utro** — «восход» и **jutro** — 1) «*заход»; 2) «восход» (ошибочно, под влиянием *utro*).

Как это происходило, рассмотрим в следующей новелле, где коснемся толкований этих знаков жрецами народов Двуречья (Тигра и Евфрата), породивших сюжеты, философии которых уже тысячелетия не дают покоя обществам Передней Азии и всего мира.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Научный журнал «Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: Языки и специальность» публикует статьи, доклады и сообщения как известных российских и зарубежных ученых, так и молодых специалистов, докторантов и аспирантов, а также рецензии, обзоры, информацию о научных проектах. Материалы публикуются на русском и английском языках. Журнал выходит 4 раза в год.

<http://193.232.218.56/web-local/fak/rj/index.php?id=23&p=147>

<http://ru-rudn-ru.1gb.ru/node/2>

Внимание! Редколлегия принимает статьи аспирантов и докторантов только при наличии рецензии на статью от научного руководителя, отчет из системы «Антиплагиат ВУЗ» (оригинальность текста не менее 87%), заявление.

Каждая статья проходит **анонимное (внешнее) рецензирование** журнала. Редакционная коллегия принимает решение о публикации с учетом мнения рецензентов, в число которых входят как российские, так и зарубежные ученые.

После принятия редколлекцией серии решения о возможности публикации статьи ответственный секретарь серии информирует об этом автора и указывает сроки публикации.

Обязательна подписка на журнал как минимум на полугодие (журнал выходит 4 раза в год) по *каталогу Роспечати индекс журнала — 20830*.

Требования к рукописи, представляемой в редакционную коллегия

1. Блок 1 — на языке статьи: название статьи; ФИО автора(ов); адресные данные авторов (организация(и), адрес организации(й), авторское резюме; ключевые слова.

2. Блок 2 — полный текст статьи.

3. Блок 3 — список литературы на русском языке («Список литературы»), оформленный по ГОСТ Р 7.0.5-2008 (факультативен для публикаций на иностранном языке).

4. Блок 4 — информация Блока 1 в романском алфавите (если статья на русском языке) или на русском языке (если статья на английском) (транслитерация и перевод соответствующих данных) в той же последовательности: заглавие (перевод), ФИО авторов (транслитерация); название организации (перевод), адрес организации (транслитерация + перевод), аннотация (перевод), ключевые слова (перевод).

5. Блок 5 — список литературы в латинском алфавите (транслитерация + перевод) (“REFERENCES”). Если список литературы по п. 3 представлен в латинском алфавите, блок 5 не требуется.

6. Блок 6 — сведения об авторе/авторах статьи должны быть представлены в конце рукописи и содержать следующую информацию: ФИО полностью, (при наличии) ученая степень и ученое звание, должность, место работы, (при наличии) названия 2-3 важных научных работ, электронная почта.

Авторские резюме (аннотации) должны быть 1) информативными (не содержать общих слов); 2) оригинальными (не быть дословным переводом); 3) содержательными (отражать основное содержание статьи и результаты исследований); 4) структурированными (следовать логике статьи); 5) «англоязычными» (написаны стандартным английским языком); компактными (объем текста авторского резюме определяется содержанием публикации (объемом сведений, их научной ценностью и/или практическим значением), но не менее 700 знаков.

Резюме должно сопровождаться несколькими ключевыми словами или словосочетаниями, отражающими основную тематику статьи и облегчающими классификацию работы в компьютерных поисковых систем. Размер ключевого словосочетания не может быть больше 100 знаков, включая пробелы (ограничение для e-library).

Ссылки на источники даются в виде алфавитного списка литературы с нумерацией после текста. Сначала идут источники на русском, затем на иностранных языках. В самом тексте (после цитирования) информация об источнике печатается в квадратных скобках с указанием номера по списку.

Поля страницы: 2 см; размер бумаги А4 (210×297 мм); шрифт “Times New Roman”, кегль — 12; межстрочный интервал — 1,5.

Объем рукописи до 20 000 знаков. В отдельных случаях до 40 000 знаков.

Примечания в тексте статьи приводятся в постраничных ссылках и должны иметь сквозную нумерацию.

Транслитерация. На сайте <http://www.translit.ru> можно воспользоваться программой транслитерации русского текста в латиницу. Для транслитерации литературы следует пользоваться вариантами без обозначений твердого и мягкого знака.

Адрес страницы на сайте рецензируемого научного издания в сети «Интернет», где размещены правила направления, рецензирования и опубликования научных статей: <http://193.232.218.56/web-local/fak/rj/index.php?id=23&p=147>

Адрес страницы «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования. Языки и специальность» на сайте «Электронной научной библиотеки “ELibrary.ru”» http://elibrary.ru/title_about.asp?id=11968

Адрес эл. почты: Bulletin.LanguageTeaching@yandex.ru

Доп. адреса: sinyachkin_vp@rudn.university; bakhtikireeva_um@pfur.ru

Благодарим за сотрудничество!

INFORMATION FOR AUTHORS

The journal «Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series of Education Issues: Languages and Speciality» welcomes research articles, book reviews, literature overviews, and research project announcements by experts in the field and young scholars. The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors. The languages of publication are Russian, English French, German, Spanish. The journal publishes 4 issues a year.

SUBMISSION REQUIREMENTS

Manuscripts should be submitted as WORD files online at edulangjournalrudn@pfur.ru

The submission should include 700 to 1000 word abstract, 6 to 8 key words and a cover sheet with the following information: Name of the author(s), affiliation, title, degree, telephone and email address. A manuscript should not exceed 30,000—40,000 characters with spaces, including bibliography and footnotes. The recommended font is Times New Roman, 12-point with line spacing 1.5.

Submissions are subject to blind review by two experts in the field. Authors who wish to receive the journal issue with their publication should commit themselves to 1-year-long subscription to the journal.

Further information and submission guidelines can be found at
<http://193.232.218.56/web-local/fak/rj/index.php?id=23&p=147>

AUTHORS GUIDELINES

The articles submitted to the editorial board undergo a reviewing procedure.

The volume of the article should not exceed 1 publication base (40 000 printable characters). No more than three illustrations, diagrams or schemes can be placed within the article.

The article should be e-mailed in English or in Russian with abstract & keywords both in English and Russian.

The following are the requirements for manuscripts submitted to the editorial board.

1. The materials submitted to the editorial board must be presented in electronic and in print format. The text-based editor is Word. The materials should be signed by the author on the title page near the name of the author.

2. The title page of the article must contain the complex of the elements located on the page in the following order. At the top of the page the title of the article is printed in capital letters bold font. Surnames of the authors follow the heading and are printed by lower case letters.

3. References should follow the body of the text in alphabetical order, first the sources in Russian language, then the sources in foreign languages. References to the cited sources, and notes should be incorporated in the text of the article, after the quotation in square brackets, with the number from the list of references. Bibliographical description of the

source in the list of references is implemented in accordance with the rules of GOST 7.0.5-2008. Font and line spacing, is the same as in the article.

4. Margins: top — 2 cm; bottom — 2 cm; left — 2 cm; right — 2 cm; the size of a paper — A4 (210×297 mm); font «Times New Roman» № 12; line spacing — 1.5.

5. Notes and quotations incorporated in the body of the text should be numbered consecutively.

6. Materials without substantiated research support or not corresponding to the rules mentioned higher will not be considered.

7. The following data about the author should be attached to the manuscript: first name, middle name initial, last name, academic degree, academic title, place of employment, postal address, work address, home address, office phone number, home telephone number, fax, e-mail.

8. A short abstract of the article in Russian and English, the title of the article in English and the list of key words (no more than 15) are to be attached.

9. Please address the materials to the following address: FGBOU VPO Peoples' Friendship University of Russia, *Miklukho-Maklaya str., 10 A, Moscow, Russia, 117198*
Editorial board of the journal "Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series of Education Issues: Languages and Speciality"

E-mail: edulangjournalrudn@pfur.ru

We look forward to your submissions!

ИНФОРМАЦИЯ

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

<p>О СТИЛЕ ЦИТИРОВАНИЯ</p>	<p>Уважаемые авторы! С 1 номера 2018 года наш журнал переходит к стилю MLA в оформлении библиографических данных. Это касается, в первую очередь, структурного блока REFERENCES, который будет формироваться в соответствии с Руководством указанного стиля. Внутри текста мы сохраняем сквозное (последовательное) цитирование, помещая ссылку на источник в квадратные скобки с указанием его порядкового номера и страницы: [1. С. 432], [2. P. 67]. Более подробную информацию Вы можете получить по ссылке http://www.chicagomanualofstyle.org/tools_citationguide.html</p> <p>В таблице представлены образцы оформления РУССКОЯЗЫЧНЫХ ИСТОЧНИКОВ в блоке REFERENCES (Примечание: РУССКОЯЗЫЧНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ ОФОРМЛЯЕТСЯ В СООТВЕТСТВИИ С ГОСТ).</p> <p>Обратите внимание, что в русскоязычном списке указывается количество страниц (для книги) и номеров страниц (для журнала), а для REFERENCES эта информация факультативна; однако для стиля MLA важно указание о том, печатная или электронная книга представлена (Print/Web), а также данные о языке оригинала (in Russ.).</p> <p>MLA-ФОРМУЛА: №. Фамилия, И.О. Год. Транслитерированное название источника [Перевод названия на английский]. Город (полностью, без аббревиации): Издательство. Печ./эл. (язык оригинала).</p>	
<p>КНИГА ОДНОГО АВТОРА</p>	<p>Список литературы</p> <p><i>Лотман М.Ю.</i> Внутри мыслящих миров. М.: Азбука-Классика, 2016. 448 с.</p>	<p>References</p> <p>Lotman, M. Yu. 2016. Vnutri mysl'yashchikh mirov [Inside the Thinking Worlds]. Moscow: Azbuka-Klassika. Print. (in Russ.)</p>
<p>КНИГА БОЛЕЕ ДВУХ АВТОРОВ</p>	<p><i>Маслова В.А., Пименова М.В.</i> Коды лингвокультуры. М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. 180 с.</p>	<p>Maslova, V.A., and M.V. Pimenova. 2016. Kody lingvokultury [Codes of Linguoculture]. Moscow: FLINTA: Nauka. Print. (in Russ.)</p>
<p>ПЕРЕИЗДАННАЯ КНИГА</p>	<p><i>Жолковский А.К.</i> Блуждающие сны: статьи разных лет. 3-е изд. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. 512 с.</p>	<p>Zholkovskii, A.K. 2016. Bluzhdayushchie sny: stat'i raznykh let [Wandering Dreams: Articles of Different Years]. 3-rd ed. St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2016. Print. (in Russ.)</p>
<p>ГЛАВА В КНИГЕ</p>	<p><i>Эсалнек А.Я.</i> Архетип. Введение в литературоведение. М.: Издательский центр «Академия», 2012. 720 с. С. 345—359.</p>	<p>Esalnek, A.Ya. 2012. "Arkhetip" ["Archetype"]. In Vvedenie v literaturovedenie [Introduction to Literary Criticism], edited by L.V. Chernets, 345—359. Moscow: Izdatel'skii tsentr «Akademiya». Print. (in Russ.)</p>
<p>КНИГА ПОД РЕДАКЦИЕЙ</p>	<p>Антология концептов / под. ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. М.: Гнозис, 2007. 512 с.</p>	<p>Karasik, V.I., and I.A. Sternin, eds. 2007. Antologiya kontseptov [Anthology of Concepts]. Moscow: Gnozis. Print. (in Russ.)</p>
<p>ПЕРЕВЕДЕННАЯ КНИГА</p>	<p><i>Чиксентмихайи М.</i> Поток. Психология оптимального переживания / пер. с англ. М.: Смысл, 2013. 461 с.</p>	<p>Chiksentmihaii, M. 2013. Potok [Flow]. Translated by E.Perova. Moscow: Smysl. Print. (in Russ.)</p>
<p>ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА</p>	<p><i>Тлостанова М.В.</i> От философии мультикультурализма к философии транскультурации. М.: РУДН, 2008. 251 с. [электронный ресурс]. URL: XXXXXXXXXXXXXXXX (дата обращения: 00.00.00.)</p>	<p>Tlostanova, M.V. 2008. Ot filosofii multikul'turalizma k filosofii transkul'turatsii [From Multicultural Philosophy to the Philosophy of Transculturation]. Moscow: RUDN. http://XXXXXXXXXXXXX. Web. (in Russ.)</p>
<p>СТАТЬЯ В ЖУРНАЛЕ</p>	<p><i>Муранска Н.</i> Словацкая поэзия в русских переводах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2017. Т. 14. № 1. С. 102—109. doi: 0.22363/2312-8011-2017-14-1-102-109</p>	<p>Muranska, N. 2017. "Slovatskaya poeziya v russkikh perevodakh" [Slovak Poetry in Russian Translations]. RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices 14 (1): 102—109. doi: 0.22363/2312-8011-2017-14-1-102-109</p>

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ	Если по итогам конференции опубликован Сборник трудов, работа оформляется так же, как статья в журнале. Если работа была представлена на Конференции в устной форме, необходимо указать следующие данные: Бахтикиреева У.М., Валикова О.А. Среди миров // Материалы ежегодной Конференции Науки и Искусства, Болгария (21.07.17. — 30.07.17.)	Bakhtikireeva, U.M., and O.A. Valikova. 2017. "Sredi mirov" [Among the Wor(l)ds]. Paper presented at the annual meeting for the Science and Arts, Bulgaria, August 21—30.
ИНТЕРНЕТ	Как правило, ссылка на сайт дается ВНУТРИ текста в круглых скобках: (по данным сайта РУДН от 09.03.17, http://www.rudn.ru/). Нет необходимости помещать эти данные в REFERENCES/СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ. В случае, если Вы ссылаетесь на электронную книгу/журнал, Вы оформляете их по образцам, представленным выше.	
ПЕРИОДИКА	Ссылка на информацию из газет и журналов приводится ВНУТРИ текста в круглых скобках: — «ЦИТАТА ИЗ ГАЗЕТЫ/ЖУРНАЛА» (PSYCHOLOGIES, июнь, 2015).	
МЕДИА	Если Вы ссылаетесь на информацию, представленную в форме CD-записи, кинофильма, ролика, пожалуйста, укажите следующее: Автора работы, Год выпуска, Название, Формат: Цветаева М. Лирика. Читает Анна Большова. CD.	Tsvetaeva, M. 2014. Lirika [Lyrics]. Read by Anna Bolshova. Compact disc.
ЗАРУБЕЖНЫЕ ИСТОЧНИКИ (смотрите расширенный список в блоке REFERENCES на англоязычной странице сайта)		
ОДИН АВТОР	Ortiz F. Cuban Counterpoint: Tobacco and Sugar. Durham, and London: Duke University Press. 1995	Ortiz, F. 1995. Cuban Counterpoint: Tobacco and Sugar. Durham, and London: Duke University Press. Print.
НЕСКОЛЬКО АВТОРОВ	Garcia O., and L. Wei. Translanguaging: Language, Bilingualism and Education. New York: Palgrave Macmillan. 2014. Print	Garcia, O., and L. Wei. 2014. Translanguaging: Language, Bilingualism and Education. New York: Palgrave Macmillan. Print
СТАТЬЯ В ЖУРНАЛЕ	Huggan G. "Australian Literature, Risk, and the Global Climate Challenge". Literature Interpretation Theory. Issue 26, vol. 2: 85—105. 2015. doi: xxxxxxxxxxxxxxxxxxxx	Huggan, G. 2015. "Australian Literature, Risk, and the Global Climate Challenge". Literature Interpretation Theory 26 (2): 85—105. doi: xxxxxxxxxxxxxxxxxxxx

INFORMATION

ABOUT THE STYLE OF CITING (MLA)	Beginning with the first issue of 2018, we take as a basis the MLA style for processing bibliographic data. However, instead of the alphabetical list of literature, we continue to use the order of quoting sources in the text (ORDINAL CITATION). Below the rules and examples for REFERENCES are given. For full information on this style, see The Chicago Manual of Style (16th edn) or http://www.chicagomanualofstyle.org/tools_citationguide.html
IN THE TEXT (PLACEMENT)	Sources are cited in the text, usually in square brackets, by ordinal number in the text, and a page number. Full details are given in the Reference list (under the heading References). Place the reference at the appropriate point in the text; normally just before punctuation: [1. P. 34].
REFERENCE LIST	GENERAL PRINCIPLES
ORDER	As the source is mentioned in the text. In the Reference list all cited works are given sequentially: 1. Ortiz, F. 1995. Cuban Counterpoint: Tobacco and Sugar. Spanish edition. / Transl. into English by Harriet de Onis. New York: Knopf, (1940)1947. Reprint: Durham, NC, and London: Duke University Press Books, USA. IMPORTANT: Please, use the form of the author name as it appears on the title page or head of an article. Typically, the author's name is given in full: Ortiz, Fernando; Kellman, Stephen , etc., but you may also use initials: Ortiz, F.; Kellman, S. Choose only one variant of spelling a name, and use it in the list of References. We kindly ask you not to mix these two types.
PUNCTUATION	Headline-style capitalization is used. In headline style, all major words (nouns, pronouns, verbs, adjectives, adverbs) are capitalized. For non-English titles, use sentence-style capitalization.
BOOK	<p>ONE AUTHOR №. Surname, Name. Year. Book Title: The Subtitle. City: Publisher. Print/Web</p> <p>Example: 1. Ortiz, Fernando. 1995. Cuban Counterpoint: Tobacco and Sugar. Durham, and London: Duke University Press. Print. OR 1. Ortiz, F. 1995. Cuban Counterpoint: Tobacco and Sugar. Durham, and London: Duke University Press. Print.</p> <p>TWO AUTHORS №. A1 Surname, Name, and A2 Name Surname. Year. Book Title: The Subtitle. City: Publisher. Print/Web.</p> <p>Example: 1. Garcia, Ofelia, and Lee Wei. 2014. Translanguaging: Language, Bilingualism and Education. New York: Palgrave Macmillan. Print. OR 1. Garcia, O., and L. Wei. 2014. Translanguaging: Language, Bilingualism and Education. New York: Palgrave Macmillan. Print</p> <p>THREE AUTHORS №. A1 Surname, Name, A2 Name Surname, and A3 Name Surname. Year. Book Title: The Subtitle. City: Publisher. Print/Web.</p> <p>Example: 1. Harrison, John, Elizabeth Owl, and Kate Green. 2012. Book Title: The Subtitle. Abingdon: Routledge. Print. OR 1. Harrison, J., E. Owl., and K. Green. 2012. Book Title: The Subtitle. Abingdon: Routledge. Print.</p>

	<p>ORGANISATION AS AUTHOR:</p> <p>University of Chicago Press. 2012. The Chicago Manual of Style. 16th ed. Chicago: University of Chicago Press.</p> <p>BOOK IS NOT IN ENGLISH:</p> <p>№. Surname, Name. Year. Title in transliteration [Translation into English]. City: Publisher. Print/Web.</p> <p>Example: №. Tlostanova, Madina. 2008. <i>Ot filosofii mul'tikul'turalizma k filosofii transkul'turacii</i> [From multiculturalism philosophy to transculturation philosophy]. Moscow: RUDN Press, 2008. Print.</p> <p>OR №. Tlostanova, M.V. 2008. <i>Ot filosofii mul'tikul'turalizma k filosofii transkul'turacii</i> [From multiculturalism philosophy to transculturation philosophy]. Moscow: RUDN Press, 2008. Print.</p> <p>ONLINE Cite the online version, include the URL or DOI:</p> <p>Harrison, John. 2016. Book Title: The Subtitle. Oxford: Clarendon Press. doi: xxxxxxxxxxxx.</p> <p>Harrison, John. 2016. Book Title: The Subtitle. Oxford: Clarendon Press. http:// xxxxxxxxxxxx/.</p>
<p>JOURNAL</p>	<p>ONE AUTHOR</p> <p>1. Surname, Name. Year. "Article Title: The Subtitle." Journal Title in Full Issue: pages. doi:xxxxxxxxxxxxxxxxxx.</p> <p>1. Huggan, Graham. 2015. "Australian Literature, Risk, and the Global Climate Challenge." <i>Literature Interpretation Theory</i> 26 (2): 85—105. doi: xxxxxxxxxxxxxxxxxxxx</p> <p>OR 1. Huggan, G. 2015. "Australian Literature, Risk, and the Global Climate Challenge." <i>Literature Interpretation Theory</i> 26 (2): 85—105. doi: xxxxxxxxxxxxxxxxxxxx</p> <p>TWO AUTHORS</p> <p>1. A1 Surname, Name, and A2 Name Surname. Year. "Article Title: The Subtitle." Journal Title in Full Issue: pages. doi: xxxxxxxxxxxxxxxxxxxx.</p> <p>Example: 1. Mutekwa Anias, and Musanga Terrence. 2013. "Subalternizing and Reclaiming Ecocentric Environmental Discourses in Zimbabwean Literature: (Re)reading Doris Lessing's The Grass is Singing and Chenjerai Hove's Ancestors". <i>Interdisciplinary Studies in Literature and Environment</i>. 20 (2): 239—257. doi: xxxxxxxxxxxxxxxxxxxx</p> <p>OR 1. Mutekwa A., and M. Terrence. 2013. "Subalternizing and Reclaiming Ecocentric Environmental Discourses in Zimbabwean Literature: (Re)reading Doris Lessing's The Grass is Singing and Chenjerai Hove's Ancestors". <i>Interdisciplinary Studies in Literature and Environment</i>. 20 (2): 239—257. doi: xxxxxxxxxxxxxxxxxxxx</p> <p>THREE AUTHORS</p> <p>A1 Surname, Name, A2 Name Surname, and A3 Name Surname. Year. "Article Title: The Subtitle." Journal Title in Full Issue: pages. doi: xxxxxxxxxxxxxxxxxxxx</p> <p>Example: 1. Loginova, Olga, Galina Ivanova, and Aizhan Shakirtova. 2016. «Multicultural Education in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan: General Trends and National Peculiarities». <i>Journal of Education</i> (9): 3301—3312. doi: xxxxxxxxxxxxxx</p>

ф. СП-1

ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»

АБОНЕМЕНТ на журнал

20830

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН
Серия «Вопросы образования: языки и специальность»

Количество комплектов:

на 2018 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

на журнал

20830

(индекс издания)

ПВ	место	литер

ВЕСТНИК РУДН

Серия «Вопросы образования:

языки и специальность»

Стоимость	подписки	_____ руб. ____ коп.	Количество комплектов:	
	переадресовки	_____ руб. ____ коп.		

на 2018 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ф. СП-1

ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»

АБОНЕМЕНТ на журнал

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН

Серия _____

Количество комплектов:

на 2018 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ	место	литер

на журнал

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН

Серия _____

Стоимость	подписки	_____ руб. ____ коп.	Количество комплектов:	<input type="text"/>
	переадресовки	_____ руб. ____ коп.		

на 2018 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)